

Марка-Евангелие

**Цикл из десяти лекций, прочитанных
в Базеле с 15 по 24 сентября 1912 г. с
предисловием Рудольфа Штайнера**

GA 139

Das Markus-Evangelium

**Ein Zyklus von zehn Vortagen, gehalten in Basel vom 15.
bis 24. September 1912 mit einem Vorwort von Rudolf
Steiner**

GA 139

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 15 сентября 1912г.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 16 сентября 1912г.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 17 сентября 1912г.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 18 сентября 1912г.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 19 сентября 1912 г.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 20 сентября 1912 г.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 21 сентября 1912 г.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 22 сентября 1912 г.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ Базель, 23 сентября 1912 г.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ Базель, 24 сентября 1912 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Читатели этого лекционного цикла, которые не пережили вместе с нами то, что разыгрывалось в то время, когда эти лекции читались в Теософском обществе, находившемся тогда под влиянием авторитета Анни Безант, могут, пожалуй, найти предосудительным, что во многих местах был принят полемический тон именно против ее воззрения на Христа. Чтобы понять этот тон, нужно принять во внимание, что в то время для многих людей, к которым эти лекции обращались, был еще значителен авторитет Анни Безант, и лектор должен был защищать свое понимание Христа, которое никогда не отличалось от высказываемого здесь. По мнению некоторых, теперь, когда эта борьба осталась далеко позади, полемические места могли бы быть опущены. Но, по мнению издателей, эти лекции должны восприниматься только исторически, - так, как они произносились тогда. И для многих небезынтересно будет узнать, от каких предрассудков, противоречащих всему западному

пониманию, надо было защищать высказываемое здесь представление о Христе. Рассмотрев внимательно этот вопрос, можно увидеть, что для лектора дело было не в текущих догматических сварах между идеологическими сообществами и сектами, но в поддержке того, за что он отвечал перед своей научной совестью, в противовес несуразности, выдвинутой из личных интересов, которая, казалось бы, сама себя осуждала перед разумными людьми своей абсурдностью, но тогда в Теософском обществе представлялась равнозначной тому, что утверждал лектор. В действительном мире может ведь играть роль и то, что противоречит элементарной разумности.

То, что лектор должен был оставаться на том представлении о Христе, которое было высказано им в 1902 г. и никогда не оспаривалось членами Общества, даже наиболее выдающимися, - вместе с другими подобными вещами привело к тому, что стоящее под авторитетом Анни Безант Общество исключило всех тех членов, которые по приводимым лектором причинам отрицательно относились к несуразностям Анни Безант. Теософское общество по инерции считало еретическим все, что не было задумано им как догматический спор. Лектор хотел иметь дело только с обстоятельными разъяснениями. Но все произошло именно так, как всегда происходит при столкновении обсуждений по существу с фанатизмом, рожденным личными интересами. Разбирательство привело к тому, что исключенные из Теософского общества объединились в Антропософское общество, которое с тех пор возросло в численности. И если принять в рассмотрение все то, что из-за вздорной клеветы теософского идола - Анни Безант и других одурманенных служителей этого идола публично высказывалось против Антропософского общества и особенно против лектора, если принять во внимание многое другое, что с тех пор исходило из недр этого Общества как продукты "благороднейшего человеколюбия", то невозможно рассматривать отделение Антропософского общества от Теософского как что-то дурное; также и многие читатели этих лекций, которые тогда были заинтересованы в разделении, должны отзвук этой борьбы, который выступает отчасти в этих рассматриваниях, принимать как документ, касающийся тогдашних взаимосвязей, и как свидетельство многих трудностей, которые возникают, когда приходится защищать что-то по чисто содержательным причинам. И если кому-нибудь это не покажется достаточным основанием, то пусть он наберется терпения, чтобы без досады переступить через несущественное для него, но что для тех, к которым были обращены эти лекции, имело немаловажное значение.

Рудольф Штайнер Берлин, 1918г

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 15 сентября 1912г

Известно, что Евангелие от Марка начинается словами: "Это есть

начало Евангелия об Иисусе Христе" (Почти все цитаты из Евангелия приводятся Рудольфом Штайнером в переводе Лютера).

Для тех, кто в настоящее время ищет понимания Евангелия от Марка, уже эти первые слова должны заключать в себе три загадки. Первая загадка заключается в словах: "Это есть начало..." Начало чего? Как понимать это начало? Вторая загадка: "... начало Евангелия ..." Что значит в антропософском смысле слово "Евангелие"? Третья загадка в том, о чем мы часто говорили: это образ Самого Христа Иисуса.

Тому, кто серьезно ищет познания и углубления собственного "я", должно быть ясно, что человечество находится в развитии, и поэтому то, что называют пониманием того или другого откровения, также не является чем-то незыблемым; ничто не заключено в рамках одной эпохи, но понимание углубляется; так что, в сущности, глубочайшие вещи, касающиеся человечества, для того, кто серьезно относится к словам "развитие" и "прогресс", настоятельно требуют, чтобы они с развитием времени понимались лучше, основательнее, глубже. Для чего-то подобного Евангелию от Марка, - и мы это подтвердим тремя упомянутыми загадками, - наступил поворотный момент в понимании только в наше время; медленно, но неуклонно подготавливалось то, что может привести теперь к пониманию Евангелия от Марка, - привести к пониманию того, что "Евангелие начинается". Почему это так?

Нам нужно обратиться к тому, что наполняло души еще в сравнительно недавнее время, и увидеть, как мог измениться род понимания, как он должен был измениться в отношении подобных вещей. Отступая от XIX века в прошлое, мы найдем, что уже в XVIII и XVII веках мы стоим ближе к тем временам, когда люди, которые в своей духовной жизни обращались к Евангелиям, находили их понимание из совершенно других основ, чем теперешнее человечество. Что говорил себе человек XVIII века, если он хотел вписаться в общий процесс развития человечества, не принадлежа к тем людям (а их было в истекшие столетия очень мало), которые так или иначе были связаны с каким-нибудь посвящением, каким-либо оккультным откровением, - если это был рядовой человек, принимавший в себя то, что дает внешняя, экзотерическая жизнь? Даже самые просвещенные, кто стоял на вершине образования своего времени, не могли окинуть взором жизнь человечества далее, чем за три тысячелетия, причем одно из них, как бы терявшееся в тумане, относилось ко времени до христианского летосчисления, а два других, почти законченных тысячелетия - ко времени после основания христианства. Три тысячелетия охватывал взором человек. Если он заглядывал в это первое тысячелетие, то перед ним, как мистически-темная предыстория человечества, выступали времена древней Персии. Это вместе с тогдашними познаниями о древнеегипетской эпохе считалось предшествующим тому, что составляло уже собственно историю, которая начиналась тогда Грецией.

Именно Греция составляла основу образования того времени, и все,

кто хотел глубже заглянуть в жизнь людей, исходили из Греции. В рамках греческой культуры являлось все, что говорило о древнейших временах этого народа в его работе для человечества, - Гомер, греческие трагики и вообще греческие писатели. Затем видели, как постепенно Греция склонялась к упадку, как она была внешне преодолена Римом, - причем только внешне: в сущности, Рим одолел Грецию политически, но в действительности принял греческое образование, греческую культуру, греческий быт. И можно было сказать: политически римляне победили греков, духовно греки победили римлян. И во время этого процесса, - когда Греция духовно побеждала Рим, - через сотни каналов в него вливалось то, что было ею достигнуто, а оттуда струилось во все другие культуры в мире, - во время этого процесса вливалось в эту греко-римскую культуру и христианство. Оно все больше развивалось и претерпело существенное преобразование, когда в развитии греко-римской культуры приняли участие северогерманские народы. В этом слиянии греческого, римского и христианского начал проходила вторая тысяча лет человеческой истории для людей XVIII века, - первое христианское тысячелетие.

Затем начинается второе христианское тысячелетие - третье тысячелетие человеческой культуры для людей XVIII века. Мы видим, что хотя внешне все идет как будто в том же роде, но на самом деле иначе, если рассматривать вещи глубже. Достаточно взять только два образа -художника и поэта, которые, будучи типичными для своей эпохи, все-таки демонстрируют то, как с началом второго христианского тысячелетия в западную культуру вступило и начало действовать нечто существенно новое. Эти два образа - Джотто (Джотто ди Бондоне (1266-1337) - итальянский художник и архитектор, ученик Чимабуэ) и Данте (Данте Алигьери (1265 - 1321) - итальянский поэт). Джотто - художник, Данте - поэт. Эти две фигуры положили начало всему последующему, и то, что они дали, послужило дальнейшему развитию западной культуры. - Таковы были три тысячелетия, которые люди охватывали взором.

Но вот наступило XIX столетие. Сегодня только тот, кто хочет глубже взглянуть в образование культурных эпох в целом, сможет обозреть то, что произошло в XIX веке, что с необходимостью стало иным. Все это происходило в умах в душах. К пониманию этого сегодня пришли лишь немногие. Перспектива людей XVIII века при взгляде в прошлое доходила лишь до греческой культуры, догреческое время было чем-то неопределенным. Что произошло в течение XIX века и что поняли лишь немногие, что и сегодня мало признается, так это то, что Восток вполне интенсивным образом вошел в Западную культуру. Это вхождение Востока таким своеобразным способом является тем, что мы должны увидеть за преобразованиями, произошедшими с образованием XIX века. Воспринятое по сути это проникновение Востока бросило тень и свет на все то, что постепенно вливалось в образование и вливается все более и более, на все то, что требуется для нового понимания тех вещей, которые человечество до сих пор понимало совсем другим образом.

Если сегодня мы хотим рассмотреть отдельные образы и индивидуальности, которые влияли на развитие Запада и в которых можно найти практически все, что нес в своей душе человек в начале XIX века, если он интересовался духовной жизнью, - то можно назвать Давида (Давид - второй царь Израиля (около 1000 г. - примерно 965г. до Р. Х.)), Гомера (Гомер - греческий поэт, великий эпос которого принес ему славу величайшего поэта всех времен; жил, вероятно, в VIII веке до Р. Х.), Данте, Шекспира (Уильям Шекспир (1564 - 1616)) и едва входившего тогда в жизнь Гете. Будущая история полностью усвоит то, что на рубеже XVIII - XIX столетий духовный образ людей был определен этими пятью фигурами. В большей степени, чем это можно предположить, в тончайших движениях души жило то, что можно назвать чувством, правдой псалмов, - жило то, что можно найти уже у Гомера, что у Данте облеклось в такие грандиозные образы; затем, там жило то, что выразилось у Шекспира (хотя не было в такой мере в самом Шекспире) так же, как в людях Нового времени. К этому прибавляется борьба человеческой души за правду, что потом выразилось в картинах "Фауста", и что жило в каждой душе, так что часто говорили: всякий борющийся за правду человек - по природе Фауст.

Ко всему этому добавилась совершенно новая перспектива, выходящая за пределы тех трех тысячелетий, которые охватывают упомянутые пять фигур. По путям, для внешней истории совершенно необоснованным, внутренний Восток вошел в духовную жизнь Европы. Речь идет не только о том, что к упомянутым произведениям присоединились Веды и Бхагавад-гита, что люди узнали восточные художественные творения и благодаря этому в мир вошел новый оттенок чувства, который существенно отличался от чувства псалмов или от того, что имеется у Гомера или Данте: тайными путями в духовную жизнь Европы вошло также нечто такое, что становится все более видимым в XIX веке. Вспомним только одно имя, которое в середине XIX века обращало на себя большое внимание, и нам станет ясно, как что-то с Востока проникало таинственными путями в Европу, - вспомним имя Шопенгауэра. (Артур Шопенгауэр (1788-1860) - философ). Что прежде всего бросается в глаза у Шопенгауэра, если смотреть не на теоретическую часть его системы, но на те чувства и ощущения, что пронизывают все его мышление? - Глубокое родство этого человека XIX века с восточно-арийским мышлением и настроенностью. Везде во фразировке, в акцентировании чувства у Шопенгауэра живет то, что можно назвать восточным элементом на Западе. И это перешло на Эдуарда фон Гартмана (Эдуард фон Гартман (1842 - 1906) - философ) во второй половине XIX века.

Я сказал: это проникло таинственными путями. Эти таинственные пути люди начинают понимать все лучше, когда видят, что действительно в ходе XIX столетия происходит полное превращение, метаморфоза всего человеческого мышления и чувствований, - и не в одном месте Земли, но в духовной жизни по всей Земле. Чтобы понять, что произошло на Западе, достаточно

прочитать что-нибудь, написанное о религии, философии в какой-либо момент развития духовной жизни XIX века и сравнить с чем-то подобным, что относится к раннему XVIII веку. Мы увидим, насколько основательно происшедшее превращение, метаморфоза: все высшие мировые загадки стали более расплывчатыми и человечество стремится к новой постановке вопросов и к совершенно новым способам чувственного восприятия. Все, что религия с тем, что к ней относится, давала людям, не может теперь по-прежнему сообщаться человеческим душам, и повсюду стали требовать чего-то такого, что глубже, сокровенней проникало бы в тайны религии. Так происходило в Европе и не только в Европе. Характерно, что на рубеже XVIII и XIX веков образованные люди по внутреннему побуждению везде начинают думать иначе, чем прежде. Если мы хотим составить себе более точное представление о том, что, собственно, предваряет это, то надо обратить внимание на общее сближение народов, на образование народов и их признание: народы, принадлежащие к различным вероисповеданиям, в XIX веке совершенно примечательным образом начинают понимать друг друга. Можно привести характерный пример, который поставит нас в центре того, на что мы хотим здесь указать.

В 30-х годах XIX столетия в Англии появился один человек, который был брамином, а в браманизме признавал учение Веданты, это Рам Мохан Рой (Рам Мохан Рой (1772 - 1833) - основатель Брахма Самаджа), который в 1833 году умер в Лондоне; он приобрел большое влияние на большую часть современников, интересовавшихся этими вопросами, и производил на них сильное впечатление. В нем замечательно то, что он, с одной стороны, являлся совершенно не понятным реформатором индуизма, а с другой стороны, благодаря своим высказываниям, мог быть понят всеми европейцами, которые находились на высоте времени. Он высказывал не такие идеи, которые можно понять только из ориентализма, но такие, о которых люди могли сказать: они понятны из всеобщего человеческого разума.

Как выступал Рам Мохан Рой? Он говорил примерно так: "Я живу в индуистской среде; там молятся большому числу богов, различным божественным образам. Если спросить людей, почему они поклоняются тому или другому божеству, тогда люди моей родины говорят: это старый обычай моей родины, мы иного не знаем, так было при наших отцах, при отцах их отцов и т. д. И так как люди (так думал Рам Мохан Рой) находились только под этим впечатлением, в моей стране пришли к глубочайшему идолопоклонству, к совершенно отвратительному идолопоклонству, которое позорит то, что первоначально составляло величие религии моей родины. Там была вера, которая несколько противоречиво выражена в Ведах, но которая для человеческого мышления изложена Вьясой в чистейшем виде в системе Веданты". Это, говорил он, ему хочется исповедовать. И для этого он делал переводы с различных непонятных наречий на язык, который могли понимать в Индии; он также сделал выборки из того, что

считал правильным учением, и распространял их среди людей. Что же при этом хотел Рам Мохан Рой? Он полагал, что узнал, что под видом разных богов и почитания идолов скрыто чистое учение о предвечном едином Боге, который живет во всем, который не познается в идолослужении, но который снова должен проникнуть в души людей. И когда этот индийский брамин подробно говорил о том, что он считал правильной Ведантой, что он рассматривал как правильное индусское исповедание, - тогда не казалось, что слышишь что-то чуждое, но людям, которые его правильно понимали, представлялось, что он проповедует некую религию разума, которую каждый мог обрести, если бы из своего разума обратился к единому Богу.

И Рам Мохан Рой имел последователей - Дебендраната Тагора (Дебендранат Тагор (1817 - 1905) - с 1842 г. руководитель Брахма Самаджа) и других. Один из его последователей (Кешаб Чандра Сен (1838-1884)) , - это особенно интересно, - прочитал в 1870 году, будучи индусом, лекцию о "Христе и христианстве". Весьма интересно слышать, как индус говорит о Христе и христианстве; то, что является истинной мистерией христианства, это индусскому оратору совершенно чуждо, это его не трогает. Видно из всего течения лекции, что он не схватывает основного факта - того, что христианство исходит не от одного личного учителя, но именно от Мистерии Голгофы, от факта мировой истории, от смерти и Воскресения. Но что он может понять и что его озаряет - это то, что во Христе люди имеют перед собой существо необычайно значительное, важное для каждого человеческого сердца, образ, который является идеальным для всего мира. Поразительно слушать индуса, говорящего о Христе, слушать, как он говорит следующее: если углубиться в христианство, тогда надо было бы себе сказать, что это христианство на самом Западе должно пережить дальнейшее развитие. Потому что то, что европейцы приносят на мою родину как христианство, мне не кажется истинным христианством.

Из приведенных примеров мы видим, что не только в Европе души стремятся заглянуть, так сказать, за кулисы религиозных исповеданий, но и в далекой Индии (то же можно сказать и о многих других местах Земли) умы начали бродить и по-новому приближаться к вещам, которые признавали в течение столетий и тысячелетий. Эта метаморфоза душ в XIX столетии только со временем станет полностью понятной. И только позднейшая история признает, что через такие процессы, которые в видимости затрагивают только немногих, но которые по тысячам каналов струятся вплоть до наших душ и сердец и все люди, принимающие какое-либо участие в духовной жизни, переживают их в настоящее время в своих душах, должно наступить полное обновление, преобразование всех вопросов и всех видов постижения по сравнению со старыми воззрениями. Итак, уже везде в мире можно наблюдать величественную картину углубления важнейших вопросов.

Чего хочет наше духовное движение, так это ответов на подобные

вопросы. Это движение уверено в том, что эти вопросы - так, как они поставлены, - не могут получить ответа ни через старые традиции, ни через современное природоведение, ни через мировоззрение, которое работает только с фактами современной науки о природе, они разрешимы только через духовную науку. Необходимо исследование в духовных мирах; другими словами, человечество ныне, согласно всему ходу своего развития, должно ставить вопросы, которые могут получить ответы только через исследование в сверхчувственных мирах. Весьма медленно и постепенно выступили из западной духовной жизни и те вещи, которые созвучны с прекраснейшими преданиями Востока. Вы знаете, что всегда указывалось на то, как вытекает из самой западной духовной жизни закон реинкарнации и что нет нужды перенимать его из буддизма, как не обязательно сегодня брать из исторического предания теорему Пифагора. Это всегда подчеркивалось. Но благодаря тому, что в современной душе возникла идея о перевоплощении, был создан мост к тому, что предшествовало упомянутым трем тысячелетиям (потому что именно тогда, вплоть до Будды, учение о перевоплощении не было главным пунктом их мышления). Расширился горизонт, расширилась перспектива развития человечества за рамки этих трех тысячелетий, а это вызвало везде новые вопросы, на которые может быть дан ответ только из духовной науки.

Обратимся к тому, что возникает в связи с началом этого Евангелия: в Евангелии от Марка должно быть дано "начало благовестия об Иисусе Христе". И припомним, что вслед за этими вводными словами следует не только характеристика изречений старых пророков, но и возвешение о Христе самим Иоанном Крестителем; это возвешение Крестителем может быть заключено в слова: "Время исполнилось; Царство Божественного нисходит в земное бытие". Что это все значит?

Попытаемся в свете того, что нам может дать современное духовнонаучное исследование, провести перед собой те времена, которые заключают в себе "исполнение". Исследуем, что это значит: "Старое время исполнилось, начинается новое время". Легче всего это понять, направив взор на то, что лежит в старых временах, а затем посмотреть на то, что лежит в более новых временах, - между этими двумя точками находится Мистерия Голгофы. Возьмем нечто такое, что было до Мистерии Голгофы, и то, что было после нее, и постараемся углубиться в разницу времен, чтобы узнать, насколько исполнилось старое время и насколько началось новое. Попытаемся при этом не вдаваться в абстракции, а рассматривать конкретное.

Я хочу направить ваш взор на нечто, принадлежащее первой тысяче лет прежнего рассмотрения эволюции человечества. Из древнейших времен первого тысячелетия выступает образ Гомера, греческого поэта и певца. Лишь имя сохранилось человечеству от того, кому принадлежат или приписываются две величайшие поэмы из сокровищницы человечества - "Илиада" и "Одиссея". От автора дошло одно имя, да и в связи с ним в XIX веке возникали

досадные сомнения. Как явление, которому все больше удивляются, чем больше его узнают, стоит перед нами Гомер. Можно сказать: для того, кто вообще этими вещами занимается, те образы, которые создал Гомер в "Илиаде" и "Одиссее", представляются более живыми, чем все исторические образы Греции. Различные люди, если они занимались Гомером, говорили, что по точности описания, по тому, как он изображает человека, его можно принять за врача; другие полагают, что он должен был быть художником, скульптором; некоторые думают, что он был каким-нибудь ремесленником. Наполеон восхищался в его описаниях тактикой и стратегией. Другие считают его нищим, который бродил по стране. По меньшей мере уже через эти разнообразные трактовки просвечивает совершенно неповторимая индивидуальность Гомера.

Возьмем один его образ - Гектора. Прошу вас, если будет время, всмотритесь в "Илиаде" в образ Гектора, как он пластически описан: он стоит перед нами как бы выточенным, завершенным. Посмотрите, как он ведет себя по отношению к своему родному городу Трое, в отношении своей жены Андромахи, как относится к Ахиллу, к войску и к командованию войском. Вызовите перед своей душой эту личность со всей его мягкостью супруга, этого мужа, который совершенно в античном смысле привержен своему городу Трое, - я прошу вас подумать о его отношении к Ахиллу, - это могло быть только у великого мужа. Личность с большой, всеобъемлющей человечностью стоит перед нами в образе Гектора, как его описал Гомер. И он приходит из далеких времен (то, что описывает Гомер, предшествовало его времени и потому пребывает во мраке прошлого), - так что этот образ, как и все образы Гомера, уже достаточно мифологичен для современного человека. Пусть скептики и всевозможные филологи сомневаются в том, что Гектор существовал, как они сомневаются и в том, что существовал Гомер. Но кто принимает в расчет все то, что чисто по-человечески может быть принято в расчет, тот будет уверен в том, что Гомер описывает только факты, которые имели место, и что Гектор есть образ реального человека, ходившего по Трое, так же как Ахилл и другие персонажи. Как истинные образы земной жизни стоят они еще перед нами, и мы смотрим на них, как на людей другого рода, которых сегодня уже трудно понять, но которые через поэта выступают перед нашей душой во всех деталях. Мы хотим такого рода образ, как образ Гектора, побежденного Ахиллом, поставить перед своей душой в качестве одного из главных троянских полководцев. Мы находим в таком образе нечто принадлежащее времени человечества, по которому можно судить, каковы были люди этого дохристианского времени, до появления Христа.

Я направляю ваш взор далее, к другому образу - к образу из V дохристианского столетия, к великому философу, который провел большую часть своей жизни в Сицилии, к замечательному образу Эмпедокла (Эмпедокл (483 - 423 гг. до Р.Х.) - греческий философ и врач). Он был тем, кто первым заговорил о "четырех элементах" - огне, воде, земле и воздухе, - о том, что все в материи происходит

благодаря смешению и разделению этих четырех элементов по принципу ненависти и любви, действующих в этих элементах; но важнее всего то, как он действовал в Сицилии, как инициировал значительные государственные учреждения и привел людей к духовной жизни. Полной приключений, равно как и глубоко духовной была эта жизнь, на которую мы оглядываемся, когда взираем на Эмпедокла. Пусть другие сомневаются, - духовная наука знает, что Эмпедокл действовал в Сицилии как государственный деятель, как посвященный, как маг; и также как Гектор ходил по Трое. И показательным для своеобразного отношения Эмпедокла к миру перед нами встает факт - не выдуманный, а действительный: он кончил тем, что бросился в Этну и сторел в ее пламени, чтобы соединиться со всем бытием, которое его окружало. Таков второй образ из дохристианских времен, стоящий перед нами.

Рассмотрим теперь средствами современной духовной науки эти образы. Прежде всего мы знаем, что эти личности появятся снова, так как души возвращаются. Мы не будем обращать внимание на промежуточные воплощения, а поищем их в христианском времени. Тогда мы получим указание на изменение времен, которое поможет нам понять, как в человеческое развитие вошла Мистерия Голгофы. Если можно сказать: "Такие фигуры, как Гектор и Эмпедокл, явились снова, - как же они проявляются в христианское время?" - тогда мы имеем воздействие Мистерии Голгофы - исполнение и начало нового времени, проявленные именно в душах. Так как здесь собрались серьезные антропософы, нам не надо пугаться сообщений действительной духовной науки, которая может быть проверена внешними фактами.

Я хотел бы направить ваш взор на нечто другое, что произошло в христианское время. Можно опять сказать, что мы имеем дело с поэтическим образом. Но этот "поэтический образ" восходит к действительной личности, которая была в жизни. Я направляю ваш взор на образ, созданный Шекспиром, - на его Гамлета. Кто из духовной науки знает прототип героя Шекспира, тот знает, что Гамлет был только преображенным, некогда жившим датским принцем. Образ Гамлета, который создал Шекспир, действительно существовал. Я не могу заниматься здесь разбором того, как историческая личность была положена в основу поэтического образа, созданного Шекспиром. Но духовнонаучный результат я хочу сообщить, хочу на ярком примере показать, как дух древности снова появляется в христианское время. Действительный образ, который лежит в основе шекспировского Гамлета, - это Гектор. Та же самая душа жила в Гамлете, что и в Гекторе. Именно на таком характерном примере, где ярко выступает различие изживания души, можно себе уяснить, что, собственно, произошло в промежуточное время. Такая личность, как Гектор, стоит перед нами, с одной стороны, в дохристианское время. Но вот в человеческое развитие входит Мистерия Голгофы, и ее искра ударяет в душу Гектора, дает возникнуть прообразу Гамлета, о котором Гете сказал: "Душа, которая не доросла до

действительности и для которой никакой действительности не достаточно; ей поставлена задача, которую она однако не может исполнить". Можно спросить: почему Шекспир так ее выразил? Он этого не знал. Но кто с помощью духовной науки заглядывает в эти связи, тот знает, какие силы за этим стоят. Поэт творит бессознательно, потому что сначала перед ним встает образ, который он создает, а затем - как панорама (о чем он однако не знает) - вся индивидуальность, которая с этим связана. Почему Шекспир выдвигает и резко подчеркивает именно те особые черты характера Гамлета, которые современный наблюдатель, может быть, и не заметил бы? Потому что он их наблюдает на фоне течения времени. Он чувствует, насколько другой стала душа при переходе из старой жизни в новую. Сомневающийся скептик Гамлет, который не приспособлен к действительной жизни, нерешительный - таким он сделался из непоколебимого Гектора.

Я направляю ваш взор на другую фигуру Нового времени, которая тоже приблизилась к человечеству через поэтический образ, через произведение, главный герой которого будет, конечно, еще долго жить в человечестве, когда автор уже станет для будущего мира подобным Гомеру или Шекспиру, - когда об одном не знают ничего, а о другом знают страшно мало. Когда-нибудь позабудут то, что составители мемуаров и биографы сообщают о Гете, забудут то, чем люди так интересуются у Гете, - и это несмотря на книгопечатание и другие современные средства, - но всегда будет стоять в жизненной величии, в живой пластичности образ Фауста, который создал Гете. Люди ничего не знают о Гомере, а о Гекторе и Ахилле знают очень много, - и придет время, когда о личности Гете будут знать немного (и это хорошо!), но всегда будут знать о Фаусте.

Фауст - это такой образ, который, будучи выведен в литературе, а затем завершен у Гете, восходит также к реальному образу. Он жил как реальная фигура в XVI веке, - он действительно был. Был не таким, как его описывает Гете в своем "Фаусте". А почему Гете описывает его именно таким? Он сам этого не знал. Но когда он направлял взор на Фауста, на традиционного Фауста, которого знал с детства, еще по кукольному театру, тогда в нем действовали силы того, кто стоял за Фаустом, кто был предшествующим воплощением Фауста, - силы Эмпедокла, древнегреческого философа! Это все просвечивало в образе Фауста. И хотелось бы сказать: когда Эмпедокл бросается в Этну, связывается с огненным элементом Земли, - каким удивительным одухотворением, какой спиритуализацией этой, дохристианской мистики природы, которая тем самым становится действительностью, является заключительная сцена гетевского "Фауста", это вознесение Фауста в огненный элемент неба с помощью таких существ, как, например, Pater Seraphicus! Медленно и постепенно вживается новое духовное направление в то, к чему люди больше стремятся. Уже давно для многих глубоких умов человечества стал значимым сам факт - без того, чтобы они что-нибудь знали о перевоплощении и карме: когда они рассматривали во всем объеме душу, которую хотели

описать на основании ее собственной внутренней жизни, они описывали то, что просвечивало из ее прежних воплощений. Как Шекспир не знал, что Гамлет был Гектором, но именно так его изобразил, не зная, что в Гекторе и Гамлете жила одна и та же душа, - так и Гете описывал Фауста, как будто за ним была душа Эмпедокла со всеми ее особенностями, потому что в Фаусте была именно душа Эмпедокла. Но характерно, что именно таково движение вперед и прогресс человеческого рода.

Я выбрал два характерных образа; на обоих мы можем видеть, как античные герои в наше современное христианское время оказываются настолько потрясенными в глубине их душ, что с трудом справляются с жизнью. В них есть все то, что имелось раньше. Если дать, например, Гамлету воздействовать на себя, то можно почувствовать, что в нем есть вся сила Гектора. Но чувствуется и то, что эта сила не может проявиться в христианское время, что она находит поначалу противодействие в христианском времени, что там действует на душу некое *начало*, в то время как раньше, при образах, которые встречаются в древности, дело касалось *конца*. Как Гектор, так и Эмпедокл являются завершением. Пластически законченными стоят они перед нами. Но то, что в человечестве действует дальше, это должно найти новые пути в новых воплощениях, - как у Гектора в Гамлете, так у Эмпедокла в Фаусте, который имеет в себе все, что является стремлением в пропасть природы, весь эмпедокловский элемент, и только через это глубинное существо может сказать: "Я Библию на время положу под парту и хочу быть исследователем природы и врачом, не хочу больше быть теологом". Фауст имел потребность общаться с демоническими существами, что заставляло его носиться по свету и делало его удивительным, но непонятным. Здесь действует эмпедокловский элемент, но он не справляется с тем, чем должен быть человек в Новое время.

Я хотел этим разбором показать, как на значительнейших, всем известных душах сказывается великий переворот; этот переворот обнаруживается именно тогда, когда идут в глубину. И если спрашивают: "Что произошло между старыми и новыми инкарнациями таких индивидуальностей?" - то всегда приходят к ответу: Мистерия Голгофы! Произошло то, что возвещал Креститель, когда говорил: "Время исполнилось, Царства Духа или Царства Небесные, переходят в человеческое царство". Да, они захватывают сильно это человеческое царство - Царства Небесные! И те, которые видят этот захват лишь извне, не могут его понять. Захват этот так могуществен, что выкристаллизовавшиеся античные герои должны были снова начинать эволюцию на Земле, и это сказывается на них вплоть до завершения старого времени, до Мистерии Голгофы: закончилось то, что нашло свое исполнение, - и это ставит людей перед нами в качестве самостоятельных личностей. Затем пришло нечто такое, что побудило души положить в себе самих новое начало, чтобы все было преобразовано, переплавлено, чтобы души, которые были велики, явились как души малые, потому что они должны вернуться к

детству, потому что начинается нечто совсем новое. Мы должны вписать это себе в душу, если хотим понять то, что в самом начале Евангелия от Марка мыслится как *Начало*. Да, начало, которое потрясает души в их глубочайшей сущности, которое приносит совершенно новый импульс в человеческое развитие: "Начало Евангелия".

Что такое "Евангелие"? Это то, что нисходит из Царств, которые мы часто описывали в связи с иерархиями высших существ: там находятся Ангелы и Архангелы, и это спускается через мир, возвышающийся над миром человеческим. Там обретается перспектива в отношении более глубокого смысла слова "Евангелие". Импульс, который нисходит через царство Архангелов и Ангелов, и есть Евангелие, есть нечто, исходящее из этих Царств, что входит в человечество. Все абстрактные переводы, в сущности, мало касаются сути.

В действительности же в слове "Евангелие" должно бы быть указано на то, что в некоторый момент на Землю начинает изливаться то, что раньше было только там, где пребывают Архангелы и Ангелы, что низошло на Землю, что потрясло там души и особенно мощно потрясло сильнейшие души. А начало ведь имеет продолжение, вот что должно быть отмечено. Это значит, что Евангелие продолжается. Начало было положено в то время, и мы увидим, что все человеческое развитие с того времени есть, в сущности, продолжение излияния того импульса из Царства Ангелов, который можно назвать "Евангелием". Желая охарактеризовать отдельные Евангелия, надо искать и исследовать достаточно глубоко, и именно Евангелие от Марка может быть понято, только если понимать человеческое развитие в правильном смысле, со всеми его импульсами, со всем тем, что произошло на протяжении времени. Я хотел вам это охарактеризовать не внешне, но на примере душ, показав, как, собственно, признание факта перевоплощения, сделанного предметом действительного исследования, впервые показывает становление такой души, как душа Гектора или Эмпедокла, и может выявить все значение импульса, который пришел благодаря событию Христа. Можно рассказывать прекрасные вещи, но все это будет лежать на поверхности. А что за всем происходящим во внешнем мире был Христов импульс, это обнаруживается только благодаря тому, что освещают жизнь духовны ми исследованиями, что изучают не только, как протекает данная конкретная жизнь, но и последовательность воплощений. Надо относиться к идее перевоплощения серьезно, чтобы она стала живым элементом истории. Тогда обнаружится воздействие величайших импульсов события Голгофы. И особенно этот импульс обнаружится в тех душах, которые мы уже часто описывали.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ **Базель, 16**
сентября 1912г.

Если вы вспомните, что было главным пунктом и главной целью вчерашнего разбора, то сможете провести перед своей душой, как совершенно иначе переживает человеческое существо свое внутреннее во времена до Мистерии Голгофы и после нее. Я пытался дать вам не характеристику, а примеры из духовной науки, - привести такие примеры, которые показывают души из старого времени и Нового времени, - характерные примеры, на которых мы можем понять, как определенные души прежних времен изменились в новых временах и снова явились преображенными, метаморфозированными. Какова причина такого сильного изменения - будет ясно из всего цикла лекций.

В качестве введения может быть указано на то, что часто уже упоминалось в рассмотрении, которые касались таких предметов, - что полное сознание человеческого "я", развитие которого является миссией земной планеты, наступило только через Мистерию Голгофы. С достаточной точностью можно сказать, что если мы очень далеко пойдем назад в развитии человечества, то найдем, что там человеческие души, собственно, еще не индивидуализированы, еще заключены как бы в групповые души. Это заключение в групповой душевности отмечается как раз у самых выдающихся душ, так что можно сказать: Гектор или Эмпедокл - типичные представители групповых душ всей своей человеческой общины. Гектор, выросший из того, что было душой Трои, - это отражение групповой души троянского народа, - отражение, конечно, в совершенно определенно специализированной форме, но так же коренящейся в групповой душе, как и Эмпедокл. Когда они снова воплощаются уже в христианское время, они оказываются перед необходимостью вырабатывать я-сознание и изживать его. Переход от состояния групповой души к изживанию индивидуальной души - это то, что дает такой сильный толчок вперед. А это приводит к тому, что души, которые являются столь резко обособленными, как Гектор, кажутся колеблющимися в христианское время, как будто они не доросли до жизни; такой кажется душа Гамлета. С другой стороны, такая душа как Эм-педокл, когда она является в христианское время как душа Фауста XVI века, - становится своего рода искателем приключений, попадает во многие положения, из которых ей трудно выкарабкаться, и остается непонятой современниками и всем последующим человечеством.

Часто отмечалось, что для указанного развития еще не очень много значит то, что произошло со времени Мистерии Голгофы до настоящего времени. Все еще находится в начале, и лишь в будущем земном развитии проявятся великие импульсы, которые можно приписать христианству. Надо вновь и вновь подчеркивать, что христианство стоит только в начале своего великого развития. Но если люди хотят включиться в это развитие, то нужно сопровождать своим пониманием последующий прогрессивный ход откровения импульса, который получил свое начало при возникновении христианства.

Прежде всего надо будет чему-то выучиться, - и нет нужды в каком-

то особом ясновидении, когда хотят уяснить себе, что надо выучиться чему-то вполне определенному, что составит хорошее начало для развивающегося понимания христианства: нужно выучиться читать Библию совершенно новым образом. В настоящее время еще существует много препятствий для этого. Частью в этом виновато то обстоятельство, что в широких кругах понимание Библии ведется в сладко-сентиментальном тоне, что Библия употребляется не как книга познания, а как собрание рецептов для всевозможных личных житейских ситуаций. Если кто-нибудь ищет ободрения в своей личной житейской ситуации, он углубляется в ту или иную главу Библии, дает им подействовать на себя и редко выходит за пределы личного отношения к Библии. С другой стороны, ученость в последние десятилетия XIX века очень затруднила понимание Библии, раздробив ее и уверяя, что Новый Завет состоит из многих вещей, которые надо будет потом соединить. Также и Ветхий Завет, мол, есть конгломерат из совершенно различных вещей, которые возникли в разное время, и потому в Библии мы имеем сплошь фрагменты, которые легко создают впечатление, что они представляют агрегат, монтаж, что они были "сшиты" в ходе времени.

Такая научность стала сегодня популярной. Уже у многих людей сложилось мнение, что Ветхий Завет составлен из многих различных частей. Такой взгляд препятствует тому, что должно прийти в ближайшем будущем как настоящее серьезное чтение Библии. Когда придет такое чтение Библии, тогда лучше поймут многое, что может быть сказано о тайнах Библии с антропософской точки зрения. Надо будет, к примеру, научиться принимать как нечто цельное все до того места, где в обычных изданиях кончается Ветхий Завет. Нельзя давать обманывать себя всем тем, что говорится против единства Ветхого Завета. И если не искать при чтении Библии только личного подкрепления, но дать воздействовать на себя Ветхому Завету как единому целому (и эта устремленность к библейскому содержанию должна прийти в мир именно через духовную науку), если с этим будут духовно связывать некий спиритуально-художественный смысл, рассматривая, как одни вещи художественно вытекают из других, как они художественно скомпонованы, как нити сплетаются и расплетаются не только во внешне композиционном смысле, но и в художественно углубленном и обращенном на Ветхий Завет, - то только тогда поймут, какая огромная драматическая сила, какая внутренняя духовная драматическая сила заложена во всей композиции, во всем строении Ветхого Завета. Только тогда увидят всю эту великолепную драматическую картину как единое целое. И только если будут так подходить к Библии, увидят ее единое строение и не будут больше думать: этот кусок в середине - оттуда, а другой кусок - еще откуда-то, - но увидят единый дух в Библии.

Тогда увидят это развитие, охваченное единым духом, - от первой истории творения, через времена патриархов, времена судей, времена иудейских царей, пока все не приходит к удивительной драматической вершине в книге Маккавеев, - в сыновьях

Маттафии, в братьях Иуды, которые борются с сирийским царем Антиохом. В этом заключена внутренняя драматическая сила, - там, в конце, достигнута кульминационная точка. И люди почувствуют, что это не просто оборот речи, не просто фраза, - что того, кто вооружен оккультным способом рассмотрения, охватывает особое чувство, когда он приходит к концу этой книги: там он видит перед собой семь сынов матери Маккавеев и пять сынов Маттафии. Пять сыновей Маттафии и семь сыновей матери Маккавеев составляют чудесное число двенадцать, которое мы встречаем и в других случаях, когда нас вводят в тайны эволюции. Число двенадцать в конце Ветхого Завета, представленное в кульминационной точке! Это затрагивает прежде всего наше чувство, когда семь сыновей Маккавеев умирают смертью мучеников, когда их замучивают одного за другим и когда они один за другим поднимаются (какая в этом внутренняя драматичность!), причем первый только указывает на то, что, наконец, в седьмом выражается вполне: это признание бессмертия души, выраженное в его словах, брошенных царю: "Ты, нечестивый, ты ничего не узнаешь о Пробудителе моей души!" Дайте воздействовать на себя этому драматическому подъему, переходящему от сына к сыну, и вы почувствуете, какие силы содержатся в Библии (2 Макк. 7). Если в противоположность сладко-сентиментальному рассмотрению, существующему теперь, рассмотрят этот драматически-художественный прорыв, тогда сама Библия станет для нас тем, что приносит религиозный пыл. Тогда искусство станет религией благодаря Библии. И тогда начнут замечать весьма своеобразные вещи.

Может быть, многие из вас помнят, поскольку об этом здесь говорилось, что при рассмотрении Евангелия от Луки мною было представлено, как весь грандиозный образ Христа вырос из соединения двух душ - двух мальчиков Иисусов. Душа одного была душой Заратустры - основателя зороастризма, так что вы еще имеете перед духовным взором этот факт: в том мальчике, который описан в Евангелии от Матфея, подразумевается перевоплощенная душа Заратустры. Душа Заратустры жила в этом мальчике Иисусе.

Что, собственно, означает этот факт? Мы имеем великого посвященного, основателя древней персидской культуры, который, доходя в человеческом развитии до определенного момента, появляется снова в древнееврейском народе, - мы имеем переход от древней Персии к элементу древнееврейского народа, совершенный обходным путем, через душу Заратустры. Да, внешнее, что происходит в мировой истории, что происходит в жизни людей, - это только откровение, обнаружение внутренних духовных процессов, внутренних духовных сил. Так что действительно можно изучать то, что рассказывает внешняя история, рассматривая это как выражение внутренних духовных событий, которые разворачиваются в среде духа.

Пусть это стоит перед нашей душой: Заратустра переходит из Персии в древнееврейский элемент. А теперь возьмем названия глав Ветхого Завета и так рассмотрим его. Что с Заратустрой дело

обстоит так, как я тогда рассказывал, - это результат ясновидческого исследования: это выявляется, если проследить за душой Заратустры. А теперь противопоставим этому результату не только Библию, - то, что в ней представлено, но и то, что подтверждается внешним исследованием.

Древнееврейский народ основывает свое царство в Палестине. Изначальное царство разделяется, наступает сперва ассирийский плен, затем - вавилонский. Это ведет к подчинению древнееврейского народа персам. Что все это значит? Да, события мировой истории имеют смысл! Они следуют за внутренними процессами, за духовно-душевыми процессами. Почему все это так случилось? Почему были именно так ведомы древнееврейские народы, что они были приведены из Палестины в халдейский и ассиро-вавилонский элемент, в персидский элемент, а потом были снова освобождены Александром Великим? Если это выразить сухо, можно сказать, что это был только внешний переход Заратустры из Персии в еврейский элемент. Они его к себе привели, евреи. Они были приведены к нему до подчинения персидскому элементу, потому что Заратустра хотел прийти к ним. Внешняя история - удивительный отпечаток этих процессов, а кто рассматривает вещи духовнонаучно, тот знает, что внешняя история - только тело для перехода Заратустры из персидского элемента, который сначала окружает древнееврейский элемент, а потом, когда тот был достаточно пропитан персидским элементом, он был извлечен Александром Великим, и то, что теперь осталось, было средой, нужной Заратустре. Это переходило от одного народа к другому. Если мы (естественно, выделяя только отдельные моменты) бросим взгляд на развитие древнееврейской истории через время царей, через время пророков, вавилонского плена, персидского завоевания вплоть до эпохи Маккавеев, - тогда мы замечаем, если ищем понимания Евангелия от Марка, что там сразу приводится пророчество Исаяи, выступает элемент еврейских пророков. Можно сказать, что начиная с Илии, чьим перевоплощением являлся Иоанн Креститель, перед нами в удивительном величии выступают пророки.

Оставим пока в стороне Илию и его перевоплощение в Крестителе. Рассмотрим имена пророков между Илией и Крестителем. Мы должны сказать: с тем, что мы приобрели через духовную науку, можно совершенно особым образом рассматривать этих еврейских пророков. О ком мы, собственно, говорим, когда упоминаем о великих духовных водителях Земли в древние времена? О посвященных. Мы знаем, что эти посвященные пришли к своей духовной высоте через многие ступени посвящения, что они со ступени на ступень поднимались от познания к духовному видению, через это достигли соединения с действующими в мире духовными импульсами, и внесли их в жизнь физического плана. Если же мы встречаем посвященного персидского, индийского или египетского народа, мы спрашиваем сначала: как в среде этих народов, внутри данной народной общины, поднимался человек по лестнице посвящения? Как он становился вождем, а вместе с тем и

духовным водителем своего народа? Этот вопрос оправдан, но не тогда, когда мы стоим перед пророком. Есть, правда, некий род теософического направления, который охотно бросает в один котел все и говорит о пророках древнего еврейского народа так, как говорится о посвященных других народов. Но при этом ничего нельзя узнать.

Нужно взять Библию (и как раз современное исследование Библии показывает, что она является верным документом) и просмотреть пророков от Исаяи до Малахии, через Иеремию, Иезекииля и Даниила, и просмотреть то, что Библия говорит об этих личностях. Тогда мы увидим, что их нельзя подвести под общую схему посвященных. Где там рассказывается, что еврейские пророки проходили тем же путем, как и посвященные других народов? Там сказано: они выступали, когда в их душе раздавался голос Бога, - и это делало их способными видеть иначе, чем прочие люди, делало их способными предсказывать будущую судьбу своего народа и будущее течение мировой истории. Это просто вырывалось из души пророка. Об их посвящении рассказывается не так, как о других, относительно которых можно установить, как они получили посвящение. Еврейские пророки выступают так, что у них духовное видение возникает как род гениальности, - возникает то, что они должны сказать своему народу и всему человечеству. Именно так они сами отзываются о своем пророческом голосе и пророческом даре. Посмотрите, как пророк, желая сообщить нечто, говорит о том, что Бог сказал ему это через своих посредников или что это пришло непосредственно, как элементарная истина. Это дает повод спросить: как это соотносится с образом еврейских пророков, если их внешне поставить рядом с посвященными других народов (за исключением Илии и его перевоплощения - Крестителя), если духовнонаучно, ок-культурно рассматривать души этих пророков? Тогда можно прийти к весьма примечательному результату. И попытайтесь с тем, что я вам теперь сообщаю как результат духовнонаучного исследования, испытующе сравнить то, что история и религиозное предание сообщают нам об этих образах: там вы найдете подтверждение этого.

Если проследить за душами еврейских пророков, то можно обнаружить, что они являются перевоплощениями посвященных других народов и уже там достигли известных ступеней посвящения. Если мы проследим в обратном направлении судьбу души еврейского пророка, то придем к другим народам. Там мы найдем посвященную душу, которая долго пребывала в этом народе; она прошла потом через врата смерти и была воплощена в еврейском народе. И все отдельные образы - Иеремии, Исаяи, Даниила и др. - если хотим найти их предшествующее воплощение, мы должны искать их души у других народов. Действительно, попросту говоря, мало-помалу получается собрание посвященных других народов в еврейском народе, где посвященные выступают в образе пророков. Поэтому понятно, что пророки действуют так, что их пророческий дар является естественным обнаружением их внутреннего существа. Это как бы воспоминание о том, что они

обрели как посвященные. Оно выступает так, что не всегда имеет той ясной, гармонической формы, которую имело в предшествующей инкарнации. Потому что душа, которая была воплощена в персидском или египетском теле, должна еще приспособиться к телесности еврейского народа. При этом не может выявиться многое, что в ней было раньше. Если человек идет от воплощения к воплощению, то не всегда проявляется то, что у него было раньше. То, что было раньше, из-за трудностей, которые доставляет телесность, может являться хаотичным, казаться негармоничным.

Итак, мы видим, что еврейские пророки дают своему народу массу духовных импульсов, которые являются подчас беспорядочными, но грандиозными воспоминаниями прежних посвящений. Такова особенность, которая встречается нам у еврейских пророков. А почему это происходит? Потому что все человеческое развитие должно пройти через эту переходную точку для того, чтобы то, что было добыто народами порознь, было собрано, как в фокусе, и снова возродилось из крови ветхозаветного народа. Поэтому везде в истории древнееврейского народа, как ни у какого другого народа (такое бывает только у племен, у родов, а не у народов, которые уже стали "народами"), мы находим взаимосвязь, подчеркивающую течение крови через поколения. Все, что является мировой исторической миссией ветхозаветного народа, покоится на преемственности крови, протекающей через поколения. Поэтому тот, кто принадлежит полноценно к еврейскому народу, всегда назывался "сыном Авраама, Исаака, Иакова", то есть того элемента, который проявил себя сначала в крови Авраама, Исаака и Иакова. Эта эстафета крови была тем, во что должны были воплотиться элементы посвящения разных других народов. Как лучи, которые идут с разных сторон и собираются в центре, так собирались лучи посвященных различных народов, как в фокусе, в крови древнееврейского народа. Там, через этот центр, должно было однажды пройти душевное существо эволюции человечества. Важно, чтобы мы приняли во внимание этот оккультный факт, потому что тогда становится понятно, почему, к примеру, Евангелие от Марка с самого начала основывается на Ветхом Завете.

Что же происходит при сосредоточении элементов посвящения различных народов в одном центре? Мы еще увидим, почему это происходит. Но если взять все драматическое развитие Ветхого Завета, то можно заметить, как через это приятие элементов посвящения различных народов мало-помалу в развитии Ветхого Завета вырабатывается идея бессмертия, которая достигает своей вершины как раз в истории сынов Маккавеев. Теперь мы должны дать этой идее, во всем ее первоначальном значении, подействовать на нашу душу, - так дать ей действовать, чтобы мы при этом имели в виду сознание человека в его отношении к духовному миру.

Обращаю ваше внимание на следующее. Попытайтесь найти в Ветхом Завете те места, где идет речь о том, как вступает в

человеческую жизнь божественный элемент. Как часто рассказывается, например, про Товия: вот Товий посылает своего сына по делу, - и тогда перед ним является как бы в человеческом образе Архангел Рафаил (Тов. 5). В другом месте появляются другие сверхчувственные существа высших иерархий. Это есть вмешательство божественно-духовного элемента в мир людей, - вмешательство, которое происходит так, что человеку божественно-духовный элемент является ясно, как нечто внешнее, встречающееся ему во внешнем мире. Рафаил в книге Товия подходит, как человек к человеку, к Товию, которого он должен вести. Мы находим во многих местах Ветхого Завета, что отношения к духовному миру устанавливаются именно так. Таких мест в Ветхом Завете, где речь идет о подобных вещах, очень много. Но мы видим в его ходе весьма драматическое нарастание, и высшая его точка совпадает с мученической смертью семерых сыновей Маккавеев, которые говорят от всего сердца о соединении, о пробуждении их душ в божественном элементе. Внутренняя уверенность душ во внутренней бессмертии выступает перед нами в сыновьях Маккавея, а также в братьях Иуды Маккавейского, которые до конца защищают свой народ от царя Антиоха Сирийского. Все более внутренним образом схватывается спиритуальный элемент. А драматическое нарастание впервые предстает в своем подлинном масштабе, если мы проследим Ветхий Завет с первого явления Божества в горящем терновом кусте при Моисее (там Богоявление оказывается чем-то специфически внешним) до вырывающейся у Маккавеев внутренней уверенности в том, что если они здесь умрут, то будут пробуждены в Царстве своего Бога благодаря тому, что живет в них.

Это мощное нарастание обнаруживает внутреннее единство Ветхого Завета. О представлении о том, чтобы быть принятым Богом, быть как бы взятым Богом с Земли и сделаться членом Божества, - в начале Ветхого Завета не сказано ничего: будет ли эта часть человеческой души, которая принята Богом и введена в божественный мир, потом действительно пробуждена? Все развитие ведется так, что постепенно вырастает сознание, что человеческая душа тем, что она есть, все-таки вращается в духовный элемент. Из пассивного отношения к Богу Яхве постепенно возникает внутренне активное сознание души о своем существовании. Это лавинообразное нарастание идет от страницы к странице Ветхого Завета. Рождается мысль о бессмертии, - но она рождается постепенно, в ходе всего Ветхого Завета.

И такое же движение вперед замечательным образом является и среди пророков. Посмотрите, как история и предсказания каждого следующего пророка становятся все более внутренними, душевными: снова налицо драматический элемент удивительного нарастания. Чем дальше мы идем в прошлое, тем больше там встречается историй, которые имеют чисто внешнюю канву. И чем дальше мы движемся вперед во времени, тем больше говорится также и пророками о внутренней силе, о внутренней уверенности и о чувстве взаимосвязи с духовно-божественным.

Так совершается это постепенное возрастание, пока Ветхий Завет не приводит нас к началу Нового Завета; Евангелие от Марка примыкает как раз ко всем этим обстоятельствам. Потому что (Маркове) Евангелие сразу говорит в своем начале, что оно хочет принимать событие Христа Иисуса в смысле старых пророчеств, что можно понять Явление Христа, если принять во внимание слова пророка Малахии и, соответственно, пророка Исая: "Вот, Я посылаю Ангела Моего перед Тобою, который приготовит путь Твой перед Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему" (1, 2-3). Тем самым, как в основном тоне, проходящем через историю Ветхого Завета, указывается на явление Иисуса Христа. И дальше в Евангелии от Марка сказано следующее, - это ясно слышно в словах, если только хотят правильно читать: да, так, как говорили пророки, теперь, по сути дела, говорит один - Креститель. И каким завершенным, каким величественным предстает образ Крестителя, о котором древние пророки говорили как о посланнике Божьем, который в одиночестве покажет путь, каким должен пройти Христос Иисус в мировом развитии.

Евангелие от Марка продолжает: "Так выступил Иоанн Креститель в одиночестве и проповедовал крещение для познания человеческой греховности" (1, 4). Именно так надо переводить эти слова, если хотят правильно их передать. Итак, сказано: "Направьте взор на древних пророков, которые вжились в новое отношение к Божеству, в новую веру в бессмертие, и посмотрите на образ Иоанна Крестителя, как он выступил и сказал о том роде развития, через которое познается греховность человека". Этим сразу указывается на величие образа Крестителя.

А затем - удивительный образ самого Христа Иисуса: он дан нам в Евангелии от Марка, с такой простотой и в то же время с таким грандиозным драматическим подъемом, как нигде больше в мире! Я прошу вас направить на это душевный взор. Что там сказано? Примерно так: направьте взор на фигуру Крестителя. Вы его поймете только тогда, когда вспомните образы древних еврейских пророков, чьи голоса ожили в нем. К нему шел весь еврейский народ, чтобы креститься у него. Это значит, что многие признавали, что из Иоанна говорят древние пророки. Это говорится сразу же в начале Евангелия от Марка. Мы видим перед собой Иоанна Крестителя, видим, как в нем оживают голоса древних пророков, видим идущий к нему народ и то как его (останемся поначалу в рамках Евангелия от Марка) признают за восставшего пророка. Это - первое. И вот появляется образ Самого Христа Иисуса. Мы не будем сейчас касаться самого крещения на Иордане и того, что было сразу после крещения, а также искушения, - мы рассмотрим грандиозный драматический подъем, который мы встречаем в Евангелии от Марка.

После того как выведен Креститель и показано, как люди относятся к его миссии, говорится о Самом Христе Иисусе. Но как? Прежде всего показано, что Он здесь. Но Его узнают не только люди. Его узнают другие существа. В этом все дело! Его окружают

люди, которые хотят исцелиться от одержимости демонами. Его окружают люди, в которых живут не только человеческие души, но которые одержимы сверхчувственными духами, действующими через них. В одном важном месте сказано: эти духи узнают Христа Иисуса (1, 23-26). Крестителя узнают люди, которые выходят к нему и крестятся от него. Сверхчувственные духи узнают Христа, так что Он вынужден им приказывать не говорить о Нем. Его узнают существа сверхчувственного мира. Итак, вот что говорится: появляется Существо, которое признают не только люди, но Его признают и боятся сверхчувственные существа. Мы встречаем в самом начале Евангелия от Марка грандиозное нарастание: с одной стороны - появляется Иоанн Креститель, признанный и почитаемый людьми, а с другой стороны - Тот, Кто признан сверхчувственными существами, связанными с Землей, и внушает им страх, - так что они признают, что должны уйти теперь. Это - Христос Иисус. Нигде нет столь просто изображенного драматического подъема.

Когда все это видишь, чувствуешь необходимость некоторых вещей, которые прежде проходили мимо человеческих душ. Я обращаю ваше внимание на одно-единственное место, которое (ибо Евангелие от Марка так просто и так велико) производит особое впечатление. Вспомните о том, что говорится о призвании двенадцати в начале Евангелия и об именах, когда Он Своих двоих апостолов называет "Сынами грома" (3, 17). Это не то, что можно пробежать при чтении - на это надо обратить внимание при желании понять Евангелие. Почему Он называет их "Сынами грома"? Потому что Он хочет вложить в них элемент, который происходит не от Земли, чтобы они стали Его слугами. Этот элемент происходит от внеземной сферы, потому что Евангелие сходит на Землю из Царства Ангелов и Архангелов, это нечто совсем новое и теперь недостаточно говорить только о людях, но следует говорить о небесном, надземном элементе - о "я", и это нужно подчеркнуть. Он называет их Сынами грома, чтобы показать, что те, кто с Ним, также имеют отношение к надземному элементу. Следующий мир, который примыкает к нашему, - это элементарный мир, через который поначалу уясняется, что именно воздействует на наш мир. И Христос дает Своим ученикам имена, которые выражают то, что наш мир граничит с ближайшим сверхчувственным миром. Он дает им имена в соответствии со свойствами элементарного мира. То же самое происходит, когда он называет Симона "Скалой" (3, 16), - этим опять указывается на сверхчувственное. Так через все Евангелие возвещается пришествие "Ангелиума", импульса из духовного мира.

Чтобы это понять, нужно только правильно читать, надо только сделать допущение, что Евангелие есть книга, извлеченная из глубочайшей мудрости. Весь прогресс, который может быть достигнут, состоит в том, что души индивидуализируются, что они имеют отношение к духовному миру не через обходной путь групповых душ, а через элемент индивидуальной души. И Тот, Кто выступает перед человечеством так, что Он узнан земными

существами, а также и сверхчувственными существами, нуждается в том, чтобы погрузить в души своих служителей некий сверхчувственный элемент - в добавление к наилучшему человеческому элементу. Ему нужны те люди, которые достигли в своих душах наибольшего, следуя по старому пути.

Это в высшей степени интересно - проследить душевный путь тех, кого собрал вокруг Себя Христос, кого Он признал за своих двенадцать учеников, которые выступают с исключительной простотой, но прошли поистине грандиозный путь, что я хотел вам показать вчера на примере множества разных воплощений человеческих душ. Человек должен определиться в индивидуальном. Ему это сначала трудно: в его душе присутствует немало от элемента народности, а он переносится в необходимость опираться только на себя. Эти двенадцать были глубоко укоренены в народе, который опять-таки грандиознейшим образом самоопределился как народ. Они пребывали как бы с обнаженными душами, простыми душами, когда их нашел Христос. Здесь мы имеем дело с совершенно неравномерными промежутками между инкарнациями. Взор Христа устремился на двенадцать: снова явились души, которые были прежде воплощены в семи Маккавеех и в пяти сыновьях Маттафии, братьях Иуды; из них составилась группа апостолов. Они были брошены в стихию рыбаков и простых людей. Но в то время, когда еврейский элемент поднялся до высшей точки, они были проникнуты сознанием, что этот элемент в это время обладает величайшей силой, - но силой только в том случае, если она выступает как индивидуализованная, когда она сгруппирована вокруг Христа.

Можно себе представить человека, который был бы совершенно неверующим и захотел рассмотреть только с художественной стороны то, как в конце Ветхого Завета выступают пять и семь лиц, а потом двенадцать снова обнаруживаются в начале Нового Завета. Если это рассматривать только как художественно-композиционный элемент, можно быть захваченным простотой и художественным величием Библии независимо от того, что эти "двенадцать" составляются из пяти сынов Маттафии и семи сынов матери Маккавеев. Надо научиться воспринимать Библию и как художественное произведение. Тогда только почувствуют величие Библии как художественного произведения и сохранят это чувство к тому, что в ней художественно заложено.

Теперь надо обратить внимание еще на одно. Между сыновьями Маттафии есть один, которого зовут Иудой еще в Ветхом Завете. Тогда это был тот, кто сильнее прочих боролся за свой народ, который всей душой был предан своему народу, которому удалось заключить союз с римлянами против сирийского царя Антиоха (1 Макк. 8). Этот Иуда - тот самый, которому потом предстоит испытать совершение предательства, потому что он искренне привязан к специфически ветхозаветному элементу и не может сразу найти переход к христианскому элементу: для этого ему сначала требуется тяжелое испытание предательством. Если рассматривать это с чисто художественно-композиционной точки

зрения, то поражает гран диозная фигура Иуды в последних главах Ветхого Завета и образ Иуды из Нового Завета. И примечательно в этом симптоматическом процессе то, что ветхозаветный Иуда заключает союз с римлянами, это является прообразом того, что случилось впоследствии, - а именно, христианство избрало путь через Рим, чтобы выйти в мир. Это, хотелось бы сказать, есть последующая кристаллизация. А к этому я добавлю (о чем также можно знать, но этого нельзя говорить в лекции перед большим кругом слушателей) то, что как раз через следующее воплощение этого Иуды произошло слияние римского элемента с христианским элементом, и что перевоплощенный Иуда был первым, кто имел большой успех в распространении романизованного христианства, и что заключение союза ветхозаветного Иуды с римлянами есть пророческое предсказание того, что сделал позднейший, который является оккультисту как перевоплощенный Иуда, который должен был пройти через тяжелое душевное испытание предательством. И то, что обнаруживается благодаря его последующей деятельности как христианство в Риме и Рим в христианстве, - это есть перенесение в духовную жизнь возобновленного союза ветхозаветного Иуды с римлянами.

Когда имеют перед собой такие вещи, постепенно приходят к заключению: рассматриваемое духовно, независимо от всего другого, величайшее произведение искусства, какое когда-либо существовало, - это сама эволюция человечества. Надо только иметь для этого глаза. Но разве так уж необоснованно требовать такого же взгляда на человеческую душу? Я думаю, если кто-нибудь смотрит какую-нибудь драму, которая имеет прозрачную драматическую завязку и развязку, то он может, если лишен способности провидеть общий замысел, усмотреть в драме только набор ситуаций, которые можно описать одну за другой. Именно так поступает внешняя всемирная история. Поэтому из истории человечества не получается художественного произведения, а получается только поток следующих друг за другом событий. Но в настоящее время человечество находится на поворотном пункте, когда должно наступить постижение внутреннего поступательного формирования событий, их сплетения и разрешения в процессе эволюции человечества.

Тогда выявится то, что эволюция человечества сама показывает нам, как в одной и в другой точке выступают индивидуальные фигуры, которые дают побуждения, завязывают узлы, развязывают их. И познавая так ход истории, люди научатся видеть включенность человека в эволюцию человечества.

Но так как целое из состояния простого смещения должно быть возведено к организму, надо каждую часть поставить на свое место и провести между ними различие, - что в других областях люди находят само собою разумеющимся. Потому что ни одному астроному не придет в голову поставить Солнце наравне с другими планетами: Солнце он выделит и противопоставит его как единственное другим планетам. Также само собою разумеющимся покажется тому, кто провидит развитие человечества, распознать

одно "Солнце" среди великих водителей человечества. И подобно тому, как было бы нелепо говорить о Солнце, как говорится о Юпитере, Марсе и т. п., так же нелепо говорить о Христе, как говорят о Бодхисаттвах и других водителях человечества. Также должна казаться чем-то абсурдным сама мысль о перевоплощении Христа, - как нечто такое, что никак не может быть высказано, если эти вещи просто поставить перед глазами. Однако необходимо вникать в эти вещи в их истинном образе и не представлять их как некую догму, как некое сектантское верование. Если говорят в истинном космологическом смысле о христологии, не нужно говорить о предпочтении христианства перед другими религиями. Было бы то же самое, если бы в священных писаниях какой-нибудь религии говорилось, что Солнце - планета, подобная всем прочим; тогда кто-нибудь пришел бы и сказал: "Надо исключить Солнце из числа планет". А другие восстали бы и сказали: "Это же отдание предпочтения Солнцу!" Это вовсе не то, а только признание самой истины.

Так же обстоит дело и с христианством. Это только признание истины, такой истины, которую может сегодня принять всякая религия на Земле, если она этого захочет. И если другие религии примут это серьезно, с равным признанием всех религиозных исповеданий, если они это признание равенства будут употреблять не только как вывеску, - тогда они не должны находить предосудительным то, что Запад принял не национального бога, но Бога, который первоначально не имеет отношения ни к какой национальности, который есть космическое Существо. Индусы говорят о своих национальных богах. Само собой разумеется, что они должны говорить иначе, чем люди, которые не приняли какого-нибудь германского национального бога, но приняли Существо, которое действительно воплотилось не на их территории. Они ставят Его в центре, хотя Оно воплотилось в другом народе. О противопоставлении западно-христианского принципа индийско-восточным можно было бы говорить, если бы, к примеру, поставить Вотана выше Кришны. Но с Христом дело обстоит совсем не так. Он с самого начала не принадлежит ни одному народу, но осуществляет самое прекрасное в духовнонаучном принципе: признавать истину без различия расы, племени и т. д.

Рассматривать эти вещи объективно - это то, чем мы должны проникнуться. И если мы узнаем то, что лежит в основе Евангелий, тогда мы впервые поймем истину этих вещей. Из того, что было сегодня сказано о Евангелии от Марка, - о его возвышенной простоте и драматическом подъеме от личности Иоанна Крестителя до Христа, - можно видеть, что, собственно, заключает в себе это Евангелие.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 17 сентября 1912г.

В начале Евангелия от Марка нас подводят к великому образу

Крестителя. Каким многозначительным выведен, с одной стороны, Иоанн Креститель в Евангелии от Марка, как он контрастирует с Самим Христом Иисусом, - на это мы указали еще вчера. Если дать воздействовать на себя Евангелию от Марка в его простоте, то возникает очень сильное впечатление от образа Крестителя. Если же мы подходим к этому образу на основе духовной науки, то Креститель впервые является нам в своем полном величии. Мною уже часто разъяснялось, что мы должны понимать Крестителя и в смысле самого Евангелия (в Евангелии это выражено ясно) как перевоплощение пророка Илии (см. Мф. 11, 14). Поэтому чтобы лучше понять глубокую основу христианства и Мистерии Голгофы, мы должны духовнонаучно рассмотреть образ Крестителя на фоне того, как перед нами выступает пророк Илия. В этом месте мы только вкратце скажем о том, как обстоит дело с пророком Илией, потому что по случаю последнего общего собрания немецкой секции Теософского общества в Берлине уже говорилось подробнее о пророке Илие ("Пророк Илия в свете духовной науки" (лекция от 14 декабря 1911 г. в ГА 61: "Человеческая история в свете духовного исследования"))).

Все, что может сказать о пророке Илие духовная наука и оккультное исследование, вполне подтверждается тем, что стоит в самой Библии, в то время как при простом чтении соответствующих глав об Илие в Библии, несомненно, многое остается не проясненным. Я обращаю внимание только на одно.

Мы читаем в Библии, что Илия бросает вызов всей дружине и всему народу царя Ахава, под властью которого он живет; читаем о том, что он сам противостоит жрецам Ваала, устанавливает два алтаря, приказывает жрецам Ваала положить на их алтарь жертвенное животное, а на свой положить свое, - а затем показывает, как ничтожно все, что рассказывают о жрецах Ваала противники Илии, потому что у жертвы, приносимой Ваалу, не обнаруживается никакого спиритуального значения в то время как на жертве Илие тотчас сказывается величие и значение Яхве, или Иеговы. Такова победа, которую Илия одерживает над приверженцами Ахава. Затем удивительно рассказывается о том, что у Ахава был сосед Навуфей, что у Навуфея был виноградник и царь Ахав хотел овладеть этим виноградником, но Навуфей не уступил его, потому что он для него священен в качестве наследия отца. Затем мы узнаем из Библии следующие два факта: с одной стороны, царица Иезавель становится врагом Илии и заявляет, что она позаботится о том, чтобы он был убит так же, как после его победы были убиты его противники - жрецы Ваала. Но, как рассказывает Библия, эта смерть по желанию Иезавели не наступает, но наступает нечто другое. Навуфей, сосед царя, приглашен на праздник покаяния, на который приглашены и другие знатные люди города, и на этом празднике его убивают по приказанию Иезавели (3 Цар. 18-21).

Итак, мы можем сказать: по-видимому, Библия рассказывает о том, что Навуфей убит Иезавелью, Иезавель же говорит, что она хочет убить не Навуфея, а Илию. Так что эти вещи не согласуются.

Однако оккультное исследование показывает то, что было в действительности: в Илии мы имеем дело с всеобъемлющим духом, который как бы незримо проходит по царству Ахава. Этот дух иногда вселяется, проникает в душу Навуфея, так что Навуфей выступает как физическая личность Илии, и если мы говорим о личности Навуфея, то мы при этом говорим о физической личности Илии. Илия - невидимый образ в смысле Библии, Навуфей - его видимый отпечаток в физическом мире. Это все я рассказал очень подробно 14 декабря 1911 г. в лекции "Пророк Илия в свете духовной науки".

Если мы обратим внимание на весь дух деяний Илии и если мы весь дух Илии, как он нам представлен в Библии, заставим действовать на нашу душу, то мы можем сказать: в Илии выступает перед нами и весь дух древнееврейского народа. Все, что оживляет и пронизывает древнееврейский народ, заключается в духе Илии. Мы можем говорить о нем, как о духе древнееврейского народа. Он слишком велик, - это показывает нам духовнонаучное исследование, - чтобы полностью жить в душе земного существа, в душе Навуфея. Он носится над ней, как облако и действует не только в Навуфее, но проходит, как природная стихия, по всей стране и действует в дожде и солнечном свете, - что ясно выступает, если мы возьмем все описание следующих событий: господствует засуха, - но через то, что предпринимает Илия в отношении божественно-духовного мира, он дает помощь народу против засухи и всех бед народа. Он действует, как природная стихия, как сам закон природы. И лучше всего можно познать то, что действует в духе Илии, если дать воздействовать на себя 104-му псалму с описаниями Иеговы как природного Божества, которое действует во всем. Но, конечно, Илию не следует отождествлять с этим Божеством. Он - земное отражение этого Божества, то отражение, которое в то же время есть душа древнееврейского народа, нечто вроде дифференцированного Иеговы, земного Иеговы, - или (как выражаются в Ветхом Завете) этот дух Илии есть лик Иеговы.

Особенно выпуклым становится этот факт, если усмотреть, что тот дух, который живет в Илии-Навуфее, снова является в Иоанне Крестителе. Как действует он в Иоанне Крестителе? Прежде всего - в смысле Библии, и именно в смысле Евангелия от Марка, он действует тем, что есть крещение. Что такое на самом деле это крещение? Зачем производит его Креститель над теми, которые соглашаются на него? Здесь мы должны слегка коснуться того, что через крещение происходит с человеком, получающим крещение. - Получающие крещение погружаются в воду. Тогда с ними происходит то, о чем уже часто говорилось: если человек получает шок при неожиданной опасности для жизни, - например, если он падает в воду и близок к тому, чтобы утонуть, или при падении с горы, - то происходит освобождение эфирного тела. Оно частично выходит и наступает то, что бывает с человеком непосредственно после смерти, - некое обратное обозрение последней жизни. Это хорошо известное явление, которое часто описывалось и

материалистическими мыслителями настоящего времени. Нечто подобное происходило и при крещении на Иордане. Людей погружали в воду. Крещение производилось не так, как теперь. При Иоанновом крещении эфирное тело несколько освобождалось, и люди видели больше, чем могли понимать обычным рассудком. Они видели свою жизнь в духе, а также влияния на эту жизнь в духовном. И тогда они видели то, о чем говорил Креститель, - что старое время исполнилось и что должно начаться новое время. В ясновидящем наблюдении, которое они могли получить при крещении на несколько мгновений во время погружения, они видели: человечество стоит на повороте своей эволюции. То, что люди имели очень давно, когда они еще были в групповых душах, приближается к полному вымиранию, - и должны наступить новые отношения. Это они видели в своем освободившемся эфирном теле. Новый импульс, новые качества должны прийти в человечество.

Поэтому Иоанново крещение было вопросом познания. "Измените взгляд, не обращайтесь взор назад, смотрите на что-то новое; Бог, который может явиться в человеческом "я", приблизился; Царство Божественного приблизилось!" Это Креститель не только проповедовал, - он это им показывал, когда совершал над ними крещение. И те, которые были крещены, знали теперь из своего кратковременного ясновидения, что слова Крестителя выражают факт мировой истории.

Если мы наблюдаем эту связь, то дух Илии впервые является нам в надлежащем свете, как действующий также в Иоанне Крестителе. Тогда дело представляется нам так, что мы в Илии имеем дух еврейского народа, дух ветхозаветного народа. Что это был за дух? Это был уже в некотором отношении дух "я". Но он выступал не как дух отдельного человека: он выступал у Илии как дух всего народа. Это был нерасчлененный дух. То, что позднее должно было жить в отдельном человеке, у Илии было еще как бы групповой душой еврейского народа. То, что пребывало еще в сверхчувственном мире, должно было низойти в отдельные души, в каждую человеческую грудь, во времена Иоанна. Этого еще не было в каждой человеческой груди, это еще не могло жить в Илии так, чтобы спуститься в Навуфея; происходило только то, что оно осеяло данную личность Навуфея. Только у Илии-Навуфея это выявилося отчетливее, чем у любого другого человека, принадлежащего к древнему еврейскому народу. Так что тот, кто словно парил над людьми и их историей, теперь все больше и больше должен был втягиваться в каждую отдельную грудь, - этот великий факт теперь проповедовал сам Илия-Иоанн, как бы говоря при крещении: то, что пребывало до сих пор только в духовном мире и из него действовало, - это вы теперь должны принять в ваши души как импульсы, которые пришли из Царства Небес в человеческие сердца. - Дух Илии сам показывает, как он теперь, умножившись, должен войти в человеческие сердца для того, чтобы люди смогли постепенно, в ходе мировой истории принять импульс Христа. Смысл Иоаннова крещения заключался в том, что Илия был готов приготовить место для Христа, - именно в этом

состояло событие крещения на Иордане. "Я хочу приготовить Ему место и путь в сердцах людей, я больше не хочу только парить над людьми, но хочу войти в человеческие сердца, чтобы и Он мог войти". Если это так, чего же мы можем тогда ожидать? Естественно, мы можем ожидать, что в Иоанне Крестителе известным образом снова выступит то, что мы уже наблюдали у Илии: в грандиозном образе Крестителя будет действовать не только эта отдельная личность, но и то, что больше, то, что как аура окружает эту личность, но в своем воздействии выходит за ее пределы, действуя как атмосфера между теми, в чьей среде действовал и Креститель. Раз Илия действовал как атмосфера, то мы можем ожидать, что Илия и теперь, в качестве Иоанна Крестителя, снова действует как атмосфера. Да, мы можем ожидать еще и нечто другое: что это духовное существо Илии, которое теперь связано с Иоанном Крестителем, будет продолжать действовать духовно, если Иоанна больше не будет, если он исчезнет. А чего хочет это духовное существо? Оно хочет приготовить путь для Христа. Так что мы можем сказать следующее: может случиться так, что Креститель исчезнет как физическая личность, но его духовное существо останется как духовная атмосфера в том крае и области, где он действовал, и эта духовная атмосфера подготовит почву, на которой Христос сможет вершить Свое деяние. Этого мы можем ожидать. И то, что мы можем этого ожидать, лучше всего выразилось бы в том, если бы мы сказали: "Иоанн Креститель ушел, но то, чем он является в качестве духа Илии, осталось, и в этом лучше всего может действовать Христос Иисус; здесь Он может лучше всего провозгласить Свои слова, запечатлеть Свои действия, - в той атмосфере, которая здесь осталась, в атмосфере Илии". Этого мы можем ожидать. А что сказано в Евангелии от Марка?

Необычайно характерным является то, что в Евангелии от Марка дважды упоминается о том, что я сейчас сказал. В первый раз говорится: Тотчас по заключении Иоанна в темницу пришел Иисус в Галилею и проповедовал там учение о Небесных Царствах (1,14). Итак, Иоанн был в заключении, то есть его физическая личность не могла теперь действовать, но в созданную им атмосферу входит образ Христа Иисуса. И во второй раз в Евангелии от Марка выступает то же самое, - и это грандиозно - то, что оно выступает вторично. Надо только правильно читать Евангелие от Марка. Если вы идете дальше, к шестой главе, то находите там подробное описание того, как царь Ирод обезглавил Иоанна. Весьма примечательно то, что люди предполагали разное после того, как физическая личность Иоанна не только была заключена в тюрьму, но и была поражена смертью. Некоторым кажется, что таинственная сила, которой действует Христос, обусловлена тем, что Христос - сам Илия или один из пророков. А у Ирода, в его встревоженной совести, возникает весьма примечательное предчувствие. Когда он слышит обо всем, что происходит через Христа, он говорит: "Иоанн, которого я обезглавил, воскрес" (6, 16). Ирод чувствует, что когда не стало Иоанна как физической личности, он тем не менее здесь! Он чувствует, что его атмосфера,

его дух (а это не что иное, как дух Илии), присутствует здесь. Ирод, мучимый совестью, замечает, что Иоанн Креститель - то есть Илия - здесь. А затем нам чудесно указывается, как Христос Иисус пришел как раз в ту местность, где действовал Креститель, после его физической смерти. Это удивительное место я прошу вас особо отметить: мимо него нельзя пройти, потому что слова в Евангелии - не просто украшение речи. Евангелисты не пишут стилем журналистов. Там сказано нечто очень значительное: Христос вошел в толпу людей, которые были приверженцами и учениками Иоанна Крестителя, - и это выражено в одном слове, на которое надо обратить внимание: "И когда Он вышел, Он увидел большую толпу (под которой могли подразумеваться только ученики Иоанна) и сжалился над ними ..." Причем здесь сострадание? Потому ли говорится о нем, что они потеряли своего учителя, потому ли, что они оказались без Иоанна, про которого сказано, что они перед этим отнесли во гроб его обезглавленное тело? Но говорится еще точнее: "... потому что они были, как овцы, не имеющие пастыря, и начал учить их много" (6, 34). Нельзя указать яснее на факт, как Он учит учеников Иоанна. Он учит их потому, что в них еще действует дух Илии, который в то же время - дух самого Иоанна. Так в этом важном месте Евангелия от Марка с драматической силой указано, как в ту среду, которую создал дух Илии-Иоанна, вступил дух Христа Иисуса. Но это только основной пункт, вокруг которого группируются другие очень важные вещи. Я хочу обратить ваше внимание на следующее.

Я часто указывал, как потом этот дух Илии-Иоанна продолжал действовать своими импульсами в мировой истории. И так как мы здесь собрались как антропософы и нам надлежит вникать в оккультные факты, то можно говорить и об этом. Я не раз указывал, что душа Иоанна-Илии появляется снова в художнике Рафаэле (Рафаэль, собственно Рафаэло Санти (1483-1520), - наряду с Мике-ланджело и Леонардо, - ведущий мастер итальянского Ренессанса). Подобные факты вполне могут заставить обратить внимание на то, какие метаморфозы душ происходят благодаря великому прорыву, происшедшему вследствие Мистерии Голгофы. Так как в христианское время даже такая душа должна была действовать через отдельную личность в Рафаэле, поэтому то, что в древние времена было таким всеобъемлющим, со вселенским охватом, появляется в отдельной личности, какой был Рафаэль. Разве совсем нельзя ощутить, что все-таки то, что как аура окружало Илию-Иоанна, есть и у Рафаэля; что и у Рафаэля, как и у этих двух, есть нечто такое, о чем можно сказать: оно слишком велико, чтобы войти в одного человека, оно окружает отдельную личность так, что откровения, которые получает эта физическая личность, действуют как озарения? Это же все есть и у Рафаэля!

Существует замечательное, хотя, может быть, несколько личное доказательство этого, элементы которого я привел еще в Мюнхене (В лекции от 31 августа 1912 г. "Теософия и духовная жизнь современности", входящей в цикл лекций "О посвящении. О вечности и мгновении. О свете духа и тьме жизни." (GA 138)). Все

же я хочу поговорить об этом и здесь для того, чтобы прояснить не только личность Крестителя, а всю сущность Илии-Иоанна; поэтому мне хочется обсудить дальнейший путь души Илии-Иоанна в Рафаэле. Тот, кто честно и искренне хочет заняться тем, чем был Рафаэль, должен иметь для этого особые чувства.

Я уже обращал выше внимание на современного историка искусства Германа Гримма (Гримм (1828 - 1901): "Жизнь Микеланджело", 1860-1863, 2 тома; "Жизнь Рафаэля", 1872, 1886, 1896; "Рафаэль как мировая сила" - во "Фрагментах" (2 тома, Берлин и Штутгарт, 1902), стр. 151 - 184) и сказал о том, что он смог с достаточной легкостью написать биографию Микеланджело, но трижды принимался за то, чтобы составить что-то вроде жизнеописания Рафаэля. И так как Герман Гримм был не обыкновенным "ученым" (такой, конечно, со всем справится), но универсальным человеком, который был искренен в своем сердце в отношении того, что хотел понять и исследовать, то он должен был признать, что если он и создал то, что должно было быть "Жизнью Рафаэля", то это все-таки не было жизнью Рафаэля. Он должен был вновь и вновь приступать к этому, но все не был доволен своей работой; незадолго до смерти он попытался еще раз подойти к Рафаэлю, чтобы постичь его так, как диктовало ему его сердце (свидетельства этого есть в его архиве). И уже характерно заглавие, которое должна была носить его новая статья, - а именно: "Рафаэль как мировая сила". Потому что ему казалось, что если искренне приближаться к Рафаэлю, то его нельзя описать, если не рассматривать его как мировую силу, если не видеть того, что действует во всей мировой истории. Совершенно естественно, что современный писатель, можно сказать, весьма неуверенно подбирает слова, когда приходится писать так же вольно и свободно, как евангелисты. Лучший писатель стесняется самого себя, подходя к такой работе. Но образы, которые он хочет описывать, подчас вырывают у него соответствующие слова. Очень примечательно то, как пишет Герман Гримм о Рафаэле в первых главах, написанных им перед смертью. Как будто действительно имелось в сердце какое-то предчувствие в связи с таким образом, как Илия-Иоанн, поскольку, рассказывая о Рафаэле, он говорит:

"Если бы Микеланджело был чудом избавлен от смерти, чтобы снова жить между нами, и я встретил бы его, то я с почтением отступил бы в сторону, чтобы дать ему пройти; если же я встретил бы Рафаэля, я пошел бы за ним, надеясь, не услышу ли я несколько слов из его уст. Относительно Леонардо и Микеланджело можно ограничиться тем, чтобы рассказать, чем они были в свое время. В связи с Рафаэлем надо исходить из того, чем он является для нас теперь. На тех двух как бы накинута легкая пелена, но на Рафаэле ее нет. Он принадлежит к тем, чей рост еще далеко не закончен. Можно всегда представлять себе будущие поколения людей, перед которыми Рафаэль поставит новые загадки" ("Фрагменты", том 2, стр. 171).

Герман Гримм описывает Рафаэля как мировую силу, как дух, который шагает через столетия, через тысячелетия, как дух,

которому недостаточно места в отдельном человеке. Но у Германа Гримма мы читаем еще и другие слова, которые вырываются из искренности и честности его души. Гримм ощущает, что вокруг Рафаэля словно есть большая аура, которая овеивает его подобно тому, как дух Илии веял вокруг Навуфея. Нельзя это выразить иначе, чем так, как пишет Герман Гримм:

"Рафаэль - гражданин мировой истории. Он - как одна из тех четырех рек, которые, как верил древний мир, вытекали из рая ..." ("Фрагменты", том 2, стр. 153).

Это мог бы написать, пожалуй, евангелист, и так можно было бы написать об Илие. Это означает, что и современный историк искусства, если он чувствует честно и искренне, может ощутить нечто из того, что проходит через эпохи как мировые импульсы. И правда, чтобы понять современную духовную науку, нужно лишь обратиться к душевным и духовным потребностям людей, которые со всей страстью стремятся к тому, что является истиной в эволюции человечества.

Таким предстает перед нами Иоанн Креститель, и это хорошо, если мы его так чувствуем, при чтении первых слов Евангелия от Марка и их продолжения в шестой главе. Библия - это не современная научная книга, где совершенно "ясно" (как это теперь называют) разжевано, как ее надо понимать. Библия скрывает многое из того, что она может сообщить из таинственных фактов, за композицией, за грандиозной, оккультной художественной композицией. Она таит за художественной композицией многое именно в отношении Крестителя. Я обращаю ваше внимание на одно - на то, что вы, может быть, предпочли бы принять просто как истину ощущения, истину чувства, но из чего вы можете усмотреть следующее: если другое можно рассматривать как истины, принимаемые рассудком, все же в Библии присутствует и то, как дух или душа Илии относится к душе или духу Иоанна Крестителя. Давайте рассмотрим, насколько это справедливо, и по возможности ненадолго дадим на себя воздействовать одному месту из описания Илии в Ветхом Завете:

"Илия встал и пошел в Сарепту. И когда он пришел к воротам города, он увидел вдову, собиравшую щепки. Он окликнул ее и сказал: "Принеси мне немного воды в кружке напиться".

Когда она пошла, он крикнул ей вслед: "Принеси мне также кусок хлеба".

Она сказала: "Так истинно, как живет твой Господь Бог, у меня нет ничего печеного, а только горсть муки в ящике и немного масла в кувшине. И вот я собрала пару щепок и иду домой, чтобы приготовить себе и сыну, поесть и умереть".

Илия сказал ей: "Не бойся, иди домой и сделай, как ты сказала. Но прежде всего сделай мне из этого маленькую лепешку и вынеси мне. Себе и сыну ты потом тоже испечешь.

Потому что так говорит Господь Бог Израиля: мука в ящике не переведется, и масло в кувшине не иссякнет до того дня, когда

Господь пошлет дождь на Землю".

Она пошла и сделала, как сказал Илия. И он ел, и она, и домашние ее некоторое время.

Мука в ящике не переводилась, и масло в кувшине не кончалось по слову Господа, которое Он сказал через Илию" (3 книга Царств, 17, 10-16).

Что мы читаем в этом рассказе об Илиии?

Мы читаем о приходе Илиии к вдове и о чудесном умножении хлеба. Оттого, что там присутствует дух Илиии, происходит то, что не возникает нужды в хлебе, которого было мало. Хлеба прибавляется - это мы читаем - в то мгновение, когда дух Илиии пришел к вдове. Через дух Илиии происходит то, что здесь представлено как умножение хлеба, как одарение хлебом. Мы можем сказать: "Нам просвечивает из Ветхого Завета тот факт, что благодаря явлению Илиии происходит умножение хлеба".

А теперь прочитаем шестую главу Евангелия от Марка. Там рассказывается сначала о том, как Ирод обезглавил Иоанна, как потом Христос пришел к толпе учеников Иоанна. А теперь дадим этой главе воздействовать на нашу душу.

"... И когда Он вышел, увидел Он большую толпу людей и сжалился над ними, потому что они были как овцы, не имеющие пастуха, и начал их многому учить.

И так как стало поздно, подошли к Нему ученики и сказали: "Место пустынное и уже поздно. Отпусти их, чтобы они пошли, в ближние дворы и деревни и купили себе поесть".

Но Он ответил им: "Вы дайте им поесть". А они сказали Ему: "Разве нам пойти и купить им хлеба на двести динариев и дать им есть?"

Но Он сказал им: "Сколько у вас хлебов? Пойдите и посмотрите". И они, справившись, сказали Ему: "Пять хлебов и две рыбы".

И Он приказал им рассадить всех группами на траве.

И они расположились полулежа по сто и пятьдесят.

А Он взял пять хлебов и две рыбы, взглянул на небо, благословил и преломил хлебы и дал их ученикам, чтобы они раздали, также и две рыбы поделил Он между всеми.

И они ели все и насытились" (6, 34 - 42).

Вы знаете эту историю: опять умножение хлебов, и опять через дух Илиии-Иоанна. Библия говорит неясно в том смысле, как теперь понимают слово "ясно". Но Библия вкладывает в композицию то, что она хочет сказать. И кто умеет оценить истину чувств, тот захочет задержаться на описании того, как Илия пришел к вдове и умножил хлеб, - и как снова родившийся Илия покидает физическое тело, а Христос в его атмосфере по-новому совершает то, что тоже может быть названо умножением хлеба.

Таково внутреннее развитие в Библии, таковы внутренние связи в ней. Они указывают, чем является вся эта пустая ученость, которая

говорит, что Библия составлена "из отрывков", тогда как при настоящем понимании Библии мы находим повсюду в ней единый komponующий дух, - сейчас неважно, кто является этим komponующим духом. Так видим мы перед собой Иоанна Крестителя.

Примечательно, как Креститель снова вводится в деятельность Христа Иисуса. Дважды нам указывается, что Христос входит в ауру Крестителя, - входит тогда, когда его физическая личность отстывает все дальше и наконец совсем исчезает с физического плана. Затем нам через простое Евангелие от Марка очень ясными словами объясняется, как все становится иным теперь, через вхождение Христа Иисуса как раз в элемент Илии-Иоанна, как благодаря этому в мир входит совсем новый импульс.

Чтобы это понять, надо принять во внимание все евангельское описание с того момента, когда Христос, после заключения Иоанна в темницу начинает говорить о Царстве Божиим, - до того, где говорится об убийстве Иоанна Иродом, и следующих глав. Возьмем все эти повествования, которые нам предлагаются, вплоть до истории Ирода, и тогда мы найдем, что они все направлены на то (если мы их рассматриваем в соответствии с их действительной сутью), чтобы нам наглядно показать Существо Христа Иисуса. Уже вчера было показано, как действует это Существо Христа, - действует так, что Его узнают не только люди, но и духи, которыми одержимы бесноватые, - узнают и сверхчувственные существа. Это сразу встает перед нами резко и примечательно. Потом выступает перед нами следующее: То, Что живет во Христе Иисусе, есть нечто другое, чем то, что жило в Илии-Навуфее так, что дух Илии не мог полностью войти в Навуфею.

Смысл Евангелия от Марка состоит в том, чтобы рассказать, как в Иисуса из Назарета полностью входит и наполняет Его земную личность то, что есть Христос, и как Христос действует в том, что считают за обычное человеческое "я". Что же так пугает демонов, которыми одержимы некоторые люди, когда эти последние встречают Христа Иисуса? Происходит то, что они вынуждены сказать Ему: "Ты Тот, кто носит в Себе Бога!" Они узнают Его как Божественную силу в отдельной личности, - силу, которая вынуждает демонов признать себя и выйти из людей (1, 24; 3, И; 5, 7). Этот образ в первых главах Евангелия от Марка так своеобразно разработан, что является как бы противоположностью Илии-Навуфее, а также Илии-Иоанна. В то время как в них не могло жить полностью то, что их одушевляло, во Христе Иисусе это одушевляющее начало содержится полностью. Поэтому хотя в Христе Иисусе и живет космический принцип, Он предстает вместе с тем совершенно индивидуальной, неповторимой человеческой личностью для других людей, а также и для тех, кого Он исцеляет. Такие описания, которые происходят из давнего прошлого, как правило ныне понимают в весьма своеобразном смысле. Когда многие из нынешних естествоиспытателей, "монистов", как они еще себя называют, хотят определить свое мировоззрение, они понимают такие представления в совершенно особом смысле. Этот

смысл можно определить так: "Эти добрые ученые, эти добрые натурфилософы втайне думают, хотя и стесняются это высказать, что было бы лучше, если бы Господь Бог предоставил им устраивать мир, потому что они бы его устроили лучше. Если мы возьмем такого естествоиспытателя, который клянется, что мудрость пришла к людям только в последние двадцать лет (а другие считают даже, что только в последние пять лет, эти рассматривают в качестве предрассудков все, что было раньше этих пяти лет), он будет особенно сожалеть о том, что когда Христос Иисус был на Земле, еще не было современной медицины со всеми ее естественнонаучными знаниями и средствами, потому что было бы разумнее, чтобы все, как, например, теща Симона и другие, были излечены средствами нынешней медицины. Потому что, по их мнению, Господь Бог был бы более совершенным, если бы Он создал мир согласно современной науке. Он не оставил бы людей так долго томиться по современному естествознанию. А так все-таки мир, каким его устроил Бог, сравнительно с тем, что могли бы устроить ученые, надо считать несколько неудачным. Этого не говорят, стесняются сказать, но это присутствует между строк. Надо только называть своими именами вещи, которые теперь приняты у материалистических ученых-естественников. Если бы можно было поговорить с глазу на глаз с таким господином, то можно было бы услышать такое мнение: собственно, нельзя не быть атеистом, когда видишь, как мало удавалось Господу Богу во времена Христа излечивать людей методами современного естествознания.

Только одного не берут в расчет, - того, что надо брать честно и серьезно слово "эволюция", которое так любят употреблять, и что все должно быть включено в эволюцию для того, чтобы мир мог прийти к своей цели. И не надо гнаться только за тем проектом, который создала бы теперешняя наука, если бы она собралась творить мир. Когда так думают, поистине не знают того, что все строение человека, соединение его тонких тел, раньше было совершенно иным. Тогда нельзя было подходить к человеческой личности с методами нынешнего естествознания. Тогда эфирное тело было гораздо деятельнее, гораздо сильнее, чем теперь. Тогда можно было косвенным образом, через эфирное тело, совершенно иначе воздействовать на физическое. И совершенно не то, что ныне, означало тогда (выскажем это без пафоса) исцеление "чувствами" - когда чувство изливалось из одного на другого. Когда эфирное тело еще было сильнее и господствовало над физическим, тогда можно было совершенно иначе пользоваться тем, что называют психически-спиритуальными средствами лечения. Люди были иной конституции, поэтому и лечить надо было иначе. Если этого не знают, то будут говорить, как говорят естествоиспытатели: "В чудеса мы больше не верим. А то, что там рассказывают об этих исцелениях, именно чудеса, и это надо отбросить". Что же до нынешних просвещенных теологов, то они оказываются в особенном замешательстве: они хотели бы эти вещи сохранить, но спотыкаются о современный предрассудок, что так исцелять нельзя, что это - "чудеса", и тогда дают всякие объяснения о

возможности или невозможности чуда. Только одного они не знают, - а именно, того, что все описанное в Евангелии от Марка до шестой главы, для тогдашнего времени вообще не было чудом. Это было чудом в столь же малой степени, как то, что теперь воздействуют каким-нибудь лекарством на те или другие функции человеческого организма. Ни одному человеку тогда не показалось бы чудом, если бы кто-то сказал прокаженному, простерши к нему руку: "Я хочу, очистись!" Все природное, что тогда изливалось Иисусом Христом, было этим лекарством. Сегодня это уже не подействовало бы, потому что теперь связь человеческого эфирного и физического тел уже другая. Но тогда врачи вообще лечили именно так. Поэтому вовсе не было очень выдающейся особенностью Христа Иисуса то, что Он лечил и очищал прокаженных сочувствием и возложением рук, - это было само собой разумеющимся для того времени. Что в этой главе должно быть отмечено, - это нечто совсем другое, и то, что здесь должно быть отмечено, надо правильно рассмотреть. Бросим взор на тот способ, каким тогда, например, получали образование крупные и мелкие врачи. Их учили в школах, которые патронировались школами мистерий, и они получали в свое распоряжение силы, которые действовали через них из сверхчувственных миров, - так что тогда лечащие врачи были как бы медиумами для высших сил. Они передавали сверхчувственные силы посредством собственной медиумической способности, до которой они были подняты во врачебных школах мистерий. Когда такой врач возлагал руки, то не его силы изливались через них, а силы сверхчувственного мира. То, что он мог быть каналом для действия сверхчувственных сил, было дано ему при посвящении в школе мистерий. И рассказы о том, что прокаженный или больной лихорадкой были излечены такими психическими воздействиями, тогдашнему человеку не показались бы особенно чудесными. Было важно не то, что происходило исцеление, а то, что явился некий Человек, который не учился в такой школе, но мог так исцелять. Появился Человек, которому та сила, которая притекает из высших миров, была заложена в сердце и душу, и эти силы стали личными, индивидуальными силами. Должен быть установлен факт, что время исполнилось, что человек впредь не может быть каналом для сверхчувственных сил, - что это прекратилось. И тем, которые крестились в Иордане, стало ясно, что это время кончается и что все, что будет совершаться в будущем, будет совершаться через человеческое "я", через то, что должно войти в божественный внутренний центр человека. И вот, стоит между людьми Человек, который Сам делает то, что другие делали с помощью существ, живущих в сверхчувственных мирах и действующих через них своими силами.

Так что не схватывает смысла Библии тот, кому само событие исцеления представляется чем-то особенным. Оно не было таковым на закате старого времени, когда такие исцеления еще могли происходить. И если говорится, что Христос во время этого заката производил исцеления, то имеется в виду, что Он производил их новыми силами, которые с этих пор должны присутствовать в мире. Поэтому показано с полной ясностью, которую ничем нельзя

заглушить, как Христос Иисус действует всецело как Человек по отношению к человеку. Везде подчеркнуто, что Он действует как Человек по отношению к человеку. Этого нельзя выразить ярче, чем выражено в пятой главе Евангелия от Марка, где Христос исцеляет женщину. Он ее исцеляет благодаря тому, что она к нему подходит, прикасается к Его одежде, а Он чувствует, что из Него истек поток силы. Все рассказывается так, что нам представлено следующее: женщина приближается к Христу Иисусу, касается Его одежды, - Он же ничего другого не делает. Делает *она* - прикасается к Его одежде. Из Него выходит поток силы. Почему? Не потому, что Он послал ей этот поток, а потому, что она его извлекла! А Он только потом это заметил. Вот что нам показано совершенно ясно. А когда Он заметил это, что Он говорит? "Дочь, твоя вера помогла тебе. Иди с миром и будь здорова от болезни твоей". Он Сам только замечает, что когда Он присутствует, Божественное Царство вливается в Его душу и изливается из Него. Его позиция не та, на какой раньше стояли заклинатели демонов по отношению к своим пациентам. Тогда пациент мог верить или не верить. Сила, которая исходила из целителя, струилась на больного. Теперь же, когда в дело вступает "я", это "я" должно действовать вместе с другими "я", - все индивидуализируется. Важно в описании этого события не то, что тогда само собой разумелось, - что можно душой действовать на тело: важно то, что одно "я" должно вступать в соотношение с другим "я", - когда должно начаться новое время. Раньше духовное было в высших мирах, носилось над человеком. Теперь Царства Небесные подошли ближе и должны войти в сердца людей, чтобы обитать там как в некоем центре. В этом все дело. Теперь внешнее физическое, и внутреннее моральное по-новому сливались для такого мировоззрения; причем то, что для времени от основания христианства до нынешнего могло быть только *верой*, в наше время может быть *знанием*.

Возьмем прежнего пациента, который в старое время стоял перед своим врачом-целителем, как я это только что описал. Магические силы низводились через посредство врача, который подготовлялся для этого в школе мистерий, и эти силы проходили через тело врача на больного. Тогда не было связи с моралью больного, потому что все действие не касалось морали, не касалось еще "я" больного. Тогда было безразлично, какая у него мораль, потому что силы магически проистекали из высших миров. Теперь пришло новое время: теперь моральное и физическое исцеление должны сливаться по-новому. Тот, кто это знает, поймет и другое повествование:

"... Прошли дни, и Он снова пришел в Капернаум, и стало известно, что Он в доме.

И собралось много людей, так, что и перед дверью толпился народ, и Он говорил им.

Они пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо.

И так как они не могли с ним пробраться к Нему из-за

многолюдства, то они разобрали крышу там, где Он был, и спустили через отверстие носилки, на которых лежал расслабленный.

И так как Христос увидел их веру, Он сказал расслабленному: "Дитя, отпускаются тебе грехи твои" (2, 1-5).

Что сказал бы старый врач? Чего ожидали фарисеи и книжники, если должно было наступить излечение? От старого врача они ожидали бы, что он скажет: "Силы, которые входят в тебя, в твои расслабленные члены, позволят тебе двигаться". Как говорит Христос? - "Отпускаются тебе грехи твои", что означает моральное, в котором участвует "я". Эту речь фари сей не понимают. Они ее не могут понять. Она им кажется кощунственной, так как в их понимании о Боге можно говорить только так, что Он живет в сверхчувственном мире и оттуда действует, что грехи могут быть отпущены только из сверхчувственного мира. Что отпущение грехов может иметь что-то общее с тем, кто лечит, этого они не могут понять. Поэтому Христос говорит дальше:

"Что легче: сказать расслабленному: твои грехи отпущены, или сказать: встань, возьми свои носилки и иди?"

Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть отпускать грехи на Земле (обращаясь к расслабленному), говорю тебе: встань, возьми носилки твои и иди домой!

И он встал, взял свои носилки и ушел на глазах у всех". (2, 9-12).

Он связывает моральное с магическим способом исцеления и тем самым дает переход от состояния без "я" к состоянию, исполненному "я", - и так при каждом отдельном описании. Именно так мы должны понимать эти вещи, потому что именно так они высказываются. А теперь сравните, что может сказать духовная наука, со всем тем, что говорится в толкованиях Библии о "прощении грехов": вы найдете престранные объяснения для этого, но нигде что-нибудь удовлетворительное, потому что люди не понимают, чем была, собственно, Мистерия Голгофы.

Вера, сказал я, должна была быть. Почему вера? Потому что выражение морального в физическом совершается не в течение одного воплощения. Если мы сегодня стоим перед человеком, мы не можем его физический недостаток объяснить выражением морального в физическом в одной инкарнации. Только если мы выйдем за пределы одной инкарнации человека, мы найдем связь морального с физическим в его карме. Так как до нашего времени карма почти совсем не подчеркивалась или мало подчеркивалась, мы можем сказать: до сих пор связь между физическим и моральным могла быть только верой. Теперь, когда к Евангелию следует подходить духовнонаучно, - это становится знанием. Христос Иисус как Озаряющий карму стоит рядом с нами, когда Он открывает: "Этого Я могу исцелить, потому что Я вижу по его личности - его карма такова, что он может теперь встать и ходить".

Вы видите по такому месту, что Библию можно понимать только вооружившись средствами современной духовной науки. Это наша

задача - показать, что в этой книге, в этой мировой книге действительно заключаются глубочайшие сокровища мудрости о развитии человечества. Когда будет понято, что космически происходит на Земле (а мы будем это все больше и больше выявлять в данных лекциях, потому что Евангелие от Марка дает к этому повод), какое космически-земное и земно-космическое значение имеет Мистерия Голгофы, тогда не будут утверждать, что то, что касается Евангелий, оскорбительно для какого-нибудь другого исповедания в мире. Правильное понимание Библии по причинам, которые были указаны вчера в конце лекции, - прежде всего потому, что правильное понимание Библии действительно не может замыкаться в пределах какого-либо исповедания, но должно стать универсальным, - правильное понимание Библии будет в своей внутренней правде стоять на почве духовной науки и вызывать равное уважение ко всем религиозным исповеданиям мира. Тем самым религии будут примирены между собой. Началом такого примирения может оказаться то, о чем я вам рассказал в первой лекции о том индусе, который читал свою лекцию "Христос и христианство"; будучи обремененным всеми предрассудками своей нации, он все-же взирал на Христа в межконфессиональном смысле. Попытка понять этот образ Христа станет задачей духовнонаучной деятельности в различных вероисповеданиях. Потому что, мне кажется, задачей духовного движения должно быть углубление в религиозные исповедания так, чтобы углубить понимание внутреннего существа отдельных религий.

Снова в этом случае надо привести то, что я уже много раз упоминал: как будет относиться буддист-антропософ к антропософу-христианину. Тогда буддист скажет: "Гаутама Будда после того, как он из Бодхисаттвы стал Буддой, достиг после смерти такой высоты, что ему не нужно больше возвращаться на Землю". А христианин-антропософ прибавит к этому: "Я это понимаю, потому что я именно так и сам думаю о твоём Будде, когда я вникаю в твоё сердце, и верю в то, во что веришь ты". Вот что значит понимать религию другого, подняться до религии другого. Христианин, который стал антропософом, может понять все, что говорит другой. Что же будет говорить буддист, ставший антропософом? Он скажет: "Я пытаюсь понять то, что является самым внутренним нервом христианства: что относительно Христа речь идет не только о том, что Он - основатель религии; в отношении Мистерии Голгофы речь идет о сверхличном, о том, что не человек Иисус из Назарета находился там как основатель религии, но что в Него вошел Христос, умер на кресте и тем самым совершил Мистерию Голгофы". И он придет и к тому, что эта Мистерия Голгофы является космическим событием. И буддист скажет: "Теперь, после того как я понял сущность твоей религии, а ты - моей, я не буду заблуждаться, в чем здесь дело, и не буду представлять Христа как того, кто может снова воплотиться: ведь тебе важно то, что там свершилось. И я говорил бы странно, если бы утверждал, что христианство надо в чем-то исправить, что при большем понимании Христа Его через три года не распяли бы на кресте, что с основателем религии надо было бы поступить иначе

и т. д." - В этом-то все и дело, что Христос был распят, пригвожден к кресту, - и в том, что произошло благодаря этой крестной смерти. Дело не в том, что думают: это случилось несправедливо, и христианство теперь можно было бы исправить. Буддист, ставший антропософом, мог бы сказать лишь следующее: "Как ты понимаешь сущность моей религии, так же я пытаюсь понять действительную сущность твоей".

Вот что случится, если отдельные представители различных религиозных систем поймут друг друга, если христианин скажет буддисту: "Я так же верю в твоего Будду, как и ты", а буддист скажет христианину: "Я могу понять Мистерию Голгофы, как ты сам ее понимаешь". Что будет с человечеством, если это произойдет со всеми? На Земле настанет мир между людьми, произойдет взаимное признание религий. И это должно прийти. И антропософское движение должно быть таким взаимным, искренним пониманием религий. Было бы в разрез с духом антропософии, если бы христианин-антропософ сказал буддисту: "Это пустое, что Гаутама, став Буддой, не должен больше воплощаться. Он должен в XX веке появиться как физический человек". Тогда буддист сказал бы: "Что - у тебя антропософия только затем, чтобы глумиться над моей религией?" Вместо мира между религиями была бы возбуждена вражда. Но также и христианин должен сказать буддисту, который хотел бы говорить об исправлении христианства: "Если ты утверждаешь, что Мистерия Голгофы - ошибка и что Христос снова должен прийти в физическом теле, чтобы с Ним теперь обошлись лучше, то, значит, ты не стараешься понять мою религию и глумишься над ней". - Антропософия существует не для того, чтобы религиозное исповедание, старое или вновь основанное, имеющее духовное значение, было осмеяно, потому что тогда это было бы общество общего поношения, а не взаимного согласия религий.

Именно это мы должны записать себе в души, чтобы понять дух и оккультное зерно антропософии, а его мы лучше всего поймем, если распространим на все религии силу и любовь, которые господствуют в Евангелиях. Что это может быть сделано, особенно при опоре на Евангелие от Марка, нам должны показать следующие лекции.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 18 сентября 1912г.

Сегодня я хотел бы сначала направить ваш взор на две картины, которые мы можем вызвать перед своим духовным взором, из человеческой эволюции последних тысячелетий. Прежде всего я хочу указать на нечто, что произошло в середине и ближе к концу V столетия до Рождества Христова. Все это известно; но мы хотим, как сказано, направить на это взор нашей души.

Мы видим, как Будда в Индии собрал вокруг себя некоторое число учеников, последователей, и как из того, что разыгрывалось между

Буддой и его учениками и последователями, взяло начало то великое, могущественное движение, которое в течение столетий звучало на Востоке, разливалось могучими волнами и приносило благо, внутреннее освобождение души, подъем и общечеловеческое сознание бесчисленным людям. Если мы хотим охарактеризовать то, что, собственно, тогда происходило, мы должны рассмотреть лишь главный момент учения Будды и его деяний.

Жизнь - такая, как ее проводит человек на Земле в своей земной инкарнации, - есть страдание, вызванное тем, что человек в соответствии с плодами своих воплощений вынужден стремиться ко всем новым перевоплощениям. Достойная старания цель - освободиться от этого стремления к перевоплощениям, угасить в душе все, что вызывает влечение погрузиться в физическую инкарнацию, чтобы наконец подняться к такому бытию, в котором душа больше не чувствует стремления быть связанной с бытием своими физическими чувствами, физическими органами, и подняться, как говорят, к Нирване.

Великое учение струилось из уст Будды - учение о том, что жизнь есть страдание и что человек должен найти средства, чтобы освободиться от этого страдания, чтобы стать причастным Нирване. Если бы мы захотели найти выражение, чтобы в привычных нам понятиях четко представить, какой импульс лежит в этом учении Будды, то надо было бы сказать:

"Будда силой и властью своей индивидуальности направлял взор своих учеников на земное существование и пытался дать им из полноты своего сострадания средства поднять свою душу, со всем тем, что в ней есть, из земного в небесное, поднять человеческое мышление, человеческую философию из земного в небесное".

Мы можем составить формулу, если хотим отчетливо и действительно определить импульс, который исходил от великой проповеди в Бенарес через Будду. Так, мы видим, что Будда собирает вокруг себя тех, кто ему верен. Что мы видим в душах этих учеников? Каким становится постепенно их исповедание? Это есть признание того, что все стремление человеческих душ должно быть направлено к тому, чтобы освободиться от тяги к новому рождению, освободиться от привязанности к чувственному бытию, искать усовершенствования себя, освобождая свою самость от всего, что ее связывает с чувственным бытием, и связывая ее с божественно-духовным началом. Такие чувства жили в учениках Будды. Освободиться от всех борений жизни; быть связанным с земным миром только через просветленное, устремленное к духу ощущение души, которое переживается в сострадании, а самому проходить через бытие, стремясь к духовному совершенству; угасить потребности, по возможности мало быть привязанным к тому, что связывает внешнего человека с земным существованием. Так странствуют по свету ученики Будды, таким видят они назначение и цель своего ученичества.

И если мы проследим столетия, в которые распространялся буддизм, и спросим себя: "Что жило в разрастающемся буддизме,

что жило в душах, в сердцах его приверженцев?", то мы получим в ответ: эти люди были обращены к высоким целям. Но в центре всего их мышления, чувствования и ощущения жил великий образ Будды, - оглядка на то, что он сказал в таких увлекающих, значительных словах об освобождении от страданий жизни. В центре всего мышления и чувствования, в сердцах его учеников, в сердцах его последователей на протяжении столетий жил всеобъемлющий, могучий авторитет Будды. Что сказал Будда, было для его учеников и последователей святым словом.

Отчего происходило так, что этими учениками и последователями слова Будды считались как бы вестью с Небес? Основанием этому было то, что эти ученики и последователи жили в вере, в признании того, что тогда, в событии свершившемся под деревом Бодхи, в душе Будды возгорелось истинное знание о мировом бытии, засветился свет, Солнце Вселенной, и потому все, что исходит из его уст, собственно, равноценно речам духа Вселенной. Все дело в этом настроении, которое жило в сердцах учеников Будды и его последователей, в святости этого настроения, в своеобразии, в окраске этого настроения. Все это мы поставим перед своим духовным взором, чтобы научиться понимать то, что произошло за полтысячелетия до Мистерии Голгофы.

А теперь рассмотрим другую картину мировой истории. Для долгого времени человеческой эволюции то, что отстоит друг от друга на расстоянии, например, столетия, поистине можно назвать одновременным. Столетие не играет роли, когда речь идет о тысячелетиях эволюции человечества. Поэтому мы можем сказать: хотя картину, которую мы теперь вызываем перед своей душой, надо отнести на столетие позднее, но для развития человечества она почти одновременна событию, которое мы обозначили как событие Будды.

В пятом столетии дохристианского летосчисления мы видим другую индивидуальность, тоже постепенно собравшую вокруг себя в древней Греции учеников и приверженцев. Для понимания развития последних столетий поставим перед собой образ этой индивидуальности: мы видим Сократа (Сократ (470-399 до Р. Х.)), собравшего вокруг себя учеников в древней Греции. И для того, чтобы поставить Сократа в эту связь, надо принять в расчет тот великий образ Сократа который воссоздал Платон (Платон (427 - 347 до Р. Х.)), в диалогах "Протагор", "Пир", "Горгий", "Апология Сократа", "Критон" и "Федон"), и которая в основных чертах была, по-видимому, подтверждена великим философом Аристотелем (Аристотель (384 - 322 до Р. Х.)). Надо только принять во внимание, что великий философ Платон нарисовал образ Сократа весьма убедительно, и можно сказать: благодаря Сократу на Западе возникло движение. И кто, собственно, примет во внимание весь характер культурного развития Запада, тот придет к тому, что для западной культуры было решающим то, что можно назвать "сократическим элементом". Если даже этот сократический элемент на Западе распространяется по волнам мировой истории неуловимее, чем буддийский элемент на Востоке, то параллель

между Сократом и Буддой все же провести можно. Но мы должны своеобразно охарактеризовать учеников и последователей Сократа - совершенно иначе, чем учеников и последователей Будды. Можно сказать: все, что принципиально отличает Запад от Востока, выступает перед нами в основной разнице между Буддой и Сократом.

Сократ собирает вокруг себя учеников. Как он себя чувствует в их среде? Искусство Сократа относиться к своим ученикам назвали искусством духовной повивальной бабки; ибо он хотел, чтобы его ученики научились сами извлекать знание из своих душ. Он так ставил свои вопросы, что приходил в движение внутренний строй душ учеников; так что он, собственно, ничего не привносил в них от себя, но все извлекал из самих учеников. Поэтому несколько сухой, трезвый элемент, который имеет в себе сократическое мировоззрение и его искусство мировоззрения, происходит от того, что Сократ апеллировал к самостоятельности, исключительно к собственному разуму каждого ученика, когда с их толпой, - несколько иным образом, но все же подобно Будде, - проходил по улицам Афин, как Будда со своими учениками проходил по дорогам Индии. Но если Будда повествовал о том, что он получил через озарение под деревом Бодхи, и в течение столетий действовало то, что он получил из духовного мира и излил на своих учеников, так что в них продолжало жить то, что жило в самом Будде, - Сократ не имел ни малейшей претензии на то, чтобы в качестве "Сократа" продолжать жить в сердцах своих учеников. Он даже не хотел, стоя перед своими учениками, что-либо переносить в души учеников, но хотел им самим предоставить извлекать из себя то, что в них содержалось. Ничего от Сократа не должно было переходить в души учеников, - ровным счетом ничего.

Нельзя помыслить большую разницу, чем между Буддой и Сократом. В душах учеников Будды должен был всецело жить сам Будда. В душах учеников Сократа должно было жить так же мало от самого Сократа, как мало проявляется в ребенке, живет в нем то, что было сделано акушеркой. Духовный элемент должен был проявляться у учеников Сократа через его акушерское искусство, которое ставило человека на собственные ноги, извлекало из человека то, что есть в нем самом. Именно этого хотел Сократ. Можно было бы разницу между Буддой и Сократом охарактеризовать еще следующими словами: если бы голос с Небес хотел указать, что должны иметь через Будду его ученики, то он бы сказал: "Возжигайте в себе то, что жило в Будде, чтобы через Будду найти дорогу к духовному бытию!" А чтобы подобным же образом охарактеризовать, чего хотел Сократ, надо сказать: "Сократ взывал к своим ученикам: "Стань тем, что ты есть!"

Надо сказать себе, ставя перед собой эти две картины: здесь стоят перед нами два полярно противоположных течения развития. Они некоторым образом соприкасаются, - но только на своих крайних концах. Не следует смешивать вещи друг с другом, надо их характеризовать в их различии, - а затем следует показать, где все-таки есть высшее единство. Если представить себе Будду перед

учеником, то можно сказать: он старается (вы это можете узнать и в речах Будды) самыми возвышенными словами, в постоянно повторяющихся выражениях (а они необходимы, их нельзя выпускать при передаче речей Будды) возжечь в душе ученика то, что нужно, чтобы поднять его к духовным мирам с помощью того, что он сам, Будда, пережил под деревом Бодхи. Слова выбираются так, что они звучат отрешенно от Земли, как небесное сообщение из небесного мира, срывающееся с уст, которые говорят под непосредственным впечатлением, наступившим при озарении и которое хотят передать.

А как мы можем представить себе Сократа и перед ним его ученика? Сократ пытается объяснить ученику отношение человека к Божеству простейшими рассудочными понятиями повседневности, - как он, ученик, должен думать, как связываются логические суждения. Всегда самым трезвым образом, на самое обыденное направляется ученик; он должен применять то, что может завоевать простой логикой, к тому, чего он может достигнуть на пути познания. Только раз Сократ поднимается на такую высоту, что говорит так, как Будда говорит своим ученикам. Это происходит один раз - тогда, когда он идет навстречу смерти, когда он говорит о бессмертии души непосредственно перед смертью. Тогда он говорит, воистину, как высший озаренный. Но он опять-таки говорит так, что все, что он говорит, может быть понято, только если принять во внимание его совершенно личное переживание. Поэтому его слова так легко доходят до сердца, так внятно говорят нашей душе. В платоновском диалоге о бессмертии души Сократ говорит: "Разве я не старался всегда, всю жизнь достигать через философию то, что человек может достигнуть, чтобы освободиться от чувственного мира? А теперь, когда моя душа скоро освободится от всего чувственного, не должна ли она радостно устремляться в душевный элемент, разве я не должен радостно устремляться в то, к чему я всегда внутренне стремился, когда стремился к философии?"

Кто может охватить во всем настроении эту беседу Сократа в "Федоне", тот чувствует себя непосредственно перенесенным в ощущение, которое вытекает из возвышенных учений Будды, который говорит к сердцам своих учеников. И тогда можно сказать о полярном различии этих двух личностей: в одной определенной точке они так поднимаются, что и в их полярной противоположности проявляется единство. Если мы направим взор к Будде, мы увидим: речи Будды таковы, что хочется сказать - чувство от беседы Сократа о бессмертии души сопровождает все время речи Будды. Я имею здесь в виду настроение, напряжение души. А то, что разлито всегда в других речах Сократа, которые всегда исходят из того, чтобы человека приводить к его собственному разуму, присутствует у Будды редко, но все же иногда и у Будды это настроение прорывается. Чувствуется дух сократического разговора, когда Будда хочет разъяснить ученику Соне (Винайяитака 1, 181 (издание Ольденберга)), что нехорошо, с одной стороны, находиться только в чувственном бытии и быть

связанным только с чувственным бытием. С другой стороны, нехорошо бичевать себя или жить только как древние, умерщвляющие свою плоть люди, а хорошо идти средним путем. Вот стоит Будда перед учеником Соной и говорит ему примерно так: "Подумай, Сона, можешь ли ты хорошо играть на лютне, если струны слишком слабо натянуты?" "Нет", - должен ответить Сона. - "Я не буду хорошо играть на лютне, если струны слабо натянуты". - "Хорошо, - говорит Будда Соне, - а будешь ли ты хорошо играть на лютне, если струны будут слишком туго натянуты?" "Нет, - должен сказать Сона, - я не буду хорошо играть на лютне, если струны слишком туго натянуты". "Когда же ты, - заключает Будда, - сможешь хорошо играть?" "Когда струны будут натянуты не слишком туго и не слишком слабо", - отвечал Сона. "И так же, - сказал Будда, - дело обстоит и с человеком - человек не сможет прийти к полному знанию, если он слишком предан чувственной жизни, но он не сможет прийти к полному знанию и тогда, когда будет умерщвлять плоть, удаляться от всякого существования. Средний путь нужен для игры на лютне при натяжении ее струн, - такой же надо избрать в отношении настроения человеческой души".

Можно сказать: такой разговор, как у Будды с учеником Соной, мог бы быть и у Сократа, потому что именно так, обращаясь к разуму, говорит Сократ со своими учениками. То, что я вам сейчас рассказал, есть "сократический разговор", который вел Будда со своим учеником Соной, но такие "сократические разговоры" у Будды так же редки, как и у Сократа - "буддический" разговор о бессмертии души, который он вел со своими учениками перед смертью.

Надо всегда подчеркивать, что к истине приходят, только если рассуждают таким образом. Легче рассуждать так: человеческая эволюция продвигается вперед великими водителями. Эти великие водители проповедуют, в сущности, одно и то же, только в различных формах, и все отдельные водители человечества выражают в своих словах только различные варианты Единого. Конечно, это правда, но предельно тривиальная. Надо дать себе труд познать вещи, искать единство и различие, чтобы характеризовать вещи по их различию и лишь потом искать высшее единство. Это методическое замечание необходимо, потому что в отношении духовного рассмотрения оно соответствует жизни. Так легко сказать: "Все религии заключают в себе Одно", чтобы потом отказаться характеризовать это "Одно" и сказать: все основатели религий предлагали только различные варианты Единого. Но это бесконечно банально, хотя бы такое определение и выражалось в красивых словах. Невозможно ни к чему прийти, если два таких образа, как Будда и Сократ, характеризовать по абстрактному единству и не искать их полярного различия. Но если возвести к их мыслеформам, люди сразу сообразят, в чем здесь дело. Перец, соль, сахар и красный стручковый перец стоят на столе, они все "одно" - приправы к кушаньям. Но хотя все эти вещи суть "одно", - никто не станет рассматривать приправы как одинаковые: перец

или соль вместо сахара в кофе никто не положит. Того, что нельзя принимать в жизни, не следует принимать и в духовном. Не следует принимать такого заявления: "Кришна или Заратустра, Орфей или Гермес, в сущности, только различные виды "Единого". Для серьезного и правдивого определения это значит не больше, как если говорят: перец, соль и сахар - только разные виды приправ к еде. Речь идет о том, чтобы такие методические вещи люди понимали и удобное не принимали за истинное.

Если поставить перед своим взором эти два образа - Будду и Сократа, то они выражают два полярных, различных, почти противоположных принципа человеческой эволюции. И если мы их связываем в высшем единстве, то мы можем присоединить к ним Третьего, великую Индивидуальность, вокруг Которой собираются ученики и последователи, - Христа Иисуса. Если мы из этих учеников и последователей возьмем двенадцать ближайших, то и Евангелие от Марка говорит нам об отношениях Учителя и этих учеников с большой ясностью, как мы это только что охарактеризовали в другой области относительно Будды и Сократа. И самое ясное выражение, самое сжатое определение таково: Христос выступает перед толпой (на это нам многократно указывается), которая хочет Его слушать. Он говорит этой толпе, как сказано в Евангелиях, - в притчах или в образах. Он указывает на некоторые глубокие, значительные события мировых свершений и человеческого развития (в Евангелии от Марка это также представлено с величием и простотой). Он это излагает толпе в притчах, в картинах. А потом сказано: когда Он оставался со своими ближайшими учениками, Он им эти образы разъяснял. Один раз в Евангелии от Марка дан особый пример того, как говорилось толпе и как потом сказанное было объяснено ближайшим ученикам.

"И Он много поучал их притчами и говорил им:

"Слушайте: вот вышел сеятель, и когда он сеял, одно зерно упало при дороге, и налетели птицы и склевали его.

Другое упало на место каменистое, где было мало земли, и оно быстро проросло, так как лежало неглубоко, но когда взошло солнце, увяло и, раз не имело корня, засохло.

А другое упало в тернии, и тернии заглушили его, и оно не принесло плода.

А иное упало на добрую землю и принесло плод, который взошел и вырос и принес в тридцать и в шестьдесят, и в сто раз больше.

И Он сказал: кто имеет уши слышать, да слышит!

Когда же остался Он без народа, окружающие Его вместе с двенадцатью спросили Его о притче" (4, 2-10).

И вот что Он говорит Своим ближайшим ученикам:

"Сеятель сеет Слово.

Посеянное при дороге означает тех, в которых сеется Слово, но к которым, когда они его услышат, тотчас приходит сатана и

похищает Слово, посеянное в сердцах их.

Подобным образом и посеянное на каменистом месте означает тех, которые, когда услышат Слово, тотчас с радостью принимают его, но не имеют в себе корня и непостоянны; потом, когда настанет скорбь или гонение за Слово, тотчас соблазняются.

Посеянное в тернии означает слышащих Слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают Слово, и оно бывает без плода.

А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают Слово, и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат" (4, 14-20).

Здесь мы имеем совершенный образец того, как поучал Христос Иисус. О Будде нам сказано, как он учил. О Сократе сказано, как он учил. О Будде мы можем сказать нашим западным языком следующее: он приводил переживания людей на Земле к небесному. О Сократе часто говорили, что все его направление правильно обозначают, если говорят: он сводил философию с неба на землю, потому что он непосредственно обращался к земному разуму. Можно составить себе ясное представление о том, какой была позиция этих двоих по отношению к ученикам.

А какой была позиция по отношению к ученикам у Христа Иисуса? Он иначе относился к толпе, которую поучал в притчах, чем к Своим ближайшим ученикам: им Он разъяснял притчи, то есть то, что они могли постигнуть, что было доступно непосредственно для понимания человеческим разумом. Все сложнее, если желают характеризовать способ поучения Иисуса Христа. Одна характерная черта, которая свойственна всем поучениям Будды, относится ко всему его учению; при этом существует и один род учеников, которые непосредственно принадлежат Будде. Однородны также и ученики Сократа, - весь мир может быть его учениками, коли Сократ не хочет ничего другого, как извлекать то, что заложено в человеческой душе; но опять-таки и Сократ вполне уникальным образом относится к своим ученикам. Двоичным образом выступает Иисус Христос: по отношению к Своим ближайшим ученикам иначе, чем к толпе. Почему? В чем здесь дело?

Если мы хотим понять, в чем здесь дело, то надо осмыслить поворотный пункт времени, который стоит перед нашими душами во время Мистерии Голгофы. Те времена, когда древнее ясновидение было общим даром людей, приходят к концу. Чем дальше мы отступаем назад в человеческой эволюции, тем больше приближаемся к тем временам, когда древнее ясновидение было общим человеческим достоянием, когда люди заглядывали в духовный мир. Как они смотрели туда? Они смотрели так, что их видение было видением мировых тайн в образах, в бессознательных или подсознательных имажинациях. Это было сновидческое ясновидение в сновидческих имажинациях - не в таких разумных понятиях, которыми оперирует ныне человек, если он хочет познавать. Что представляет собой "наука" или теперешнее

расхожее мышление, трезвый разум и способность суждения - этого в те старые времена совсем не было. Если человек стоял перед внешним миром, то он его видел, но не расчленил на понятия, он не имел никакой логики, не думал о вещах, комбинируя их. Для нынешнего человека даже трудно представить себе это, потому что теперешний человек обо всем думает. Но древний человек не так думал. Он проходил мимо вещей, он видел их, запечатлевал образы, а понятным это делалось для него тогда, когда в промежуточном состоянии, между сном и бодрствованием, он заглядывал в свой сновидческий, имагинативный мир. Там он видел образы.

Представим себе это конкретнее: древний человек много, много тысячелетий тому назад наблюдает окружающий его мир; он обращает внимание на то, что какой-то учитель хочет что-то объяснить своим ученикам. И этот древний человек подходит и прислушивается к словам, которые говорит учитель своим ученикам; он замечает, что один ученик с истинным воодушевлением принимает слова, другой их тоже воспринимает, но потом упускает их, третий так захвачен своим эгоизмом, что вовсе не слушает. Рассудочно древний человек не мог бы сравнить этих трех учеников. Но когда он пребывает в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, то все виденное является перед его душой снова, как картина. Тогда он может видеть, например, как идет сеятель, раскидывает зерна, - это для него действительно ясновидческий образ: одно зерно бросает он в хорошую почву, оно хорошо всходит; второе зерно - в худую почву, а третье - в каменную. Из того зерна, что попало на вторую почву, выходит мало, а из того, что попало на третью, не выходит ничего. Древний человек не сказал бы, как говорится теперь: один ученик воспринимает слова, а другой ничего не воспринимает. Но в промежуточных состояниях между бодрствованием и сном он увидел бы картину, увидел бы в ней объяснение. И иначе он об этом бы и не говорил. Если бы его спросили, как он понимает отношение учителя к ученикам, он рассказал бы о своем ясновидчески-сновидческом образе. Это было для него реальностью, но также и объяснением вещи. Так он говорил бы.

Толпа, которая стояла перед Христом, имела уже только последние остатки древнего ясновидения, но души людей были еще приспособлены к восприятию того, что говорится в образах о событиях и развитии человечества. Христос Иисус к толпе обращался как к тем, кто имеет последнее наследие древнего ясновидения и внес его в обычную жизнь души.

А какими были ближайшие, интимные ученики? Вы слышали, что они составляли собой дюжину - из семи сынов матери Маккавеев и пяти сынов Маттафии. Вы слышали, как они были подведены всем древнееврейским народом к крепкому утверждению бессмертного "я". Они были настоящими первенцами, которых избрал себе Христос Иисус, чтобы обращаться к тому, что живет в каждой душе и должно стать исходной точкой для нового человеческого становления. Он говорил к людской массе, предполагая, что она

понимает то, что сохранила как наследие от древнего ясновидения. А к ученикам Он говорил именно так, потому что относительно них Он мог предполагать, что они будут первыми, которые смогут что-то понять из того, что мы теперь говорим людям о высших мирах. Это было обусловлено поворотным моментом времени: Христос Иисус говорил по-разному, обращаясь к толпе и обращаясь к тем, кто был Его интимными учениками. В середину толпы ставит Он тех, которых избрал Себе как двенадцать. Что должно было в будущем сделаться общим человеческим достоянием, - разумное понимание того, что относится к высшим мирам и к тайнам человеческой эволюции, - это было задачей узкого круга учеников Христа. Он говорил при объяснении притчи для Своих учеников, можно сказать, используя сократические слова, потому что то, что Он говорил, Он извлекал из самой души каждого; только Сократ ограничивался преимущественно земными условиями, одной общей логикой, в то время как Христос говорил о духовных вещах. Но Он говорил о духовных вещах на сократический лад, когда говорил для близких учеников. Когда Будда обращался к своим ученикам, то он разъяснял им духовные обстоятельства, но разъяснял так, как это дается озарением, как это дается пребыванием человеческой души в высших мирах. Когда Христос обращался к толпе, Он говорил в соответствии с тем, что в прежние времена обычная человеческая душа переживала в высших мирах. К людской массе обращался Он, как "общедоступный Будда", к ученикам же Своим обращался как "горный Сократ", как спиритуализированный Сократ. Сократ извлекал из душ своих учеников индивидуальный, земной разум. Христос извлекал из Своих учеников небесный разум. Будда даровал своим ученикам небесное просветление. Христос давал массе народа земное просветление в Своих притчах.

Прошу вас, посмотрите на эти три картины: там, в стране Ганга, Будда со своими учениками - как противобраз Сократа. В Греции, Сократ со своими учениками - как противобраз Будды. А потом, на четыре-пять столетий позже - этот замечательный синтез, это удивительное соединение. Таков закономерный путь развития человечества в процессе его эволюции, представленный перед вашей душой на величайших примерах.

Человеческая эволюция идет шаг за шагом дальше. Многие из того, что говорилось на первых ступенях духовнонаучного познания в прошлые годы, могло показаться кое-кому чем-то вроде теории, простыми схемами. Так, конечно, думали многие - это, мол, только схемы, только теории, когда говорят о том, что человеческая душа должна мыслиться как взаимодействие души ощущающей, души рассудочной (или души характера) и души сознательной. Конечно, есть люди, которые быстро судят. Но нам довелось пережить суждения еще более скоропалительные, гораздо даже скоропалительней суждений тех, кто по начальным наметкам будущих замыслов заключает обо всем в целом. Но ведь существуют и совершенно другие суждения. Уже то хорошо, что можно указать антропософам как не надо думать.

Существуют разительные примеры того, как не надо мыслить, хотя многие люди считают, что именно так надо думать. Сегодня утром мне рассказали о случае довольно странного образа мышления. Я его здесь привожу только как пример, но как пример, который следует хорошенько записать в душе, потому что мы, как антропософы, должны не только знакомиться с дурными сторонами мира, но и должны что-то делать фактически ради непрерывного усовершенствования души. Поэтому не из личных, но из общих духовных оснований я использую в качестве примера то, что мне было рассказано сегодня утром.

Было рассказано следующее: в некоторой области Европы есть господин, который давно напечатал самые несообразные вещи о том, чему учит "Штайнерова Теософия", или о том, как она относится вообще к духовному движению. Сегодня одной особе поставили в упрек, что ее знакомый, именно - упомянутый господин, напечатал такие вещи. Что же сказала эта особа? "Да, но этот мой знакомый начинает теперь интенсивно изучать произведения д-ра Штайнера". Однако он высказал свое мнение уже несколько лет назад, а теперь в качестве извинения ссылаются на то, что он только начинает эти вещи изучать! Подобное мышление в нашем движении невозможно... В будущие времена, когда об этом будут писать в историческом разрезе, поставят вопрос: неужели так было, что кому-то пришло в голову, после того как человек несколько лет тому назад высказал свое суждение о некотором предмете, сказать в его оправдание: ведь он теперь начинает с этим предметом знакомиться?

Такие вещи относятся к антропософскому воспитанию, и только тогда мы продвинемся дальше, если когда-нибудь будет общим мнение, что такие вещи невозможны среди антропософского движения, совершенно невозможны! Потому что это относится к внутренней честности - неспособность думать таким образом. Нельзя сделать ни шагу в познании истины, если могут подпадать таким суждениям, и это долг антропософов - такие вещи замечать, а не проходить мимо них равнодушно, рассуждая об "общечеловеческой любви". Это означает в высшем смысле слова без любви отнестись к человеку, если ему прощают такое, потому что его тем самым кармически приговаривают не иметь ни сущностного, ни значимого после смерти. А если обращают его внимание на невозможность подобных суждений, то облегчают ему бытие после смерти. Таково более глубокое значение.

Нельзя также принимать с легкостью, когда сперва просто устанавливается истина: человеческая душа слагается из трех членов - души ощущающей, души рассудочной (или души характера) и души сознательной. Уже в течение прошедших лет выявилось, что такая вещь имеет гораздо более глубокое значение, чем только систематическое расчленение души. Было уже разъяснено, что в послеатлантическое время мало-помалу развились отдельные культуры: древнеиндийская, древнеперсидская, египетско-халдейская, греко-латинская и, наконец, наша. И было показано, что существенность вавилоно-халдейско-еги-

петского времени надо искать в том, что тогда именно человеческая душа ощущающая проделала поистине особое развитие. Так же в греко-латинское время мы отмечаем особую культуру души рассудка (или души характера), а в наше время - души сознательной. Так стоим мы перед этими тремя эпохами, так действуют они в воспитании и эволюции самой человеческой души. Эти три члена души - не что-нибудь надуманное, но нечто такое, что жизненно существует и в следующие друг за другом времена поступательно развивается.

Но все должно быть связано между собой. Более раннее должно быть взято с собой в позднейшее, а позднейшее должно быть предвещено в раннем. В каком периоде культуры живут Будда и Сократ? В четвертой послеатлантической эпохе; они находятся там, где получает свое выражение в особенности душа рассудочная (или душа характера). Оба имеют именно в этом времени свою миссию, свою задачу.

Будда имеет задачей сохранить культуру души ощущающей из предшествующей эпохи для следующей - из третьей для четвертой. То, что Будда возвещает, что ученики Будды принимают в свое сердце, - это то, что должно перенести свет из третьей культурной эпохи, которая являлась периодом культуры души ощущающей, в четвертую эпоху - во время души рассудочной (или души характера). Так что учением Будды согрето, озарено и освещено время души рассудочной (или души характера), четвертой послеатлантической эпохи, - тем, что перенесено в нее еще от проникнутой ясновидением эпохи души ощущающей. Великий хранитель культуры души ощущающей в культуре души рассудочной (или души характера) есть Будда. Какая же миссия выпадает несколько позднее явившемуся Сократу?

Он тоже пребывает в эпохе души рассудочной (или души характера). Он апеллирует к конкретной индивидуальности человека - к тому, что сможет вполне выявиться только в нашей пятой культурной эпохе. Он имеет своей задачей воспринять, еще в абстрактной форме, эпоху души сознательной во время эпохи души рассудочной (или души характера). Будда сохраняет предшествующее. Поэтому то, что он возвещает, является как согревающий, озаряющий свет. Сократ воспринимает то, что еще является будущим, что составляет особенность эпохи души сознательной. Поэтому он выглядит в своем времени трезвым, рассудочным, сухим.

Так сталкиваются в четвертой культурной эпохе третья, четвертая и пятая эпохи. Третью хранит Будда, пятая предвещается Сократом. Запад и Восток служат тому, чтобы воспринять эти два различия: Восток - чтобы сохранить величие прошедшего времени; Запад занимается тем, чтобы в более раннее время предвосхитить то, что должно выявиться позже.

Пройден большой путь от древних времен человеческого развития, когда Будда выступал как Бодхисаттва, до того времени, когда он поднялся до "Будды". Этот большой поступательный путь во

времени нашел свое завершение с Буддой, и тем самым он действительно пришел к концу: Будда пережил свое последнее земное воплощение и больше не сходит на Землю. Эта великая эпоха, которая тогда пришла к концу, принесла с собой из древнейших времен то, что было культурой души ощущающей третьей послеатлантической культурной эпохи и дала ей снова воссиять. Почитайте речи Будды с этой точки зрения - тогда вы получите правильное содержание его настроения, и тогда наступление эпохи души рассудочной (или души характера) обретет, пожалуй, еще большую ценность. Тогда вы обратитесь к речам Будды и скажете: "В них все так непосредственно говорит человеческому чувству, но за этим непосредственным есть нечто такое, что превышает это чувство и принадлежит высшим мирам. Отсюда то странное для обычных рассудочных людей, отталкивающее их ритмическое движение в повторениях, частых в речах Будды, которые мы только тогда начинаем понимать, если из физического переходим в эфирное, являющееся первым сверхчувственным за чувственным. Кто понимает, сколь многое действует в эфирном теле, которое находится за физическим, тот также понимает, почему многое в речах Будды снова и снова повторяется. Эту особенность построения речей Будды нельзя отбрасывать, выкидывая из них повторения. Абстрактно мыслящие люди это сделали; они думали, что делают что-то хорошее, если берут только содержание, а повторений избегают. Но дело в том, что надо оставить все так, как дал Будда.

Если мы теперь рассмотрим Сократа, - еще без всего того богатого материала, который появился с тех пор в естественнонаучных и гуманитарных областях, - то, как он подходит к обычным вещам, тогда тот, кто проводит исследования теперь, опираясь на естественнонаучный материал, везде находит сократический метод; его ищут и хотят иметь. Это великое направление начинается от Сократа и идет вперед, вплоть до нашего времени, и будет все больше совершенствоваться.

Так имеем мы один поток человеческого развития, который идет вплоть до Будды и там достигает конца. И мы имеем другой поток, который начинается Сократом и идет в далекое будущее. Сократ и Будда стоят рядом друг с другом, как два ядра комет, - если позволителен этот образ. Хвост кометы Будды оборачивается вокруг ядра и уходит далеко, далеко в перспективу прошлого. Хвост же кометы Сократа, тоже окружая ядро, далеко светит в неопределенные дали будущего. Две расходящиеся кометы, идущие в противоположных направлениях, чьи ядра светят одновременно, - этот образ я хочу употребить для того, чтобы показать, как стоят рядом друг с другом Будда и Сократ.

Полтысячи лет проходят - и происходит как бы соединение обоих течений через Христа Иисуса. Мы это уже охарактеризовали, вызвав перед нашей душой некоторые факты. Завтра мы пойдем дальше в этой характеристике, чтобы ответить на вопрос: "Какова в отношении человеческой души правильно характеризуемая миссия Христа Иисуса?".

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 19 сентября 1912 г.

Вчера мы старались рассмотреть с некоторой точки зрения место в мировой истории того момента, на который падает Мистерия Голгофы. Мы пытались сделать это таким образом, что сопоставили двух замечательных водителей человечества - Будду и Сократа, которые предваряли на несколько столетий событие Мистерии Голгофы. При этом выяснилось, что Будда как бы олицетворяет многозначительное завершение определенного потока эволюции. Так стоит он, Будда, в V -VI столетиях до Мистерии Голгофы, провозглашая глубоко значительное учение, откровение в Бенаресе, - провозглашая некоторым образом то, что могло влиться в человеческие души за тысячелетия древности, обобщая и обновляя это определенным образом и сообщая так, как это должно было быть сообщено за полтысячелетия до Мистерии Голгофы, и как это должно было быть провозглашено тем народам, расам, которым это учение подходило именно в такой форме. Насколько Будда являлся завершением определенного мирового течения - это особенно бросается в глаза, если посмотреть на его великого предшественника, который некоторым образом уже относится к начинающемуся закату древнего человеческого развития, - на Кришну, великого индийского учителя, который в другом смысле является конечным пунктом тысячелетий древних откровений.

Кришну можно видеть за несколько столетий до Будды. Но теперь не в этом дело. Главное в том, что чем больше дают на себя воздействовать тому, чем является Кришна и что есть Будда, тем более видят, что в каком-то смысле провозвестие Будды является в Кришне в еще большем свете, а у Будды, как мы это сейчас хотим показать, оно некоторым образом заканчивается.

Кришна: в этом имени сконцентрировано нечто такое, что вносит свет в духовное развитие человечества на протяжении многих, многих тысячелетий его эволюции. И если углублять ся в откровение, благовестие Кришны, тогда взгляд устремляется вверх, в выси человеческого духовного откровения, по отношению к которым имеют чувство: в отношении того, что звучит из откровения Кришны, - всего того, что в нем содержится, - кажется, не может быть ничего выше, значительнее. В своем роде высочайшее звучит нам из откровения Кришны. Разумеется, здесь мы объединяем в личности Кришны многих, дававших людям это откровение. Но дело обстоит так, что то, что мало-помалу в течение тысячелетий и столетий до него сообщалось теми, кто должен был быть носителями этого в предшествующее время, в Кришне было обновлено, обобщено и приведено к завершению для откровения народу. И если взять то, каким образом говорится в словах Кришны о божественных, о духовных мирах и об их отношении к человечеству, о ходе мировых событий, - если взять духовность, к которой надо подняться самим, если хотят проникнуть в глубокий

смысл учения Кришны, - тогда есть только одно в ходе человеческого развития позднейшего времени, что отчасти может с этим сравниться.

Откровение Кришны есть некоторым образом тайноведение. Почему тайноведение? Тайноведение - просто по той причине, что мало людей внутренне готовы подняться до таких духовных высот, чтобы понимать то, о чем давал откровение Кришна; знания не надо запечатывать, запираť внешними средствами, чтобы они оставались тайными, ибо они лишь по той причине остаются "тайными", что мало людей поднимаются до той высоты, на которую надо подняться, чтобы их понимать. Можно разбазаривать такие откровения как у Кришны, можно каждому дать их в руки - но все-таки они останутся тайными, потому что средство извлечь их из тайноведения не в том, чтобы разбазарить, а в том, чтобы люди, возвысив свои души, соединились с ними. В том-то и дело, что такие вещи парят в вышине и вещают таким образом, который представляет собой некую духовную вершину. Кто воспринимает слова, которые приходят из таких откровений, долго еще не должен быть убежден в том, что он такие откровения постиг, - даже если он ученый XX века. Вполне понятно, если повсюду теперь говорят, что вообще нет никакого "тайноведения". Это понятно потому, что часто те, кто такие вещи утверждает, имеют только слова и думают, что тем самым знают все. Но тайноведение заключается в том, что они не понимают того, что имеют.

Как было сказано, с этим можно сравнить еще одно, то, что связано с именем Кришны, можно сравнить с тем, что звучит для нас в трех позднейших, близко к нам стоящих именах. Но там это выступает совсем в другом роде - в системе понятий, в философском роде; это именно то, что связано с именами Фихте (Иоганн Готлиб Фихте (1762 - 1814)), Шеллинга (Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775-1854)), Гегеля (Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831)). В отношении тайноведческого характера учение этих трех людей можно немного сравнить с другими "тайными учениями" человечества. Потому что, хотя в конце концов учения Фихте, Шеллинга и Гегеля можно иметь, но никто не будет отрицать того, что они в широком смысле слова остались настоящим тайноведением. Очень мало людей хотят иметь какое-либо отношение к тем вещам, какие написали эти три человека. Из известной, можно сказать, философской любезности в некоторых философских кругах говорят опять о Гегеле, и в ответ на то, что я сейчас сказал, возражают, что есть же люди, которые занимаются Гегелем. Но если взять то, что эти люди производят и что они вносят для понимания Гегеля, тогда приходишь к тому, что для этих людей Гегель остался тайноведением. У Фихте, Шеллинга и Гегеля выступает то, что на Востоке светит нам от Кришны, - выступает в абстрактной, понятийной форме; и уже для того, чтобы заметить сходство, нужен совершенно определенный склад человеческой души. Хотелось бы без обиняков поговорить однажды о том, что для этого нужно.

Если человек, который теперь имеет не просто среднее, а даже

высшее образование, берет в руки философское произведение Фихте или Гегеля, то он думает вычитать у них что-нибудь такое, что касается прогресса в развитии понятий. И подавляющее большинство людей согласятся, что нельзя почувствовать теплоту, если, например, открыть "Энциклопедию философских наук" Гегеля (Впервые появилась в 1817 году), где сперва говорится о "бытии", а потом - о "небытии", "становлении", "инобытии" и т. д. Тогда скорее всего будет сказано: "Тут кто-то из высшей отвлеченности понятий что-то намешал; может быть, это и очень хорошо, но для сердца, для души это мне ничего не дает и не греет". Я знаю многих людей, которые как раз это произведение Гегеля, о котором я сейчас говорил, закрывали, прочтя 3-4 страницы. В одном только они неохотно признаются, - в том, что, может быть, вина за то, что они не могут получить тепла, что они при этом не ощущают жизненной борьбы, ведущей из ада в небеса, лежит на них самих. В этом неохотно признаются. Потому что у этих, философов существует возможность пережить в том, что люди называют "абстрактными понятиями", и жизненные битвы, и почувствовать весь подъем от величайшего жизненного холода к величайшему жизненному теплу; можно ощутить, что эти вещи написаны непосредственно человеческой кровью, а не только абстрактными понятиями.

То, что светит от Кришны, можно сравнить с этой так называемой новейшей фазой эволюции человеческого восхождения в духовные высоты; но тут есть и большая разница. То, что выступает навстречу нам у Фихте, Шеллинга и Гегеля, - этих самых зрелых мыслителей христианства, - это же выступает нам навстречу в дохристианское время в соответствующей форме у Кришны. Ибо что такое откровение Кришны? Оно есть нечто такое, что потом никогда не могло снова прийти; что должно быть воспринято в его высоте, ибо оно не может быть превзойденным. И кто понимает такие вещи, тот получает представление, идею о мощи того духовного света, который светит нам оттуда, когда мы даем действовать на себя тому, что связано с культурой, из которой вышел Кришна. Надо только дать этим вещам правильно на себя действовать. Если дать правильным образом действовать на себя таким словам, как эти (приведу наугад пару отрывков из Бхагавадгиты), где Кришна определяет свою собственную сущность, - то можно прийти к познаниям, чувствам, ощущениям, которые мы охарактеризуем позже. Так говорит Кришна (в десятой песне):

"Я есть дух становления - его начало, середина и конец. Среди существ я всегда самое благородное из всего, что возникло. Между духовными существами я - Вишну, я - Солнце между звездами, между светилами - Луна, между стихиями - огонь, между горами - высокая Меру, между водами - великое мировое море, между реками - Ганг, между деревьями - Менге Асватха, я - Господь в истинном смысле слова и людей, и всех существ, которые тут живут; между змеями - та, которая вечна и есть сама основа бытия".

И возьмем другое проявление из той же самой культуры, - обратимся к Ведам:

"... Дэвы собрались у трона Всемогущего и спрашивают почтительно, кто Он такой. Тогда отвечает Он (*Всемогущий - это Мировой Бог в древнеиндийском смысле*):

"Если бы был другой, как Я, то Я бы описал Себя через него. Я был извечно и буду во веки веков. Я - первопричина всего, что есть на Востоке, Западе, Севере и Юге. Я - первопричина всего, что в высотах, наверху, и в глубинах, внизу. Я - все. Я старше всего сущего. Я - Господь над владыками. Я - сама истина, само откровение. Я - первопричина откровения, Я - знание, Я - набожность, Я - право, Я всемогущ"

И когда в этой культуре спрашивают (так сказано в этом древнем документе) о первопричине всего, то там говорится: "Первопричина мира - это огонь, это Солнце, и Луна тоже. Это есть также этот чистый Брахман, и эта вода, и это высшее из творений. Все мгновения, и все недели, и все месяцы, и все годы, и все столетия и тысячелетия, и все миллионы лет вышли из Него, вышли из Его сияющей личности, которую никто не может понять ни наверху, ни внизу, ни вокруг, и не в середине, где мы стоим!"

Такие слова звучат нам из этого древнего времени. Мы отдаемся этим словам. Что должны мы непосредственно чувствовать перед этими словами? О некоторых вещах в них сказано. Мы видели, что сам Кришна нечто говорит о себе; мы видели, что говорится о Мировом Боге и мировой первопричине всех вещей. Из самого тона этого познания, каким это было тут сказано, явствует, что были сказаны вещи, значительнее и выше которых никогда не было сказано; мы также знаем, что и не могут быть никогда высказаны вещи, более великие и значительные. Это значит: в развитие человечества внесено нечто такое, что должно остаться и должно быть принято таким, каково оно есть, - оно достигло своего совершенства. И что бы об этих вещах позднее ни думали, - может быть, надеясь сообразно методам позднейших времен выразить это яснее, модифицировать, - то лучше никогда бы ничего подобного не сказали, никогда! И если бы кто-нибудь хотел лучше сказать об этих вещах, то это было бы самонадеянностью.

Возьмем сначала то место из Бхагавадгиты, где Кришна сам себя характеризует. Что он, собственно, характеризует? Он говорит совершенно замечательно о том, что он - дух всего ставшего, что он между небесными духами - Вишну, между звездами - Солнце, между светилами - Луна, между стихиями - огонь и т. д. Если мы соберем это в одной формулировке, то можно сказать: Кришна обозначает себя как эссенцию, как сущность всего; таким образом эта сущность - он сам, и она везде представляет собой чистейшее божественное. Где проникают за вещи и ищут их сущность, там приходят к существу Кришны в смысле этого места. Возьмите много растений одного вида, ищите сущность этого вида, которая невидима, но выражает себя в отдельных видимых формах растений. Какова их эссенция? Кришна! Но только мы должны эту

сущность не мыслить идентичной с отдельным растением, но рассматривать как наивысшее, чистейшее в этой форме; так что мы повсюду имеем не только то, чем является данное существо, но также и это существо в чистейшей, благороднейшей, наивысшей форме.

О чем, собственно, говорит Кришна? Лишь о том, что также и человек, если он идет вглубь, в самого себя, может узнать свою сущность; но это не то существо, которое он представляет собой в обычной жизни, а то, которое находится за обычным проявлением человека и человеческой душевности. Он говорит о человеческой сущности, которая в нас есть, потому что истинная человеческая сущность едина со всем. Это не познание чего-то такого, что эгоистично выступает в Кришне; это в Кришне хочет указать на самое высшее в человеке, на идентичное, единое с тем, что живет во всех вещах как их сущность.

Как сегодня мы говорим иносказательно, так говорит Кришна о том, что он имеет в виду для своей культуры. Когда мы сегодня заглядываем в наше собственное существо, то мы видим прежде всего "я" (это представлено в книге "Как достигнуть познания высших миров". От этого обычного "я" мы еще отличаем высшее, сверхчувственное "я", которое не выступает в чувственном бытии: оно не только излито в нас, но одновременно и в сущность всех вещей. Если мы, таким образом, говорим о нашем высшем "я", о высшей сущности, живущей в человеке, то мы говорим не о том, о чем человек обычно говорит "я есмь", хотя на нашем языке это звучит одинаково. В устах Кришны эти вещи не имели одинакового звучания. Он говорит о сущности человеческой души в смысле понимания тогдашнего времени, как мы теперь говорим о "я".

Почему могло произойти так, что высказываемое Кришной так сходно с тем, что мы сами высказываем как высшее познание? Это могло произойти оттого, что в предшествовавшей культуре, из которой вышел Кришна, в ранние тысячелетия ясновидческой культуры человечества, человек привык, взирая на сущность вещей, всегда обращаться к ясновидческому восприятию. И такую речь, которая нам встречается в Бхагавад-гите, можно понять, если рассматривать ее как завершение яс-новидческого мировоззрения, - если уяснить себе следующее: в тот момент, когда человек в древние времена переносился в промежуточное состояние (которое тогда для людей было всеобщим) между сном и бодрствованием, тогда он переносился в вещи так, что не было, как при чувственном восприятии, того, что вещи - "здесь", а человек - вне их, но он тогда изливался во все существа, чувствовал себя во всех существах, чувствовал себя единым со всеми существами. Он чувствовал себя единым с тем, что было наилучшего в каждой вещи, с которой он был единым, и его наилучшее было во всех вещах. И если вы не будете исходить из абстрактного чувствования и ощущения, как это происходит у теперешнего человека, но настройтесь именно так, как чувствовал древний человек, тогда вы поймете те слова, которые в Бхагавадгите произносит Кришна. Вы поймете их, если спросите себя: "Каким видел себя человек древнего ясновидения?"

И тогда вам станет ясно следующее: то, что теперь достигается духовнона-учным способом обучения, когда человек высвобождает свое эфирное тело, так что оно чувствует себя распростертым, разлитым во всем, что есть вокруг, - практически таким же было естественное состояние людей древних времен. Они чувствовали себя, находясь внутри вещей в определенных состояниях, которые находили на них сами собой. И если затем полученные откровения они выражали в образах, если то, что они узрели, выражали в прекрасных словах, то это выступало, например, так, как эти откровения Кришны.

Поэтому можно сказать и так: Кришна сказал своим современникам следующее: то, как лучшие из вас видели свое отношение к миру, когда они были в сверхчувственных состояниях, это я хочу выразить словами; потому что в будущем люди уже не будут такими, и вы сами не сможете быть такими, какими были предки. То, что видели предки, я хочу выразить в словах для того, чтобы это сохранилось, потому что для человечества этого больше не будет в виде естественного состояния". - В слова, которые были возможны в то время, перенесено то, что тысячелетиями было уделом человечества; это были откровения Кришны, чтобы и позднейшие времена, которые уже не могли этого видеть, имели это как откровение Кришны.

И другие слова мы можем понять таким же образом. Представим себе, что в то время, когда Кришна сообщал свое откровение, к знающему Учителю пришел бы ученик и спросил: "О, знающий Учитель, что же находится за вещами, которые видят мои глаза?" - Тогда знающий Учитель сказал бы: "За этими вещами, которые видят твои глаза, находится духовное, сверхчувственное". Но в древние времена люди в своих естественных состояниях это сверхчувственное еще видели. И ближайший сверхчувственный мир, который граничит с нашим миром внешних чувств, - это эфирный мир; в него они взирали. Там причина всего чувственного. Люди тогда видели, что является первопричиной. Теперь я могу выразить только словами то, что прежде люди могли видеть: это - огонь, это - Солнце (но Солнце являлось людям не так, как теперь, потому что для древнего ясновидения самым незримым было как раз то, что теперь видит глаз: тогда огромный, добела раскаленный шар Солнца казался темным, а во всех направлениях от него распространялись действия Солнца, излучения солнечной ауры, расходящиеся в разноцветных образах и снова сливающиеся, однако таким образом, что то, что так пронизывало вещи, было в то же время творящим светом), а это - Луна (которую тогда также видели иначе), потому что все в них - это чистый Брахман".

Что такое чистый Брахман? Если мы вдыхаем и выдыхаем воздух, то материалистически мыслящий человек, конечно, думает, что он с воздухом вдыхает только кислород. Но это заблуждение. С каждым вдохом мы вдыхаем дух. То, что живет в воздухе как дух, проникает в нас и выходит из нас. И когда древнее ясновидение это видело, это ему не казалось таким, как материалисту, который думает, что он вдыхает кислород. Это материалистический

предрассудок. Древнему ясновидению было известно, что вдыхался эфирный элемент духа, Брахман, от которого приходит жизнь. Как теперь думают, что жизнь приходит от кислорода воздуха, так древний человек знал, что жизнь приходит от Брахмана, и когда он Брахмана вдыхает, он живет. Чистейший Брахман - это причина нашей жизни.

А каковы вершины познания, к которым поднималась эта прадревняя чистая мудрость, эта, подобная эфиру, подобная свету мудрость? Люди теперь думают, что они могут очень тонко мыслить. Но когда видишь, как люди путают одно с другим, начиная что-либо объяснять, тогда не испытываешь большого уважения к нынешнему, а именно - логическому мышлению. Поэтому я должен предпринять рассуждение, которое может показаться очень абстрактным (я хочу проделать это как можно проще).

Предположим, перед нами зверь; он желтый, у него есть грива; тогда мы называем этого зверя "лев". Теперь мы начинаем спрашивать: что такое лев? Ответ: хищное животное. Мы спрашиваем дальше: что такое хищное животное? Ответ: Млекопитающее. Мы спрашиваем дальше: что такое млекопитающее? Ответ: живое существо. И так мы идем дальше - мы описываем одно через другое. Большинство людей считают разъяснением, если они таким образом продолжают расспрашивать, как я сказал про льва. Очень часто люди поступают так же, когда говорят о вещах духовных: они продолжают расспрашивать и задавать вопросы даже о самых высоких духовных вещах подобно тому, как они спрашивали: что такое лев? что такое хищное животное? И там, где принято после лекции подавать записки и отвечать на вопросы, там часто на записках стоят одни и те же вопросы, люди бесчисленное число раз спрашивают: что такое Бог? каково начало мира? что такое конец мира? - Люди спрашивают в том же самом роде, как они спрашивали про льва. Многие, собственно, не хотят знать ничего другого, кроме следующего: что такое Бог? каково начало мира? что такое конец мира? Об этом они спрашивают точно так же, как спрашивают: что такое лев? И так далее.

Люди думают, что то, что годится для повседневности, должно быть таким же и для высших вещей. Они не думают о том, что именно для высших вопросов характерно то, что такими они быть не могут. Ибо если так задавать вопросы, один за другим, переходя от льва к хищному животному, то можно дойти до чего-то такого, что не поддается описанию, о чем уже нет смысла задавать вопрос: "Что это такое?" Потому что, спрашивая так, хотят к подлежащему иметь сказуемое. Но должно существовать самое Высшее Существо, которое можно понять только через Него Самого. Вопрос: "Что такое Бог?" - совершенно бессмыслен в логическом смысле. Можно все возвести к Самому Высшему, но к Самому Высшему нельзя прибавить никакого сказуемого, ибо тогда следует ответ: "Бог - это..." То есть то, с помощью чего описывали бы Бога, должно было быть выше, чем Он. Это самое курьезное

противоречие, какое только бывает.

То, что этот вопрос ныне все еще постоянно ставят, свидетельствует о том, сколь возвышенно явил себя в древние времена Кришна, когда сказал следующее: "Дэвы собрались у трона Всемогущего и спросили Его благоговейно: кто Он такой? Он ответил: "Если бы был другой такой, как Я, то Я себя описал бы через него". - Этого он, однако, не делает. Он не описывает себя через другого. Так и мы, можно сказать, в благоговении и преданности, подобно тем Дэвам, стоим перед древней священной индийской культурой, восхищаемся ею, также и ее грандиозной логической высотой, которая была достигнута не через мышление, но через древнее ясновидение, - через то, что люди знали непосредственно: когда они приближаются к Первопричине, тогда прекращаются вопросы, так как Первопричина созерцается ими ясновидчески. Так стоим мы в восхищении перед тем, что перешло к нам из этих древних времен; словно духи, которые нам это передали, хотели сказать: "Прошли те мировые эпохи, когда люди непосредственно взирали в духовные миры. В будущем этого больше не будет. Но мы хотим зафиксировать то, к чему мы поднялись и что было некогда дано человеческому ясновидению".

Так в Бхагавадгите, в Ведах описаны все те вещи, которые подытожены, завершены у Кришны. Сказанное Кришной невозможно превзойти, хотя и можно увидеть новым ясновидением; однако это никогда не может быть исследовано с помощью тех способностей, которые были позднее добыты людьми. Поэтому, если оставаться в области человеческой культуры, всегда можно сказать в отношении дневной культуры, культуры мира внешних чувств, следующее: "В этой культуре, если не принимать во внимание того, что может быть заново достигнуто путем обучения ясновидению, - в лоне дневной культуры невозможно достичь древнего святого откровения, получившего свое завершение у Кришны. Но через свою эволюцию, через духовнонаучное обучение душа может снова подняться и снова достичь этого. То, что некогда было дано человечеству нормальным путем (если можно употребить это слово), - теперь это не дано иметь людям повседневно, через естественно достигаемые состояния. Поэтому эти истины пришли в упадок. Если имеются отдельные мыслители, - такие, как Фихте, Шеллинг и Гегель, которые довели свое мышление до максимально возможной чистоты, - тогда эти вещи могут, хотя не так жизненно, не с такой непосредственной, личной нотой, как это было у Кришны, но в форме идей, снова выступать перед нами. Но никогда они не выступают так, как их постигали люди в старом ясновидении. И из духовнонаучных исследований, как я часто вам сообщал, следует, что медленно и постепенно, в течение послееатлантического времени, старое ясновидение отмерло.

Если мы взглянем назад, в первую послееатлантическую эпоху, в древнеиндийское время, тогда мы сможем сказать: от него не осталось никакой письменности, потому что тогда люди еще взирали в духовные миры. То, что тогда открывалось человечеству,

может быть найдено только через Акаша-хронику. Это было высокое откровение. Но постепенно человечество спускалось все ниже и ниже, и во время второй послеатлантической эпохи, в древнеперсидское время, откровения хотя еще и бывали, но уже не в своей первоначальной чистоте. Еще менее чистыми они стали ко времени третьей культуры, в египетско-халдейское время. При этом нужно принять во внимание, если мы хотим эти соотношения рассматривать в их реальности, что у первых двух культур - и не только у тех народов, по которым они были названы, - письменности еще не было. Если мы говорим о древнеиндийской культуре, то имеем в виду культуру, от которой не дошло до нас ничего письменного. От древнеперсидской культуры также ничего письменного до нас не дошло. Ибо вся письменность древней Индии и древней Персии - это лишь отзвук того, что было и что сохранилось в позднейших преданиях. Только в вавилоно-халдейской культуре, то есть начиная с третьей культурной эпохи, имеются письма. Но в то время как развивалась древнеперсидская культура, в индийской культуре переживалась вторая эпоха, которая протекала параллельно древнеперсидской; а когда развивалась вавилоно-халдейско-египетская культура, тогда и в Индии переживалась третья культурная эпоха, и в это время впервые люди начали делать записи. Из этой третьей эпохи, из ее позднего периода, происходят те записи, которые, например, содержатся в Ведах и которые потом проникли во внешнюю жизнь. То же самое относится и к письмам, которые говорят о Кришне.

Поэтому не надо думать, когда говорят о памятниках письменности, что имеется в виду первая индийская культурная эпоха, ибо все, что содержится в документах, - это записи, которые появились только во время третьей эпохи древней Индии, потому что именно в эту третью эпоху все более угасали последние остатки древнего ясновидения. Это есть то, что мы можем увязать с личностью Кришны. После этого древняя Индия сообщает нам то, что может быть исследовано внешне. Если мы рассматриваем вещи в их основе, то это всегда согласно с тем, что можно узнать из внешних документов. Когда третья мировая эпоха шла к концу и люди утратили то, чем они изначально обладали, тогда появился Кришна, чтобы сохранить то, что было утрачено.

О какой мировой эпохе говорит предание, когда оно говорит, что Кришна явился во время "третьей мировой эпохи"? Оно говорит о том времени, которое мы называем египетско-халдейской эпохой, или культурой. И как раз с тем, что мы характеризуем, согласуется это индийско-восточное учение Кришны. Когда древнее ясновидение и все сокровища древнего ясновидения начали ускользать из рук человечества, тогда пришел Кришна и явил их в том виде, в каком они могли быть сохранены для позднейшего времени. В этом смысле Кришна есть завершение чего-то великого, могучего. И все, что в течение ряда лет говорилось у нас, вполне согласуется с тем, что дают и документы Востока, если эти документы правильно читать. В этом смысле говорить о чем-то "западном" или "восточном" - чистая бессмыслица, потому что дело

не в тех словах, с помощью которых мы учим на Востоке или на Западе, но в том, чтобы с пониманием говорить о возвещенном. И чем больше вы постигаете, что именно возвещено за эти годы, тем больше видите, что оно согласуется со всеми документами Востока.

Так стоит Кришна как завершение. Через несколько столетий приходит Будда. Каким образом Будда оказывается, можно сказать, другим полюсом завершения? Как относится Будда к Кришне?

Вызовем перед своей душой ту характеристику Кришны, которую мы только что дали. Тогда он предстанет перед нами так: великие, могучие ясновидческие откровения древности переданы в таких словах, которые могло понимать будущее и в них чувствовать отзвук древнего ясновидения человечества. Так стоит перед нами Кришна. Его откровение есть для людей нечто такое, что они могут воспринять, о чем могут сказать себе: в нем заключена мудрость о мире, лежащем за миром внешних чувств, мудрость о мире первопричин, духовных фактов. Вот что содержится в великих могучих словах откровения Кришны. А если углубиться в Веды, во все то, завершением чего является откровение Кришны, тогда можно сказать: "Этот мир есть родина человека, - мир, который лежит за тем, что видят глаза, слышат уши, осязают руки. Ты, человеческая душа, принадлежишь тому миру, о котором возвещает Кришна".

Как могла себя чувствовать сама эта человеческая душа в последующие столетия? Она могла видеть, что эти удивительные древние откровения говорят о собственно духовной, небесной родине людей; она могла затем взглянуть на то, что ее окружает. Она видела глазами, слышала ушами, осязала вещи, думала о вещах рассудком, который никогда больше не проникнет в то духовное, о котором возвещало откровение Кришны. И душа могла себе сказать: "Есть святое учение древних времен, которое передает познания о духовной родине, окружающей нас, - окружающей мир внешних чувств, - единственное, что нам теперь известно. Мы больше не живем на духовной родине, мы изгнаны из нее - из той, о которой прекраснее всех говорит Кришна".

Тогда приходит Будда. Как говорит он о том, о чем говорил Кришна, - то есть о величии духовного мира, душам людей, которые видят окрест только то, что видит глаз, слышат только то, что слышит ухо? Будда говорит примерно так: "Да, мы живем в мире внешних чувств. Сюда вас привело то стремление, которое гонит вас от воплощения к воплощению. Но я говорю вам о пути, который может вас вывести из этого мира и ввести в тот мир, о котором говорил Кришна. Я говорю вам о пути, которым вы можете быть избавлены от мира, который не тот, о котором говорил Кришна". Как тоска по родине, по миру Кришны, звучало в следующие столетия учение Будды, поскольку Будда является последним последователем Кришны - тем последователем Кришны, который должен был прийти. И если бы Будда сам говорил о Кришне, как бы он мог говорить? Примерно так: "Я пришел, чтобы возвестить вам о Высшем, который был до меня, - возвестить о нем вновь."

Направьте взор назад к великому Кришне, и вы увидите, чего вы можете достигнуть, если покинете этот мир, в котором вы не находите себя, как на истинной духовной родине. Я показываю вам пути освобождения из мира внешних чувств, я веду вас назад к Кришне!" Так мог бы говорить Будда. Он только не употребил именно таких слов. Но он сказал об этом в несколько другой форме: "В мире, в котором вы живете, - страдание, страдание и страдание. Рождение - страдание, старость - страдание, болезнь - страдание, смерть - страдание; не быть соединенным с тем, что любишь, - страдание; быть соединенным с тем, что не любишь, - страдание; достижение желанного и неумение его удержать - страдание". И когда Будда преподал свой "восьмеричный путь", - это учение не выходило за пределы того, о чем говорил Кришна, ибо это было учение о том, что дал Кришна. "Я пришел после него; пришел вслед за тем, кто больше меня; но я хочу вам указать пути назад к нему - к тому, кто больше меня". Такие тона всемирной истории звучат нам из страны Ганга.

Теперь пойдемте немного дальше на запад. Поставим перед собой еще раз образ Крестителя и вспомним слова, которые мог* бы сказать Будда: "Я пришел после него, после Кришны, потому что он больше меня, и я хочу указать вам пути назад к нему из этого мира, в котором не содержится тот божественный мир, о котором говорил Кришна. Обратите ваш взор назад!" Вот образ Крестителя. Как он говорил? Как он выражал свои воззрения, как он выражал те факты, которые были ему даны в духовном мире? Он тоже указывал на некоего "другого", но он не говорил так, как мог бы сказать Будда: "Я пришел после него", - он говорил: "За мной идет Большой меня!" (1, 7) Так говорит Креститель. И он не говорит: "Здесь, в этом мире, - страдание, и я хочу увести вас из этого мира". Но он говорит: "Измените ваш взгляд! Не оглядывайтесь больше назад, но смотрите вперед. Когда придет Большой, время исполнится; в мир, в котором есть страдание, вступит небесный мир, вступит по-новому откровение старых времен, которое вы утратили".

Таков последователь Кришны - Будда. Таков предтеча Христа Иисуса - Иоанн Креститель! Все наоборот. Такими предстают перед нами шесть столетий, которые прошли между этими событиями. Снова мы имеем две кометы с их ядрами: одна из них - Кришна со своим ядром, всем тем, что указывает назад, и тем, кто ведет людей назад, - Буддой. И другая комета, которая указывает вперед со своим ядром (Христом), и с тем, кто является "предтечей". Примите в самом лучшем смысле Будду, как последователя Кришны, и Иоанна Крестителя, как предтечу Христа Иисуса, - и тогда в этой формуле будет проще всего высказано то, что происходило в ходе развития человечества и предшествовало Мистерии Голгофы. Так мы должны смотреть на эти вещи, и тогда мы их пойдем.

Они не затрагивают никакого вероисповедания, их нельзя связывать с той или иной мировой религией. Но это всемирно-исторические факты, действительно всемирно-исторические факты! И кто их прозревает во всей глубине, не может и никогда не сможет представить иначе. Разве при этом отнято что-либо из

откровений человечества? Это удивительно, когда говорят кое-где, что у нас, мол, христианство ставится выше других религий. Разве идет речь о "выше" или "ниже"? Разве это не абстрактнейшие слова из всех возможных - "выше" и "ниже", "больше" или "меньше"? Разве мы сказали здесь нечто такое, что восхваляет Кришну меньше, чем то, что говорят люди, ставящие Кришну выше Христа? Мы отказываемся от слов "выше" или "ниже"; мы хотим характеризовать вещи в их истинной действительности. Дело не в том, ставим ли мы христианство выше или ниже, а в том, правильно ли мы характеризуем вещи, связанные с Кришной. Посмотрите на то, что относится к Кришне, и спросите себя, сообщалось ли где-нибудь более высокое о нем, чем когда мы пытаемся сообщить что-то о Кришне? Прочее - пустые словопрения. Но истина выходит на свет, когда она воспринимается и постигается в соответствии с сущностью вещей.

Характеризуя это самое простое и самое грандиозное Евангелие, мы располагаем возможностью вникнуть во все космически-земное положение Христа. Поэтому надо было обратиться к величию того, что нашло свое завершение за столетия до Мистерии Голгофы, когда занялась новая заря будущих времен человечества.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 20 сентября 1912 г.

Вчера была сделана попытка дать представление об откровении Кришны и его отношении к тому, что позднее вступило в эволюцию человечества, - к откровению, совершившемуся через Христа. Было указано на то, что откровение Кришны может явиться нам как завершение длительного периода эволюции человечества, как окончание ясновидческой, примитив-но-ясновидческой стадии развития человечества. Если мы с этой точки зрения еще раз вызовем перед своей душой то, что мы вчера установили относительно этого откровения Кришны как итогового завершения, то мы можем сказать: "То, что получено в этом откровении, потому наличествует внутри развития человечества, что оно достигло некоего завершения и уже не может стать выше. Некоторые учения, которые тогда появились, должны быть приняты, можно сказать, всем последующим земным развитием такими, какими они тогда были даны".

Однако необходимо подойти ко всему своеобразию этого откровения с определенной точки зрения. Это откровение можно назвать таким, которое в собственно человеческом смысле не считается со временем, со сменой времен. Все, что не считается со "временем" как реальным фактором, - это уже содержится в учении Кришны. Как это надо понимать?

Мы видим каждую весну растения, вырастающие из земли; видим, как они растут и созревают, приносят плоды, дают семена и из этих семян, когда они снова посеяны в землю, вырастают такие же растения, достигают своего расцвета и снова дают семена. Так

повторяется из года в год. Если мы считаемся с тем отрезком времени, который обзирает человек, то можем сказать: здесь мы имеем дело с настоящим повторением. Ландыши, примулы, гиацинты выглядят одинаково каждый год. То, чем они являются, повторяется у них в той же форме, тем же самым образом каждый год. Мы можем в определенной мере подняться и до животных и там найдем подобное. Если мы наблюдаем отдельных животных рода львов, рода гиен, рода обезьян, то найдем: то, что должно получиться из такой особи, заложено в ней с самого начала. Поэтому мы с известным правом не говорим в отношении животных о настоящем воспитании. Непонимающие этого люди в новейшее время начинают применять понятия о воспитании и педагогические понятия к животным. Но это не может рассматриваться как главное, а если хорошенько вникнуть, приниматься во внимание. В сущности мы видим осуществленную в природе повторность, если принимаем во внимание малые отрезки времени. Так же и в кругообороте года мы знаем весну, лето, осень и зиму, в правильном чередовании повторяющимися в течение столетий. И только если мы возьмем очень большие отрезки времени, которые поначалу превышают рамки человеческого наблюдения, мы можем заметить нечто, приводящее к необходимости считаться с понятием времени; мы увидели бы прадревние времена, когда некоторые вещи протекали иначе, нежели в наше время; могли бы, например, заметить, что в далеком, далеком прошлом Солнце восходит и заходит на небосводе иначе. Но это области, которые выясняются, если мы входим в настоящую духовную науку. Для того, что человек может поначалу наблюдать относительно астрономического мира природы, тоже годится повторность - повторность одинакового или подобного, как мы это особенно отчетливо видим в ежегодном повторении растительных форм. При таком повторении время как таковое не имеет большого значения. Оно, в собственном смысле, как время не является тут реально действующим фактором.

Все обстоит иначе, если мы рассматриваем отдельную человеческую жизнь. Как вы знаете, она также расчленяется на следующие друг за другом повторные периоды. Мы различаем один такой период от рождения до смены зубов, то есть до седьмого года приблизительно; потом - период от 7 до 14 лет, то есть до половой зрелости; затем - от 14 до 21 года и т.д. Короче, мы различаем в отдельной человеческой жизни семилетние периоды. Можно сказать, что в эти семилетние периоды известные вещи повторяются. Но гораздо больше, чем повторения, бросается в глаза другое, а именно - прогрессирующее преобразование, само движение вперед, которое тогда происходит. Потому что совершенно иным является человеческое существо во второй семилетний период, чем в первый; и совсем другим оно становится в третьем. Мы не можем сказать: как растение повторяется в растении, так и человек во втором семилетнем периоде также повторяется, как человек первого семилетнего периода, и т.д. Тут мы видим, что время играет реальную роль в этом поступательном развитии. Оно что-то значит.

И если мы усмотрим, как то, что имеет таким образом значение для отдельного человека, можно обратиться на все человечество, то можем сказать: "У всего человечества в последовательных стадиях его развития обнаруживается неким образом и то, и другое. Нам достаточно остановиться на так называемом послееатлантическом периоде. Мы различаем в послееатлантическое время как первую эпоху культуры - древнеиндийскую, вторую - древнеперсидскую, третью - египетско-халдейскую, четвертую - греко-латинскую, пятую - нашу современную, и еще две последуют за нашей, пока не наступит опять великая катастрофа. Этот поступательный ход эволюции многократно показывает сходство в следующих друг за другом эпохах, что позволяет сравнить их с повторностью подобного, как мы из года в год наблюдаем у растений. Мы видим, что эпохи протекают так, что неким образом в начале человечеству даются известные откровения - словно изливается поток спиритуальной жизни как импульс для человечества, подобно тому, как каждой весной растениям на Земле дается импульс жизни. А затем мы видим, как на этом начальном импульсе строится дальнейшее, становится плодом и отмирает, когда эпоха закончена, как отмирают растения, когда дело идет к зиме. Но, вместе с тем, в следующих друг за другом эпохах проглядывает нечто такое, что подобно прогрессу в развитии отдельного человека, (о чем мы можем сказать, что время играет тут свою роль), обнаруживает себя как реальный фактор. Это не совсем так, что во второй древнеперсидской эпохе сперва были заложены ее зачатки, как и в первой эпохе, или что в третьей было, как и в первой, - эти импульсы всегда иные, всегда более высокие, всегда новые, как это бывает и в жизни человека, где семилетние периоды имеют свое различное значение, являют прогресс в развитии.

То, что с ходом времени подступало к человечеству, подступало таким образом, что людям медленно и постепенно открывались вещи, которые составляли сумму познаний. Не все потоки народностей обладали пониманием всего в одно время. Так мы видим, что в том эволюционном течении человечества, которое заканчивается с Мистерией Голгофы, не было в известном смысле понимания времени как реального фактора. Этого понимания времени как реального фактора не хватает, в сущности, всему восточному познанию. Ему в особенности свойственно понимание повторения себе подобного. Поэтому все, что касается повторения подобного, грандиозным образом охватывается познанием Востока.

Что принимается во внимание, если мы наблюдаем повторение подобного в следующих друг за другом эпохах культуры? Рассмотрим это на примере растений и их роста: так мы видим, что весной растения пробиваются из земли, мы имеем дело с их "созданием". Далее видим, как растения растут, расцветают, достигнув наивысшей точки, и как потом отмирают и, отмирая, несут в себе семя будущего растения. Мы имеем, таким образом, дело с трехкратной поступью в становлении: с возникновением, ростом и расцветанием, и с отмиранием. И в отмирании имеем снова семя для подобного же. Там, где не придается особенного

значения времени, где касаются только повторения, - этот процесс лучше всего постигается как троичность. Смысл повторяющегося развития охватывается тройным числом, и это всегда в особенности принадлежало к дарованиям восточной мудрости - мудрости, предшествовавшей христианству. Односторонней склонностью к вневременному, можно сказать, повторяющему себя свершению, обусловлено величие этого древнего мировоззрения. И там, где оно подходит к концу, нам везде встречаются троичности, которые, в сущности, являются ясновидческим выражением того, что стоит за возникновением, прехождением и новым возрождением: Брахма, Шива, Вишну. Эта Троица лежит в основе всего как творящие Силы. Во время, предшествовавшее откровению Кришны, эту Троицу (подразумевается Брахма, Вишну, Шива) познавали ясновидчески. И отображение этой Троицы присутствует везде, где со временем считаются только как с последовательным повторением подобного же.

Смыслом познания нового времени является то, что оно получает способность смотреть исторически, то есть считаться со временем при рассмотрении эволюции, - постигать время как реальный фактор. Это было в особенности предназначено познанию Запада: развивать историческое понимание, прозревать историю в ее истине. И этим различаются оба течения, Востока и Запада: Восток неисторично, но неисторично в силу его высшего совершенства, рассматривает мир; в то время как Запад начинает, следуя некоему импульсу, рассматривать мир исторически. А побуждение к этому историческому рассмотрению идет от древнееврейского мировоззрения; оно дает первый импульс к историческому воззрению.

Рассмотрим теперь параллельно, в чем сущность восточного мировоззрения. Там нам всегда рассказывается о повторяющихся мировых эпохах. Рассказывается, что произошло в начале и в конце первой мировой эпохи; потом говорится о начале второй мировой эпохи и ее конце, о начале и затем о конце третьей мировой эпохи. И действительно, тайна мирового развития во время Кришны была выражена так, что было сказано: "Когда древняя культура третьей мировой эпохи стала сухой, когда эта древняя культура приблизилась к своей осени и зиме, тогда явился сын Васудевы и Деваки - Кришна, чтобы свести воедино для позднейшего времени, то есть для четвертой эпохи, то, что как зародыш, как новое семя можно было перенести из третьей эпохи в четвертую. Отдельные мировые эпохи видятся, как следующие друг за другом годы в растительном мире. Циклы времен, которые содержат в себе повторяющееся, - существенный элемент восточного мировоззрения.

А теперь сравним с этим мировоззрением в глубочайшей его структуре - в ее вневременности - то, что сразу же выступает навстречу нам в Ветхом Завете. О, это - значительное различие сравнительно с восточным мировоззрением! Тут мы видим, как закладывается бегущая вперед реальная линия времени. Сначала нас ведут к возникновению, к сотворению мира и присоединяют к

его сотворению историю человечества. Мы видим поступательное движение вперед через семь дней сотворения мира, через время патриархов: от Авраама через Исаака и Иакова - все развитие, все история. Повторяется ли где что-нибудь? Первый день сотворения мира не повторяется во втором абстрактным образом; патриархи не повторяются в пророках, время судей не повторяется во время царей и т.д. Потом приходит время пленения. Везде нас вводят в драматическое развитие целого, где время играет реальную роль, как и в отдельной человеческой жизни. Во всем Ветхом Завете нам показывается время как реальный фактор происходящих событий, не предвидя повторений. Прогресс есть то, что как особенный элемент входит в изложение Ветхого Завета. Первый великий пример исторического способа рассмотрения - это Ветхий Завет! Этим Западу было завещано историческое рассмотрение происходящих событий.

Медленно и постепенно научаются люди познавать то, что им открывается в ходе времени. И можно сказать, что постоянно, именно тогда, когда в известном смысле приходят новые откровения, имеет место своего рода возврат в прошлое. Великое и важное было явлено в начале теософского движения. Но произошло то знаменательное, что с самого начала это теософское движение было мало проникнуто историческим способом рассмотрения. В этом вы можете убедиться, особенно если обратите внимание на (в других отношениях выдающуюся, заслуживающую признания) книгу - "Эзотерический буддизм" Синнетта (Альфред Перси Синнетт (1840-1921) - "Эзотерический буддизм", Лондон, 1883 (нем. перевод - 1884 г.)). Все те главы, в которые там проникает история, достаточно приемлемы для западного душевного склада. Но там рядом есть другой элемент, который можно назвать "неисторическим" - тот странный элемент, где говорится о великих и малых циклах, о развитии по "рундам" (кругам) и расам; и все время вещи излагаются так, как будто главное - в повторении: как за вторым кругом приходит третий, за одной расой - другая раса, за одной подрасой следует другая подраса и т.д. Попадают действительно в своего рода шестереночный механизм и возлагают главное на повторение. Это было возвратом назад к уже преодоленному способу мышления человечества.

Тот же способ мышления, который соответствует западной культуре, - исторический. А что является следствием этого исторического элемента западноевропейской культуры? Как раз познание некоего фокуса всего земного развития! Восток рассматривает развитие как повторяющийся растительный процесс каждого года. Так в каждый период выступали отдельные великие посвященные и повторяли (по меньшей мере подчеркивается главным образом то, что они повторили) то, что уже было раньше. Особенно подчеркивается абстрактным образом то, что каждый из них есть только особое выражение того Единого, что развивается от эпохи к эпохе. Имели особый интерес так представлять это развивающееся себе подобное, как в растительном царстве

обращают внимание на то, что открывается как форма и не различают разные годы. Только в одном особом случае замечает человек, что и в жизни растений различаются отдельные годы. Если он описывает лилию или лист виноградника, ему неважно, было ли выращено растение в 1857 или 1867 году, потому что все лилии похожи: они - выражение лилейного рода. Только там, где это общее, повторяющееся, однородное, можно сказать - "аполлоническое" в произрастании растений переходит в "дионисийское", - там человек придает особую цену тому, что отдельные годы различаются: годы изготовления вина! Тогда ему это важно различать, а иначе ему нет никакого интереса сказать: это - форма лилии 1890 года или 1895 года.

Так Востоку было в известном смысле неинтересно (хотя сравнение не возбранялось) отличать воплощение Бодхисаттвы в третью эпоху от воплощения Бодхисаттвы во вторую или в первую эпоху. Это были воплощения "Единого". В этой склонности к Единому, в этом абстрактном заострении внимания на себе подобном и состоит неисторичность восточных рассматриваний; и это же составляет, в сущности, неисторичность всех рассматриваний дохристианских времен - за исключением историчности подхода Ветхого Завета. С Ветхим Заветом вошло подготовительным образом, а с Новым Заветом - в большей завершенности историческое рассмотрение. Тут речь идет о том, чтобы рассматривать как целое всю линию развития, взирать, не просто на то, что повторно возвращается в отдельных циклах, а на то, что составляет фокус всего развития. И по праву говорят, что это просто бессмыслица - полагать, что такого единственного фокуса развития не должно быть.

Вот тот пункт, где различные народы земного шара должны прежде всего научиться пониманию исторического развития, где они должны уяснить, что это историческое понимание, безусловно, необходимо для действительно реального рассмотрения судеб человечества. Еще и теперь можно пережить, при условии, что не фанатичное или вероисповедное, а действительно понятое христианство приносится на Восток и хочет объективно стать рядом с другими религиями Востока, что тогда там говорят: "У вас один Бог, который один раз воплотился в Палестине; у нас же много воплощений Бога - поэтому мы впереди вас!" Такой ответ является само собой разумеющимся с точки зрения Востока; он связан с особенной способностью к узрению повторений Единого. Для Запада важно, что целое имеет некий центр тяжести. Поэтому, если говорят о многих воплощениях Христа, делают такую же ошибку, как если бы кто-нибудь сказал: "Да, это бессмысленно говорить, что у весов должна быть только одна точка опоры, что на одной стороне коромысла - груз, а на другой - гири; давайте подопрем весы в двух, трех, четырех точках!" Но это-то и бессмыслица - весы могут иметь-только одну точку опоры. И если хотят понять все развитие в целом, надо найти одну точку опоры, один центр тяжести и не думать, что можно лучше подвинуться дальше, если искать последовательные воплощения Христа. В этом отношении нации, народы земного шара должны будут достигнуть

понимания того, что в ходе истории само историческое мышление, историческое понимание должно было однажды выступить как в высшем смысле достойное человека.

Это происходило медленно, пока исторический способ рассмотрения человеческого развития вышел сперва из своих самых примитивных состояний. Тут мы находим, что это историческое развитие было впервые обозначено нам в Ветхом Завете постоянно возвращающимся подчеркиванием того, что образует самое существо ветхозаветного народа: его люди принадлежат к крови Авраама, Исаака и Иакова; она течет в следующих друг за другом поколениях, и то, что развивается, есть, в сущности, некая форма единокровного происхождения, наследования крови. Как человек в следующих друг за другом эпохах своей жизни развивается, и время играет в этом роль, так происходит и у всего ветхозаветного народа. И если точнее подойти к конкретным фактам, то можно этот процесс смены поколений ветхозаветного народа рассматривать подобно жизни одного человека, поскольку он естественным образом развивается, поскольку он развивает в себе то, что может быть развито в человеке в силу его физических задатков. Что могло произойти от того, что отцовское всегда переходило на сына и т.д., и т.д. - это нам описано в Ветхом Завете; и что могло возникнуть в его вероучении через то, что потомки всегда держались за тех предков, какие им были кровно родственны, это также описано. То важное, что в естественной жизни отдельного человека происходит через кровь, обращено на все тело ветхозаветного народа. И как в отдельном человеке в известное время выступает душевный элемент, как этот душевный элемент играет особую роль, так это зафиксировано - и это особенно интересно - уже в историческом развитии Ветхого Завета.

Рассмотрим ребенка: мы увидим, что сначала у него перевешивает естество, потребности тела. Душевное еще скрыто в теле, оно еще не хочет полностью выступить. Благосостояние тела достигается приятными впечатлениями от внешнего мира; неприятные, тяжелые впечатления от внешнего мира тоже выражаются в душевных проявлениях ребенка. Потом человек вырастает. Через то, что в нем естественно развивается, душевное постепенно получает перевес, и мы вступаем в возраст, который у разных людей приходит по-разному, но обычно на третьем десятке. Тогда человек по-настоящему выявляет, что в нем есть душевное; тогда отступает назад то, что является только телесными страданиями и потребностями; душевный склад особенно выступает. Потом наступает время, когда человек становится способен это свое душевное заставить отступить на задний план. Это длится у одного дольше, у другого - короче; может быть, у кого-нибудь это особое душевное состояние останется на всю жизнь. Но бывает и иначе, если человек на третьем десятке своей жизни так явил то, что он сам есть, что ему кажется, будто, весь мир только и ждал его специфическое душевное. Особенно проявляется это, если человек имеет сильные духовные задатки; например, если он имеет особые

философские способности; тогда ему кажется, что мир только и ждал, пока он придет и установит правильную философскую систему, ибо только его душевное к этому пригодно! Из этого, впрочем, может получиться и правильное, хорошее. Затем приходит время, когда человек начинает видеть, что может дать мир через других, если воспринимают, что было совершено до сих пор.

Наподобие одного человека изображает Ветхий Завет все тело древнееврейского народа. Мы видим, что развивается благодаря расовым особенностям этого народа во времена Авраама, Исаака и Иакова; как все зависит от того, что этот народ имеет именно эту кровь и эти расовые особенности. И, проследив то, что так описано, вы скажете: "До известного момента в Ветхом Завете выступают некоторые расовые особенности, как дающие импульсы; затем приходит время, когда этот народ вырабатывает свою душу, что выражается подобно тому, как отдельный человек выдвигает свое душевное на третьем десятке лет своей жизни. Это есть то время, когда выступает пророк Илия, ибо пророк Илия проявляется как все своеобразие души древнееврейского народа. Потом приходят другие пророки, о которых я мог на днях сказать, что они суть души самых различных посвященных других народов, - души, которые собрались в древнееврейском народе. Тогда душа этого народа слышит то, что могут сказать души других народов. Как в великой гармонии, как в некой симфонии смешивается то, что остается от Илии, и что души других народов имеют сказать через других пророков, воплотившихся в ветхозаветном народе.

Так созревает это тело древнееврейского народа. И оно неким образом умирает, когда он только духовное, то, что остается духовным, воспринимает в свою веру, в свое исповедание, как это видно во всем великолепии в описании Маккавеев. Хочется сказать: в этом описании Маккавеев является народ Ветхого Завета как постепенно состарившийся народ, тяготеющий к покою, но сознание вечности человеческой души непосредственно возвещает о себе из сынов Маккавеев. Вечность отдельного выступает перед нами как сознание народа. И теперь, когда тело народа само гибнет, его душа, словно семя, остается в новом образе. Где она, эта душа?

Душа Илии одновременно есть душа ветхозаветного народа, когда она входит в Крестителя, живет в Крестителе. После того, как он был посажен в темницу и обезглавлен Иродом, - что происходит тогда с этой душой? Мы на это уже указали. Эта душа становится самостоятельной, покидает тело, но действует дальше как некая аура. И в область этой ауры вступает Христос Иисус. Где же душа Илии, душа Иоанна Крестителя? Это достаточно ясно обозначено в Евангелии от Марка. Душа Иоанна Крестителя, душа Илии - она становится групповой душой двенадцати учеников; она живет в двенадцати дальше. Это нам очень, очень примечательно изображено (хочется сказать на художественный манер), когда в Евангелии от Марка рассказом о смерти Иоанна Крестителя говорится о том, каковы поучения, так сказать, учительская манера

Христа Иисуса в отношении толпы и в отношении отдельных Его учеников. Мы об этом говорили. Но это изменяется, когда душа Илии высвобождается из Иоанна Крестителя, когда она живет дальше как групповая душа в двенадцати учениках. И это обозначено. Ибо с тех пор Христос предъявляет к Своим двенадцати ученикам более высокие требования, чем раньше (перечтите Евангелие от Марка, и вы отчетливо заметите это). Он требует от них, чтобы они понимали более высокое. И весьма замечательно следующее: что такое они, собственно, должны понимать и что же, когда они все-таки не поняли, Он позднее ставит им в упрек. Читайте точно эту книгу! На одну сторону этой вещи я уже указал: речь идет об умножении хлебов, когда Илия пришел к вдове в Сарепте, а когда душа Илии высвободилась из Иоанна Крестителя, снова сообщается об умножении хлебов. Но здесь Христос как раз требует от Своих учеников, что они должны особенно понять смысл этого умножения хлебов. До тех пор Он таких слов им не говорил. Но теперь, когда они должны понять, что за судьба у Иоанна Крестителя после обезглавливания его Иродом, что происходит с пятью хлебами и пятью тысячами людей, когда остатки были собраны в двенадцать корзин и что происходит с семью хлебами и четырьмя тысячами людей, когда оставшееся собрали в семь корзин, - тогда Он им говорит:

"Еще не замечаете вы и не понимаете? Ваши души все еще затуманены?"

У вас есть глаза - а вы не видите, есть уши - а вы не слышите, и не мыслите о том, что, когда Я пять хлебов преломил для пяти тысяч - сколько полных коробов вы тогда собрали? Они говорят Ему: двенадцать.

А когда потом семь хлебов между четырьмя тысячами - сколько полных корзин вы собрали? Они сказали: семь.

И Он говорит им: "Неужели еще не понимаете?" (8, 17-21).

Он делает им тяжелый упрек, что они то, что содержится в этих откровениях, не понимают. Почему? Потому что Он подразумевает: "Теперь дух Илии освободился, он живет в вас. И вы должны мало-помалу оказаться достойными, чтобы он проник в вашу душу, чтобы вы могли понимать более высокое, чем то, что понимали до сих пор". Когда Христос Иисус говорил к народу, Он говорил в притчах, в образах, потому что эти люди еще образовывали остаток тех, кто прежде видел в сверхчувственном мире в имажинациях, в имажинативных познаниях; так что Он должен был говорить к народу так, как говорили древние ясновидящие. По-сократовски, то есть следуя обычному разуму, Он мог излагать тем, кто как Его ученики происходили из ветхозаветного народа. Он им мог разъяснять притчи, Он мог говорить, обращаясь к новому пониманию, к тому, что стало обычным для человечества после того, как угасло древнее ясновидение. Но благодаря тому, что дух Илии подступил как некая групповая душа к двенадцати, проник в них как общая аура, - тем самым они сделались или, по меньшей мере, могли сделаться ясновидящими в некоем высшем смысле;

теперь они могли то, чего не мог достигнуть каждый в отдельности, узреть все двенадцать вместе, просветленные духом Илии-Иоанна. К этому хотел их воспитать Христос.

К чему же хотел Он их воспитать? Что такое, в сущности, весь рассказ об умножении хлебов? Один раз, разделяя пять хлебов на 5000, - остатки наполняют двенадцать корзин; второй раз - семь хлебов на 4000 - остатков семь полных корзин. Да, это была всегда странная вещь для толкователей Библии. Теперь толкователи пришли к согласию между собой, они говорят: "У людей был хлеб с собой, и когда их рассадили рядами, тогда они распаковали его. - Это есть то, что, так сказать, по традиции стоит у тех, кто хочет придерживаться Евангелия. Если принимать вещи таким внешним образом, тогда они низводятся до какой-то внешней драпировки, до внешней церемонии. Тогда неизвестно, зачем все это было рассказано. С другой стороны, нельзя, естественно, думать и о черной магии, хотя действительное наколдовывание большого количества хлеба из пяти или семи хлебов было бы черной магией. Но здесь не может быть речи о черной магии, но также не может иметь место и тот процесс, который кажется особенно правильным филистерам, что люди принесли с собой хлеб и распаковали его. Здесь подразумевается нечто особенное. Я при разборе других Евангелий указывал на это, и в самих Евангелиях достаточно ясно указано на то, в чем здесь дело.

"... И апостолы собрались возле Иисуса и доложили Ему все, что они сделали и чему учили, и Он сказал им: "Соберитесь в отдаленном уединенном месте и'немного отдохните". - (6,30-31).

Это изречение мы должны как следует принять во внимание. Христос Иисус посылает апостолов в некое уединенное место, чтобы они немного отдохнули, а это значит, чтобы они перенеслись в то состояние, в какое приходят, когда уединяются. И что они тогда видят? Что они видят, находясь в некоем другом состоянии? Они приводятся к некоего рода новому ясновидению, в которое они переносятся потому, что на них находит дух Илии-Иоанна. До сих пор Христос разъяснял им притчи, теперь Он дает найти на них новому ясновидению. И что они видят? Они видят во всеобъемлющих картинах развитие человечества, они видят будущее; они видят, как постепенно приближаются к тому, что является импульсом Христа, люди будущего. То, что здесь рассказывается о двукратном умножении хлеба, - в духовном созерцании видели это ученики! Это есть акт ясновидения! И как все акты ясновидения, он проносится мимо, если к нему не привыкли. Поэтому ученики так долго его не понимают.

В целом то, что нас вообще в последующих лекциях постоянно будет все больше занимать (это яснее всего видно из Евангелия от Марка), это то, что рассказы от внешнего чувственного бытия переходят к передаче ясновидческих моментов, и что мы только тогда понимаем Евангелие, когда рассматриваем его с точки зрения духовного исследования. Тут речь идет о времени после обезглавливания Иоанна, когда в силу вступает импульс Христа. Он

тогда стоит в мире. На взгляд внешних чувств, сам Христос является, как одинокая личность, которая не может много сделать. В современном смысле обученному ясновидческому взору показывается то время: Христос выступает не только среди тех, кто был тогда в Палестине, но и среди тех, которые появятся во всех следующих поколениях. Все они собираются к Нему, и то, что Он может им дать, это дает Он для тысяч и тысяч. И так видят Его апостолы. Они видят Его так действующим: как с тех пор и через тысячи лет Он духовно посылает импульс во все перспективы будущего, как приходят к Нему эти будущие люди. Это они видят! Это есть процесс, когда они в особенной мере связаны в духе со Христом.

Мы должны особенно принять во внимание то, что, начиная с этого места, спиритуальное начинает проникать во все изложение Евангелия от Марка. Как это своеобразно, и как Евангелие все больше вырастает, если принимать это во внимание, это будет занимать нас в следующих лекциях. А теперь надо обратить внимание на одно. На одну сцену надо указать, которая может быть понята только через духовнонаучный род исследования. Это сцена, которая идет вскоре вслед за описанной.

"... И Иисус и Его ученики вышли в местность близ Кесарии Филипповой; и по дороге спрашивал Он Своих учеников так: "Что люди говорят обо Мне, кто есть Я?"

Они же сказали Ему: "Иоанн Креститель, а другие - что Илия, а еще другие - что один из пророков".

И Он спросил их: "А вы, скажите вы, Кто Я?" Петр сказал ему в ответ: "Ты - Христос".

И Он строго воспретил им говорить кому-либо о Нем.

И он начал учить их, что Сын Человеческий много должен пострадать, быть отверженным старейшинами и первосвященниками и книжниками, и претерпеть смерть и в третий день воскреснуть.

И Он говорил с ними совсем открыто об этом. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему.

Он же обернулся и, взглянув на своих учеников, выбрал Петра так: "Отойди от Меня, сатана; ты думаешь не о том, что Божие, но о том, что человеческое" (8, 27-33).

Можно сказать: твердый орешек для исследователей Евангелия! Ибо что, собственно, есть в этом месте? В нем все так, что, если не обратиться к спиритуальному исследованию, понять этого нельзя. Христос спрашивает учеников: "Что говорят люди, кто - Я?" - И они отвечают: "Некоторые говорят, что Ты - Иоанн Креститель" Но Иоанн Креститель незадолго перед этим был обезглавлен! А Христос, ведь, уже учил, когда Иоанн еще был. Значит, люди говорят явную бессмыслицу, когда принимают Христа за Крестителя, в то время как Креститель еще был здесь? Если они говорят: Он Илия или один из пророков - это еще сойдет. Но теперь Петр говорит: "Ты - Христос!" Это значит, что он возвещает нечто

совершенно великое, что могло сказать только самое святое в нем, в Петре. А немногими/строками дальше Христос ему говорит: "Отойди от Меня, скатана, ты говоришь не о том, что надлежит Богу, а только людям". Можно ли поверить, что после того, как Петр сказал такие великие вещи, Христос его так бранит, называя сатаной? Или - как можно понять, когда пред тем сказано: "Он строго воспретил им, чтобы они никому не говорили об этом". Итак, это значит: никому не говорите, что Петр почитает Его за Христа! А дальше сказано, что Он начал их учить, что Сын Человеческий должен будет много пострадать, быть отвергнут, убит и воскреснуть на третий день, и Он говорил о том совсем открыто. А затем, когда Петр прекословит Ему в этом, Он называет Петра "сатаной". И самое удивительное, что там еще сказано: "... И Иисус и ученики вышли в местность близ Кесарии Филипповой" и т.д. Все время рассказывается, как они обращаются к Нему, а потом опять сказано: "И Он начал их учить" и т. д. А потом еще сказано: "Он же обернулся и, взглянув на Своих учеников, выбрал Петра". Раньше было сказано: "Он учил их, говорил с ними". Что же Он все это делал, повернувшись к ним спиной? Ибо ведь сказано, что Он обернулся и взглянул на Своих учеников. Не стоял же Он к ним спиной и говорил в пространство?

Вы видите целый клубок непонятностей в одном этом месте. Можно только удивляться, что такие вещи принимаются без того, чтобы искать к ним истинные и реальные объяснения. Но просмотрите все толкования Евангелий и поищите объяснений: либо проскакивают через эти места, либо пытаются провести что-то совсем курьезное. Споры и дискуссии бывали; но мало кто скажет, что от таких дискуссий он стал умнее.

Но установим лишь одно и поставим перед нашей душой, что было сказано. Как мы указали, после смерти Иоанна Крестителя душа Илии-Иоанна перешла как групповая душа в учеников, и тогда было произведено первое настоящее "чудо", в отношении которого мы будем все больше видеть, как его понимать. И вот, там мы находим совершенно непонятное место, в котором передано следующее: Христос говорит с учениками, спрашивая их - "Как думают люди о том, что теперь происходит?" Не правда ли, этот вопрос можно поставить и так? Потому что людям важнее всего было знать, откуда исходят те действия, которые теперь совершаются. На это отвечают ученики: "Люди думают, что это бродит вокруг (если мы употребим это тривиальное выражение) Иоанн Креститель, или Илия, или еще какой-нибудь другой пророк. А благодаря тому, что это происходит, совершаются те действия, которые можно было наблюдать". - "А вы как думаете?" - спрашивает Христос, - отчего эти вещи происходят?" - Тогда говорит Петр: "Они происходят оттого, что Ты - Христос!" - Этим Петр, в смысле Евангелия от Марка, ввел себя в своем познании как бы в узловой момент развития человечества. Ибо что он этим, в сущности, сказал? Рассмотрим, что он сказал.

Великие водители человечества прежних времен, были посвященными, которые были проведены в святых мистериях

вплоть до заключительного акта посвящения. Это были те, которые дошли до врат смерти, погрузились в стихии, провели три дня вне своего тела, пребывая в сверхчувственном мире; потом они были вновь пробуждены и стали посланцами, провозвестниками сверхчувственных миров. Это были великие водители человечества, которые стали посвященными таким образом. Вот Петр говорит: "Ты - Христос!" - то есть Ты - Водитель, Который не прошел через мистерии, - Который пришел прямо из Космоса и теперь есть Водитель человечества! Исторически однажды должно было быть совершено на земном плане то, что иным образом происходило при посвящении. Это было что-то неслыханное, что тем самым высказал Петр. Что же надо было сказать в ответ Петру? Ему надо было сказать: "Это есть нечто такое, что нельзя выносить в людскую массу, это есть нечто такое, о чем самые священные, самые древние законы говорят, что это должно оставаться мистерией. О мистериях нельзя говорить" - В этот момент это надо было сказать Петру.

Однако весь смысл дальнейшего развития человечества состоял в том, что с Мистерией Голгофы то, что до тех пор совершалось только в глубинах мистерий, было вынесено на арену мировой истории. Благодаря тому, что совершилось на Голгофе, благодаря трехдневному лежанию в гробнице, Воскресению было выставлено исторически на земной план то, что совершалось в глубинах, во мраке мистерий. Иными словами: то, что почиталось священным законом: о мистерии надо молчать, теперь, в наступивший момент времени, это должно было быть нарушено! Люди установили законы, согласно которым о мистериях надо молчать. Но теперь мистерии должны быть раскрыты посредством Мистерии Голгофы! Вот - решение в душе Христа! Величайшее всемирно-историческое решение, которое Он принимает для Себя: то, что до сих пор по законам людским всегда должно было храниться в молчании, должно быть теперь явлено перед глазами всех, перед мировой историей!

Помыслим себе о моменте всемирно-исторического размышления Христа, об этом моменте Его всемирно-исторического раздумья: "Я взираю на все развитие человечества; оно запрещает мне своими законами говорить о смерти и воскресении, о пробуждении, о святой мистерии посвящения! Нет! Я послан Богами на Землю, чтобы это явить. Я не должен считаться с тем, что говорят люди; я должен считаться с тем, что Мне говорят Боги!" Решение раскрыть мистерии готовится в этот момент. И Христос должен отбросить от своей души нерешительность, которая, пожалуй, может происходить оттого, что Он хотел бы в эволюции держаться того, что дано человеческими установлениями. "Отойди от меня, нерешительность! И да возрастает во мне решение явить перед всем человечеством то, что до сих пор было в глубинах мистерий!" - В связи со Своим собственным решением, когда Он должен отвергнуть то, что может сделать Его нерешительным, говорит Христос: "Отойди от Меня!" И Он принимает в этот момент решение совершить то, зачем Он послан Его Богом на Землю.

В этом месте мы имеем дело с величайшим всемирно-историческим монологом об обнародовании мистерий - монологом Бога, никогда дотоле не бывшем в земной эволюции. Вовсе не удивительно, что этот монолог Бога сперва не понятен человеческому интеллекту. Мы должны глубоко проникать, если хотим в какой-то мере быть достойными его понять. Через него дело Богов несколько продвинулось вперед. Об этом завтра.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 21 сентября 1912 г

Без всякого сомнения, было бы лучше при рассмотрении разъясняемого Евангелия, иметь возможность совершенно не касаться остальных Евангелий, потому что таким образом достигалось бы самое чистое и наилучшее понимание основного тона отдельного Евангелия. Однако не исключено, что такое рассмотрение, когда ни один луч света не будет брошен с одного Евангелия на другие, может легко вызвать неправильное понимание. Ибо как раз то, что вчера было представлено как "величайший всемирно-исторический монолог", могло бы быть неверно понято, если бы кто-нибудь хотел сослаться на то, что было тогда сказано в лекциях в Берне о сходном месте в Евангелии от Матфея. Причем упрек, который был бы сделан с такой точки зрения, в глубочайшем логическом смысле был бы подобен тому как если бы сказали: "Здесь, на этой сцене, стоял человек, а слева от него был букет роз". А в другой раз прочитали бы: "Здесь, на этой сцене, стоял человек, а справа от него был букет роз". И тогда бы тот, кто не присутствовал, сказал бы: "Это не согласуется, ибо в первый раз стоял букет слева, а второй раз - справа!" Все дело в том, где стоял сам этот наблюдатель, - тогда оба описания правильны. Так надо принимать Евангелия. Мы имеем дело не с абстрактной биографией Иисуса Христа, но с целым миром как внешних, так и оккультных фактов, которые здесь приведены.

Для того, чтобы постичь эту точку зрения, возьмем еще раз то, что мы назвали вчера "величайшим всемирно-историческим монологом" - разговор Бога с Самим Собой. Мы должны уяснить себе, что то, что разыгрывалось в ходе всех событий, совсем особенным образом происходило между Христом Иисусом и Его апостолами, Его ближайшими учениками. И то, что было сказано вчера, что дух Илии, после того, как он освободился от физического тела Иоанна Крестителя, действовал как некий род групповой души учеников, - это должно быть особенно привлечено к этому рассмотрению. То, что тогда происходило, разыгрывалось не так, что об этом можно рассказать просто внешним образом, но совершалось гораздо более сложным образом. Это было до известной степени внутреннее, глубокое взаимодействие между душой Христа и душой двенадцати. То, что происходило в душе Христа, это были многозначительные процессы, преисполненные значения для того времени. Но все, что происходило в душе Христа, отражалось еще раз, словно в зеркале, в душах учеников, -

но поделенным на двенадцать частей, так что каждый из двенадцати переживал, как в зеркальном отражении, то, что происходило в душе Христа Иисуса; однако каждый из них переживал это несколько иначе.

То, что происходило в душе Христа Иисуса, происходило, как великая гармония, великая симфония, - и это отражалось в душе каждого из двенадцати, звучало, как примерно может звучать один из двенадцати инструментов оркестра. Поэтому каждое событие, относящееся к одному или нескольким ученикам, надо изображать с двух сторон. Можно описать, как данное происшествие выглядит в душе Христа - например вчера был представлен великий всемирно-исторический монолог Христа Иисуса. Можно описать, как это там происходило и переживалось, - тогда событие выглядит так, как было представлено вчера. Но в некотором отражении оно происходит и в душе Петра. В то время как у Христа Иисуса оно захватывает все человеческое, это же у Петра происходит как двенадцатая часть полноты человеческого, двенадцатая часть или один знак из всего Зодиакального круга созвездий полноты Христова Духа. Поэтому, в отношении Самого Христа Иисуса это надо представить иначе.

Так надо говорить в смысле Евангелия от Марка; ибо в нем содержатся примечательные вещи и совершенно особенно представлено то, что происходило в душе Самого Христа Иисуса. В Евангелии от Матфея, напротив, представлено больше то, что относится к душе Петра и что Христос Иисус может привести для объяснения того, что происходит в душе Петра. Читайте Евангелие точно, тогда вы сможете прийти к тому, что в Евангелии от Матфея в специально добавленных словах, дается описание со стороны Петра. Иначе зачем там прибавлены слова: "Блажен ты, Симон, сын Ионы; ибо не плоть и кровь открыли тебе это, но Мой Отец в Небесах" (Мф. 16, 17). Другими словами: нечто из того, что чувствовала душа Христа Иисуса, чувствует и душа Петра. Но в то время, как душа Петра чувствует, что Его Учитель есть Христос, - это представлено так, что Петр на момент поднят до переживания высшего "Я", охвачен тем, что он таким образом пережил, и затем, так сказать, опять сваливается на землю. Но все-таки он смог проникнуть к познанию того, что с другой целью происходило в душе Христа. И раз он был способен к этому, то и происходит передача ему власти ключей, о которой говорится в Евангелии от Матфея (Мф. 16, 19) и о чем было сказано при разъяснении Евангелия от Матфея. Наоборот, в Евангелии от Марка сильно подчеркнуты только те слова, которые показывают, что это событие - независимо от того, чем оно было для Петра, - разыгрывается одновременно и параллельно как монолог Бога.

Так должны мы принимать эти вещи. Тогда мы почувствуем также и то, как обходится Христос Иисус со своими, как Он их ведет от ступени к ступени - и после того, как на них перешел дух Илии-Иоанна, Он может их вести дальше в понимании спиритуальных тайн. И тогда только мы почувствуем, какое имеет значение, что к тому месту, которое мы вчера в заключение обозначили как

монолог Бога, присоединяется и сцена так называемого *просветления или преображения*. Это опять важный элемент в драматической композиции Евангелия от Марка. Чтобы осветить это Преображение, мы должны указать на нечто такое, что связано со многим, что необходимо для понимания представленного в Евангелиях.

Вы можете в Евангелии от Марка и в других Евангелиях прочесть, как Иисус Христос говорит о том, что Сын Человеческий должен будет много пострадать, что Он подвергнется нападкам со стороны книжников и первосвященников, что Он будет убит и на третий день воскреснет. И везде отчетливо показано, что до известного момента апостолы этого оборота речи о страданиях, смерти и воскресении Сына Человеческого не могут понять - как трудно им понимание именно этого места (9, 31-32). Почему мы встречаемся с этим своеобразным фактом? Почему для апостолов возникают трудности как раз в отношении понимания собственно Мистерии Голгофы? Что же, собственно, есть Мистерия Голгофы? Мы уже упоминали: это не что иное, как выведение посвящения из глубин мистерий на арену всемирной истории. Конечно, есть важная разница между всевозможными посвящениями и Мистерией Голгофы. Разница - в следующем.

Посвящаемый в мистерии различных народов проделывал в известной степени то же самое: он был приводим к страданиям, к трехдневной "кажущейся" смерти, когда его дух находился вне тела в спиритуальных мирах, а потом возвращался, и в теле мог вспомнить о том, что он испытал в духовном мире, и мог выступать как вестник тайн духовного мира. Так что можно сказать: прохождение через смерть, хоть и не такую, которая вполне отрывает дух от физического тела, а только на время, - это есть посвящение. Пребывание вне тела и возвращение в физическое тело, чтобы тем самым сделаться вестником божественных тайн, - это есть посвящение. Оно производилось после тщательной подготовки, когда посвящаемый получал возможность так сконцентрировать силы своей души, что она могла жить три с половиной дня, не пользуясь инструментом физического тела. А затем, после этих трех с половиной дней, душа должна была снова соединиться с физическим телом. Посвящаемый должен был проделать это через восхождение в высшие миры - в стороне от обычных исторических событий.

Другой по своей внутренней сущности, но подобной во внешнем явлении была Мистерия Голгофы. События, которые развертывались во время пребывания Христа в теле Иисуса из Назарета, вели к тому, что фактически наступала физическая смерть для физического тела Иисуса из Назарета, что Дух Христа три дня находился вне физического тела, а затем вернулся, но не в физическое тело, а в уплотненное эфирное тело - в столь уплотненное эфирное тело, что ученики могли Его воспринимать, как это описано в Евангелиях; так что Христос мог странствовать и быть видимым также после события Голгофы. Тем самым посвящение было совершено как историческое событие; прежде

оно, скрытое от внешних глаз, происходило в глубинах мистерий, и - единственный раз - было явлено перед всем человечеством. Этим посвящение было неким образом извлечено из мистерий - было совершено одним Христом перед глазами всех. Но именно этим был положен конец старого мира - начались новые времена.

Из нашего изображения пророков вы видели, что дух пророчества и то, что через этот дух давалось древнееврейскому народу, был другой, чем дух посвящения у иных народов. Другие народы имели водителей, посвященных, получивших свой дар так, как только что было описано. У древнееврейского народа было не так. Здесь мы не имеем дела с посвящением, но со стихийным выступлением духа в телах тех, кто выступал как пророки, - с теми, кто являются как "гении спиритуально-сти". Это оказывалось возможным потому, что в качестве пророков в древнееврейском народе выступали те души, которые в прошлых воплощениях были посвященными у других народов; и то, что давали еврейскому народу, они переживали, как воспоминание о том, что получили при посвящении. Так воссияние света спиритуальной духовной жизни было иным у древнееврейского народа, чем у других народов: у последних это происходило через деяние, через посвящение, а у ветхозаветного народа выступало как дар, который давался тому, кто действовал в этом народе как пророк.

Воздействием своих пророков древнееврейский народ был подготовлен к тому, чтобы пережить то единственное Посвящение, которое было теперь не посвящением человека, а посвящением некой космической Индивидуальности (если можно говорить о "посвящении", что тут, собственно, уже неправильно). Этим древнееврейский народ был подготовлен воспринять то, что должно было выступить вместо древнего посвящения, а именно - правильным образом воспринять Мистерию Голгофы. Но это обусловило также и то, что апостолы, принадлежащие к ветхозаветному народу, не понимали слов, характеризующих посвящение. Христос Иисус говорит о посвящении, и Он описывает его как устремление к смерти, трехдневное пребывание в гробнице и пробуждение. Если бы Он это описание посвящения дал Своим ученикам иначе, они бы Его поняли, но так как этот род речи был непривычен в ветхозаветном народе, двенадцать этот род описания не поняли. Поэтому нам правильно показано, что апостолы удивились не понимая, о чем идет речь, когда Он говорит о страданиях, смерти и воскресении Сына Человеческого.

Такие вещи даны как раз вполне в смысле исторического описания, в духе того, что происходило прежде. Когда древний посвященный переживал свое посвящение, это происходило таким образом, что в то время как он находился вне своего тела, - он был в высшем мире, не в мире обычного чувственного бытия. Он был соединен, находясь вне тела, с фактами высшего плана. Когда он потом возвращался в свое тело - чем было то, что он пережил в духовном мире, свободный от тела? Это было воспоминанием. Он мог сказать: "Я вспоминаю, как вспоминают то, что пережили вчера или третьего дня, мои переживания в свободном от тела

состоянии". И он мог за них ручаться. Ничего большего не происходило, кроме того, что посвященные в своей душе носили тайны духовных миров, как человеческая душа несет воспоминания о пережитом вчера. И как душа соединена с тем, что она сохраняет как воспоминание, так посвященные носили в себе тайны духовных миров, были с ними соединены.

Почему это было так? Это было так потому, что до времени Мистерии Голгофы душа человека на Земле вообще не была способна к тому, чтобы допустить в "Я" небесные царства, сверхчувственные миры. Они совершенно не могли дойти до настоящего "Я", не могли соединиться с "Я". Только если взирали, выходя из себя самих, или предчувствовали через ясновидение, как это было в древние времена, можно сказать, в грезах выходили за свои пределы или через посвящение выходили из "Я", люди могли войти в сверхчувственные миры. Но внутри "Я" не было никакого понимания, не было никакой способности суждения в отношении высших миров. Так это было когда-то. Всеми теми силами, которые принадлежали "Я", человек до Мистерии Голгофы не мог соединиться со спиритуальными мирами.

Это была тайна, которая должна была уясниться людьми через Иоанново Крещение, а именно, что теперь пришло время, когда Царство Небесное должно светить вплоть до "Я", подступить вплоть до "Я", до земного "Я". Все более и более в ходе времен указывалось, что человек в древние времена не мог то, что он переживал как свое душевное, поднять в сверхчувственные миры! В древние времена была дисгармония между переживанием настоящей человеческой родины, то есть духовного мира, и тем, что разыгрывалось внутри человека (если их душевное угодно обозначить как "Я"). Это человеческое внутреннее было отделено от духовного мира; с ним можно было соединиться только в исключительных состояниях. И если вся мощь того, что позднее должно было стать "Я", что должно было позднее жить в человеке, если вся мощь, все импульсы этого "Я" все-таки однажды наполняли тех или иных людей, скажем, через посвящение или через воспоминание о прежде пережитом посвящении, выступавшее в позднейшем воплощении, - если тогда мощь "Я", еще не предназначавшегося для человеческой телесности, пробивалась как сила в эту телесность, - что происходило тогда? Что тогда происходило - на это всегда указывалось: тогда сила "Я", слишком могущественная для человеческой телесности в дохристианские времена, не находила, так сказать, себе места в человеческой телесности - пробивала, разрушала то, что было предназначено для "Я".

Итак, люди, которые несут в себе нечто от сверхчувственного мира так, что уже в дохристианские времена напоминают о том, чем позднее должно стать "Я" - они разрушают этой силой "Я" свою телесность, потому что сила "Я" слишком велика для дохристианских времен. И на это указывается, например, тем, что у известных индивидуальностей, если они имеют в себе силу "Я", в их воплощении это "Я" только потому может в них пребывать, что

их тело как-нибудь ранено или имеет легко ранимое место, которое потом и ранится. Тогда человек в каком-то месте своей телесности подвластен окружающему миру больше, чем через всю остальную телесность. Нам достаточно вспомнить об уязвимой пяте Ахилла, о ранимости Зигфрида, об Эдипе, где сила "Я" пробивает телесность. Нам указывается наличием ранения, что только подвергшееся разрушению тело подходит к величию "Я", к сверхчеловеческой силе "Я", находящегося в нем.

Что этим, собственно, должно быть сказано, может очень значительно выступить перед нашей душой. Предположим, какой-нибудь человек в дохристианское время был бы в себе наполнен (не обязательно, чтобы это было сознательно) всеми импульсами, всеми силами, которые позднее должны проникнуть в "Я" и с этой "сверх-Я-силой", сверхчеловеческой силой погрузился бы в свое тело; тогда он должен был бы разбить это тело и не таким его видеть, каково оно, когда в нем живет слабое "Я" или слабое душевное существо. Он должен был бы видеть его иначе - тот человек древних времен, который имел бы в себе всю мощь "Я", чтобы иметь возможность выходить из своего тела. Он видел бы его как разрушенное тело под влиянием сверх-"Я", - увидел бы его с ранами, потому что только слабое "Я" или слабое душевное существо в древние времена могло проникать в тело, не разрушая его.

То, что я сейчас сказал, высказано у пророков. Это положение сформулировано примерно так (Захария, 12, 10): человек, который в себе соединяет всю силу начала "Я" и взирает на человеческое тело, он видит его пронзенным, раненым, в дырах. Потому что высшая сила "Я", которая в древние времена еще не могла жить в человеческом внутреннем, дырявит, пронзает, прокалывает тело. Это импульс, который потому так проносится через развитие человечества, через эволюцию человечества, что из-за люциферических и ариманических влияний человеку в дохристианские времена было отпущено меньшее количество его "Я", чем полнота охвата "Я". А так как тело оказалось приспособленным для меньшего количества, а не для полной меры "Я", потому оно и разламывается. И потому, что это происходит не в дохристианское время, а потому, что с Христом Иисусом сразу вошло в телесность полное "Я", потому, что тогда начало "Я" вошло превыше сил, - поэтому должно было это тело быть видимо не с одной раной, как это было раньше у многих человеческих индивидуальностей, носивших в себе сверх-"Я", но с пятью ранами, которые неизбежны были из-за превосходства Существа Христа, то есть полноты "Я" человека, над формой телесности, над отмеренной формой телесности. Но из-за этого переизбытка должен был быть воздвигнут крест на физическом плане мировой истории - крест, который так нес тело Христа, каким было бы человеческое тело, если бы когда-нибудь в один момент вся сумма Человечности, из которой человек потерял большую часть через влияние Люцифера и Аримана, соединилась в одном человеке. Это есть глубокая Мистерия, что нам, исходя из тайноведе-ния, просто

предстает картина Голгофы. И кто понимает, что такое человечество и человечность, что такое земное "Я", каково отношение земного "Я" к человеческой форме тела, к форме человеческого тела, тот знает, что при полном проникновении "Я" в земное человеческое тело, это проникновение не может произойти так, как это нормально бывает у окружающих людей, но что человек, если он выходит из себя и лицемерит самого себя ясновидчески, может спросить: "Каким должно было бы быть это тело, если бы в него вошла вся полнота "Я"?" И он увидел бы его с пятью ранами. Из человеческой природы и из самого земного существа следует образ креста с Христом и Его ранами на Голгофе. Вплоть до самой картины Мистерии Голгофы можно проникнуть, исходя из рассмотрения человеческой природы, - из того, что доступно познанию. Знаменательно, что есть возможность не только естественным для ясновидения образом узреть, как на Голгофе воздвигается крест, как происходит распятие, и созерцать это историческое событие в его истинности но что есть возможность благодаря Мистерии Голгофы даже человеческий разум настолько приблизить к Мистерии Голгофы, что если мы достаточно тонко, достаточно остро используем этот человеческий разум, то он трансформируется в имагинацию, в визионерскую картину, которая, однако, содержит истину, в силу чего, когда понимают, что такое Христос и как Он относится к форме человеческого тела, человеческая фантазия направляется так, что сама собой возникает картина Голгофы. Так были много раз направляемы старые христианские художники, хотя они не всегда были ясновидящими, но, в силу знания о Мистерии Голгофы, были ведомы вплоть до картины Голгофы и могли ее изображать. Именно в тот великий поворотный момент человеческой эволюции <"Я" человека, его душа была приведена от ясновидения к постижению Существа Христа, то есть изначального "Я" человека.

Ясновидение делает возможным созерцать Мистерию Голгофы, находясь вне тела. Каким образом? Если внутри тела появилось некоторое отношение к Мистерии Голгофы, то и в наши дни есть возможность созерцать в высших мирах Мистерию Голгофы и тем самым получить полное подтверждение этого величайшего, центрального пункта эволюции человечества. В тех словах, которые я сейчас сказал, должна была быть дана возможность некоего постижения Мистерии Голгофы. Правда, надо долго медитировать, много думать о том, что было сказано. И если у кого-нибудь возникло чувство, что то, что было сказано, трудно для понимания, то это надо считать оправданным, потому что, конечно, принадлежит к труднейшим вещам то, что может повести человеческую душу к полному пониманию величайшего, наивысшего из всего, что происходило на Земле. Некоторым образом апостолы должны были быть приведены к этому; а из них - опять-таки из тех, которые должны были быть приведены к новому пониманию эволюции человечества, - наиболее пригодными оказались Петр, Иаков и Иоанн.

Хорошо с самых разных сторон рассмотреть тот

многозначительный отрезок времени, на который падает время Мистерии Голгофы. Это еще достойно внимания по той причине, что сегодня утром вы могли слышать о гегелевском представлении этого момента времени (Лекция Михаила Бауэра "Каковым видел Гегель великий поворот времен?"). Все, на что способно человеческое постижение, может слиться, дабы постичь самое значительное, что тогда - созревая в предшествующие столетия, вполне сконцентрировавшись во времени Мистерии Голгофы и затем медленно подготавливая дальнейшую человеческую эволюцию и ее обуславливая - наступало. Оно наступало в различных местах земли. Мы можем проследить это должным образом не только в Палестине, где произошло само событие Голгофы, но при верном подходе и в других местах Земли, хотя там не произошло это событие. Но нисхождение и восхождение человечества, новое восхождение человечества через воздействие Мистерии Голгофы, распространившееся в западном мире, мы можем проследить. Собственно, интересно, как мы можем проследить нисхождение человечества.

Возьмем еще раз греческую почву и заметим, как за полтысячи лет до события Голгофы разыгрываются события. На Востоке, где выступил Кришна, были неким образом впереди своего времени. Были, так сказать, впереди в ту эпоху упадка древнего ясновидения. Есть нечто особенное именно в этой культуре, в Индии. В то время как в самом начале послееатлантического времени в Индии наступил первый великий расцвет послееатлантической культуры и чистейшим - чистейшим для человеческой души - еще было ясновидение в духовном мире, (а у Риши оно связывалось с чудесной возможностью увиденное изображать так, что оно могло бы действовать в позднейшие времена), и потом, когда ясновидение уже угасало, в таких важных откровениях, как Откровение Кришны, сохранилось для позднейших времен то, чем, собственно, является ясновидение, которое было в конце третьей эпохи уже исчерпано. Но через Кришну и его учеников факты, которые можно было ясновидчески узреть, были чудесным образом переведены в слова и сохранены, так что в писании имели то, что прежде можно было узреть. Для Индии, собственно, никогда не наступало то, что наступило западнее, например, в Греции.

Если мы хотим верно рассмотреть индийский мир, мы можем сказать: "Угасло древнее ясновидение, зато записано в чудесных словах теми, из которых Кришна был самым значительным, что некогда было увидено. Это осталось в слове, в Ведах, и кто углубляется в это слово, тот переживает его отзвук в своей душе. Но не возникает то, что возникло в Сократе или других философах. В индийских душах не возникало то, что можно назвать "западным разумом", "западной способностью суждения". То, о чем мы сегодня преимущественно говорим, напоминая об изначальной силе "Я", этого в Индии еще не было. Зато приобрело значение нечто другое, когда угасло старое ясновидение: стремление к йоге, стремление путем обучения подняться в те миры, доступ в которые

естественным путем был утрачен. Йога становится искусственным ясновидением и, в сущности, на место древнего ясновидения тотчас выступает философия йоги без того, чтобы в промежутке явилось то, что выступает в греческой философии, чисто рассудочной по ее установке. Этого в индуизме совершенно нет, там нет этой промежуточной формы. И если мы возьмем Веданту Вьясы, мы можем сказать: "Не так она выражена, как учат западные мировоззрения, проникнутые идеями, разумом; но она принесена непосредственно из высших миров, облеченная в человеческие слова. В этом ее особенность - она не добыта с помощью человеческих понятий, не измышлена, как сократовский, платоновский элемент, но увидена ясновидчески.

Это трудно совершенно уяснить себе. Но есть возможность уловить эту разницу еще и теперь. Возьмите в руки какое-нибудь изложение одной из систем западной философии. Как в большинстве случаев добывается то, что ныне серьезно может быть обозначено, как "философия"? Если вы заглянете в кухню человека, которого можно назвать "серьезным философом", то можете увидеть, как через напряжение логической способности суждения, логического мышления добывается эта система. Все создается постепенно. И те, которые так разрабатывают философию, не могут понять, что можно то, что они ткнут понятие за понятием, в некотором отношении узреть ясновидчески - иметь это перед собой ясновидчески. Поэтому так трудно сделать для себя понятным, когда - смею сказать - единым махом ясновидчески прозревают некую философему, которую иначе создавали в "поте лица" от идеи к идее, и нет нужды делать все эти последовательные шаги мысли. Ясновидчески увиденные понятия, это - понятия философии Веданты. Они не добыты в поте лица по примеру европейских философов; они суть последние утончившиеся до абстрактных понятий остатки древнего ясновидения, или же добыты через Йогу, первые, пока еще тощие, завоевания в сверхчувственных мирах.

Иначе проходило это у людей, живших западнее. Здесь мы видим своеобразные, важные внутренние свершения эволюции человечества. Возьмем замечательного философа VI столетия дохристианского летоисчисления - Ферекида из Сирова (Автор "Космогонии", дошедшей до нас во фрагментах). Замечательный философ! Философ, которого теперешняя философия не считает таковым. Есть ныне философские книги, которые это фактически говорят. Я процитирую несколько слов: "Ну да, это все - детские описания, детские символы; "ребячливо и гениально"", - говорит некто, кто мнит себя высоко стоящим над этим древним философом. Итак, за пятьсот лет до начала христианского летоисчисления жил в Сиро-се замечательный мыслитель. Во всяком случае, он выступает иначе, чем остальные мыслители, которых называют философами позднее. Ферекид из Сирова говорит, например: "В основе того, что видят в мире, лежит тройственность - Кронос, Зевс и Хтон. От Кроноса происходят воздушная, огненная и водная стихии, и со всем тем, что

происходит из этих трех сил, вступает в борьбу своего рода змеиное существо - *Офионе-ус*. Все, что он описывает, можно даже без ясновидения, а только обладая некоторой фантазией, увидеть перед собой: Кронос выступает не только как абстрактно текущее время, но как реальное существо, которое можно узреть; равным образом выступает и Зевс, как бесконечный эфир, как живое в себе Всесущество; Хтон же как то, благодаря чему прежде бывшее небесным становится земным, то, что прежде рассеянное в пространстве сосредотачивает в планете Земля, чтобы иметь земное существование. Все это разыгрывается на земле; затем как враждебный элемент вмещивается своего рода змеиное существо. Если проследить за тем, что так примечательно изображает Ферекид из Сирова, то нуждаешься в духовном исследовании, чтобы его понять; ибо он последыш древнего ясновидения. Он видит мир причин, лежащий за миром чувственных восприятий, и описывает эти причины благодаря своему ясно-видческому достоянию; и, конечно, тем, которые работают только в понятиях, он не нравится. Он видит жизненное творение добрых Богов и вторжение враждебных сил, которые он описывает так, как их можно узреть ясновидением. Он видит, как рождаются из Кроноса, из реального времени, стихии.

Так мы имеем в философе Ферекиде из Сирова человека, который своей душой еще взирает в тот мир, какой открывается ясновидческому сознанию, и его описывает - дает описание, за которым можно следовать. Таким он еще стоит в западном мире в VI столетии дохристианского летоисчисления. Фалес (Фалес из Милета (около 625 - около 545 до Р. Х.) - со времен Аристотеля считается основателем философии), Анаксимен (Анаксимен (585 - около 525 до Р.Х.) - натурфилософ из Милета), Анаксимандр (Анаксимандр (около 610 - около 546 до Р.Х.) - натурфилософ из Милета), Гераклит (Гераклит (около 540 - 480 или 483 до Р.Х.) - философ), являющиеся почти его современниками, стоят уже иначе. Так два разных мира действительно входят один в другой. Но как это выглядит в их душах? В них угасло, парализовалось старое ясновидение, самое большее - осталась тоска по этим духовным мирам. А что переживают они там, где у мудреца из Сирова еще был остаток древнего ясновидения, где он еще взирал в элементарный мир причин? Это для них уже закрыто, они там ничего не видят, как если бы этот мир хотел закрыться от них, как будто он для них еще наполовину существует и все-таки ускользает, так что на место старого ясновидения становятся абстрактные понятия, принадлежащие "Я". Так это выглядело в этих душах. Это очень знаменательное душевное состояние в западных душах, душевное состояние, которое работает в направлении разума, способности суждения, присущих "Я". Мы это видим в отдельных душах, например, когда Гераклит описывает животворный огонь - на последнем взлете правильного ясно-видческого узрения, указывая в нем причину всех вещей; Фалес же - воду, но не физически-чувственную воду, как и Гераклит подразумевает не физически-чувственный огонь. Это - еще нечто от элементарного мира, который они наполовину видят, хотя он от них

и ускользает, и они должны вырабатывать абстрактные понятия. Так заглядываем мы в эти души, и становится понятным, как до нашего времени могли дойти отзвуки настроений этих душ.

Если бы наши современники так часто не читали бездумно некоторые вещи! Часто легко проходят мимо одного места у Ницше, которое может глубоко захватить и потрясти. Оно находится в оставшемся после его смерти сочинении "Философия в трагическую эпоху Греции" (Фридрих Ницше. Соч. Том 10 (Сочинения и наброски (1872 - 1876), Лейпциг, 1896 г), где он описывает Фалеса, Анаксагора, Анаксимандра, Парменида (Парменид из Элея (около 540 - после 480 до Р.Х.). Анаксагор (499 - 427 до Р.Х.)), Гераклита и Эмпедокла. Там есть одно место в самом начале; надо его почувствовать. Ницше ощутил нечто такое, что было пережито в душах этих первых греческих одиноких мыслителей. Прочтите это место, где он говорит: "Как могло это быть в душах этих героических фигур, которые должны были найти переход из времени живого видения (о котором Ницше ничего и не знал, но который он предчувствовал), когда древняя жизненность в душах была заменена абстрактными, сухими, трезвыми понятиями, где "бытие" - это трезвое, сухое, абстрактное, холодное бытие - как понятие вступило на место полнокровной жизненности, какой обладало ясновидческое сознание?" И Ницше ощущает это, как будто кровь замерзает, когда переходят из мира жизненности в мир понятий у Фалеса или Гераклита - когда эти люди принесли понятия "бытия" и "становления", так что чувствуют себя перенесенными из пронизанного теплом становления в ледяное царство "понятий"!

Надо почувствовать себя перенесенными в то время, в котором жили эти люди; ощутить, что они переживали при приближении Мистерии Голгофы; надо так войти в них, чтобы почувствовать, что в них еще есть смутный отзвук древних времен, но они стоят там и должны довольствоваться абстрактной способностью суждения в человеческом "Я", в чем раньше совсем не было нужды. В то время, которое затем последовало, мир понятий становился все более и более богатым, а в первое время, когда они только образовывались, греческие философы схватывали лишь самые простые понятия. Как они мучились с понятиями, с отвлеченным понятием "бытия"; как мучились, например, философы элеатской школы с абстрактным "бытием"! Так подготовлялось то, что суть собственные абстрактные свойства "Я".

Теперь представим себе душу, которая стоит там, на Западе, подготовленную к этой миссии Запада, но которая еще несет в себе сильнейшие отзвуки древнего ясновидения. В Индии они давно отзвучали; на Западе еще были. Порыв души тянет к ним, но сознание не может. Такое настроение, как у Будды, в этих душах не могло возникнуть. Настроение Будды сказало бы: "Мы ввергнуты в мир страданий -- так освободимся от него!" Нет! западные души хотели нечто постичь из того, что было перед ними. В то, что было за ними, они не могли проникнуть, а в мире они имели только холодные, леденящие понятия. Представим себе такую душу, как

душа Ферекида из Си-роса: он тот, кто последним мог взирать в то, что есть в элементарном мире. Но помыслим себе еще другую душу: она не может видеть, как элементы рождаются живыми из Кроноса; она не может видеть, что змеевидное существо Офионеуса начинает борьбу с верхними Богами. Но в образной форме она твердо знает, что оттуда что-то оказывает свое действие на мир внешних чувств. Она не провидит Кроноса, но видит то, что как его отображение переходит от Кроноса в чувственный мир: огонь, воду, воздух и землю. Она не видит, как с верхними Богами ведут борьбу нижние боги, как восстает змеиный бог Люцифер; но видит, как правят дисгармония и гармония, дружба и вражда. Любовь и ненависть видит она как абстрактные понятия; огонь, воду, воздух и землю как абстрактные элементы. Что теперь еще проникает в душу, это она видит, но что прежде видели современники - это сокрыто.

Представим себе такую душу, которая еще совсем находится в жизненности недавнего времени, но не может созерцать в духовном мире, которая может постигать только внешнее отображение; для нее сокрыто - в силу ее особой миссии - то, что прежде осчастлививало людей; с другой стороны, она от нового мира "Я" не имеет ничего, кроме нескольких понятий, за которые должна крепко держаться: это будет душа Эмпе-докла! Так стоит перед нами душа Эмпедокла, если мы хотим понять его внутреннее существо. Почти современником мудреца из Спроса был Эмпедокл; он живет позднее всего на две трети столетия, но душа его совсем иного склада. Она должна была перейти Рубикон от древнего ясновидения к абстрактному пониманию, свойственному "Я". Здесь мы видим, как сталкиваются два мира, как брезжит "Я" и направляется к своему осуществлению. Мы видим души древних греческих философов, которые были присуждены, чтобы первыми принять то, что теперь называют разумом, логикой; мы видим, как их души опустели, лишившись древних откровений. И в эти души должен был влиться новый импульс, Импульс Голгофы.

Таков был склад этих душ, когда воссиял Импульс Голгофы. Но они должны были жаждать нового наполнения - только тогда могли они понять его. Для индийского мышления почти нет переходного состояния, сравнимого с тем, что мы имеем у одиноких греческих философов. Поэтому индийская философия, которая сразу сделала переход к учению йоги, едва ли могла найти возможность перехода к Мистерии Голгофы. Греческая же философия подготовлена так, что она жаждет Мистерии Голгофы. Взгляните на гнозис, как он в своей философии домогается Мистерии Голгофы. На греческой почве возникает философия Мистерии Голгофы, потому что лучшие греческие души жаждали притяжения Импульса Голгофы.

Надо иметь добрую волю, чтобы понять то, что произошло в ходе эволюции человечества. Тогда можно проследить нечто из того, что мы в праве назвать так: это есть словно призыв и отклик на поверхности Земли. Мы взираем на Грецию, мы взираем дальше - на Сицилию, смотрим в такие души, из которых Эмпедокл - особо выдающаяся, и мы слышим некий знаменательный призыв. Как

можем мы его охарактеризовать? Что говорят такие души? Примерно так (заглянем в душу Эмпедокла): "Я знаю исторически о посвящении; я знаю исторически, что через посвящение в человеческие души входят сверхчувственные миры. Но теперь пришла другая эпоха.

Посвящение не может больше непосредственно ожить; душа человека вступила в другую стадию развития. Мы нуждаемся в достигающем "Я" новом Импульсе. Где ты, тот Импульс, который может стать на место прежнего посвящения, какого мы больше не можем пережить, - Импульс, который бы явил перед новым "Я" ту же тайну, которую заключало в себе древнее Посвящение?" И на это отвечает другой призыв, который идет с Голгофы: "Я мог, следуя Богам, а не людям, вынести на свет тайны мистерий и явить их перед всем человечеством для того, чтобы достоянием всего человечества стало то, что прежде пребывало в глубинах мистерий!"

Как вопрос западного мира о новом разрешении мировой загадки, является нам то, что, к примеру, на юге Европы родилось в греческих душах. И как ответ, который может быть понят только на Западе, является нам великий монолог Бога, о котором мы говорили вчера в конце лекции и о котором будем говорить завтра.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ Базель, 22 сентября 1912 г.

Мы знаем, что в Евангелии от Марка, после охарактеризованного великого всемирно-исторического монолога, следует так называемое *Просветление*, сцена *Преображения*. Много раз указывалось на то, что для трех апостолов, которые были взяты на "Гору", на которой произошло Преображение, это было родом высшего посвящения. Они должны были в этот момент еще глубже быть введены в тайны, которые передавались им для руководства и водительства человечества. Мы знаем (это вытекает из разных предыдущих обсуждений), что эта сцена включает в себе ряд тайн. Уже то указывает в Евангелиях и в полных оккультных писаниях на присутствие таинственного, когда говорится о "горе". "Гора" всегда обозначает, если речь идет об оккультных вещах, что те, кто возводятся на гору, возводятся к некоторым тайнам бытия. В Евангелии от Марка мы это чувствуем особенно сильно по определенной причине, которая при верном чтении этого Евангелия бросается в глаза.

Здесь надо указать на 3-ю главу от Марка от 7-го до 23, 24 стиха, строго говоря, до 22 стиха; надо только читать с осязающим пониманием, и тогда нечто бросается в глаза. Уже часто упоминалось, что выражение "вести к горе", "направляться к горе" имеет оккультное значение. Но в названной главе мы имеем тройное, не только приведение к горе, но если мы в три абзаца, даваемых Марком, пристальнее вникнем, то мы слышим сперва (3,7): "... И Иисус пошел со Своими учениками назад, к морю" и т.д. Итак, нас сперва ведут к сцене у моря. Потом мы слышим (3,13): "...

И Он восходит на гору и зовет к Себе тех, кто Ему был любезен". А как третье мы слышим (3,20-21): "... И Он приходит домой. И снова собирается множество людей, так что они не могли даже вкусить хлеба. И когда Его родные это услышали, они вышли, чтобы забрать Его, ибо, говорили они, - Он не в своем уме".

На три места указано нам - на море, на гору и на дом. Как думают о "горе", что там всегда происходит нечто значительное в оккультном смысле, так это относится и к двум другим местам. Когда в оккультных писаниях говорится "быть приведенным к морю" или "быть приведенным домой", - то с этим всегда связано некое оккультное значение. Что так это мыслится и в Евангелиях, вы можете извлечь из одного определенного обстоятельства. Вспомните, что не только в Евангелии от Марка, но и в других Евангелиях особое откровение, особенное проявление связано как раз с "морем": так, когда ученики плывут в лодке через озеро, и Христос является им, они сперва принимают Его за призрак, но потом убеждаются, что Он действительно приближается (6, 45-52). И кроме этого можно проследить, что в Евангелиях часто идет речь о том или ином событии, которое происходит у моря или через море. На "горе" сначала избирает Он двенадцать апостолов, то есть Он вверяет им оккультное посланничество. Мы здесь имеем дело с оккультным воспитанием. На горе же происходит Преображение. "Дома" Его родные объявляют Его "не в своем уме". Так мы имеем третье. Все эти три вещи огромного, величайшего значения.

Если мы хотим понять, что в этой связи означает "у моря", то мы должны вспомнить о том, что мы часто разъясняли. Мы описывали, как нашему послеатлантическому периоду предшествовало так называемое атлантическое время, когда воздух еще был пронизан густыми массами тумана; так что люди тогда жили в иных, чем теперь, физических условиях, и их способность видения и сама их душевная жизнь была иная; ведь они обладали в атлантическое время древним ясновидением. Но это было связано с совсем иным, чем теперь, бытием физического тела, - с нахождением в густых туманных массах. От всего этого у человечества осталось как бы некоторое наследие. Если чем-нибудь в послеатлантическое время кто-либо был введен в оккультные отношения, вступал в оккультные отношения, как это имело место с учениками Христа, то он становился гораздо более чувствительным к окружающему, к условиям окружающей природы. Можно бы сказать: при том грубом отношении к природным условиям, каким оно является теперь у людей послеатлантического времени, не так уж важно, - плывут ли по морю, находятся ли у озера, поднимаются ли на гору (мы сразу вслед за тем увидим, что это значит) или же оказываются у себя дома. То, как видят физические глаза, как мыслит рассудок, - это не слишком зависит от того, где находятся люди. Но когда начинается более тонкое видение, когда поднимаются к спиритуальным мировым взаимоотношениям, тогда обычное существо человека обнаруживает себя как грубо организованное. Если человек во времена, когда начинается ясновидческое сознание, едет по морю, где отношения совершенно

иные, чем если он остается у берега, то ясновидческое сознание настроено совершенно для иного, чем на равнине. Человеку, живущему среди равнины, необходимо применить самое большое напряжение, чтобы вообще вызвать ясновидческие способности. Море дает возможность легче вызвать ясновидческие способности, но только те, которые относятся к чему-то совершенно определенному - не ко всему. Опять-таки есть разница - активируется ли ясновидческая способность среди равнины или при подъеме на гору. На высотах ясновидческое сенситивное состояние настроено на иное, чем среди равнины. И что обнаруживается в отношении того, на что настроено ясновидческое сознание в море или на горе - это очень разные вещи.

На море (это может иметь место также и в городе, но только при больших способностях; сказанное относится в особенности к тому, что приходит более или менее само по себе), на воде, в туманных массах ясновидческое сознание настроено в особенности к имагинациям, к ощущению всего имагинативно-го и к применению того, чего оно уже достигло.

На горе, в разреженном воздухе, при другом соотношении кислорода и азота, ясновидящее сознание настроено больше к тому, чтобы переживать инспирации, давать возникнуть новому в ясновидческих способностях. Поэтому выражение "взойти на гору" мыслится не только символически, но условия гор благоприятствуют возможности развивать в себе новые оккультные способности. И выражение "идти к морю" мыслится не только символически, но оно именно потому выбрано, что вхождение в соприкосновение с морем способствует имагинативному видению, благоприятствует применению оккультных способностей.

А всего труднее оккультным способностям тогда, когда человек находится у себя дома - безразлично, один он там или же со своими близкими. Если в отношении человека, который дольше жил у моря, сравнительно легко поверить (если все согласуется), что он воспринимает имагинации, проникающие через покров телесности; если еще легче в отношении человека, который живет в горах, поверить, что он высокого полета; то в отношении человека, живущего у себя дома, просто имеют чувство, что он - вне своего тела, что он не в своем уме. Не то, чтобы он не мог развить оккультные способности, но это не так соответствует окружению; это по отношению к его окружению не кажется таким естественным, как в других соответствующих случаях у моря или на горе.

Поэтому имеет чрезвычайно глубокий смысл и взято вполне из натуральных оккультных условий то, что в Евангелии содержится в точности то, что было сейчас описано. Это содержится в Евангелиях в полном соответствии с оккультными фактами. И мы увидим следующее: применяются вполне определенные способности, например, целительные способности или способности ясновидения, если речь идет о пребывании в море, о том, что некое

событие перенесено на море. Поэтому Христос Иисус является Своим ученикам на озере в имажинации, но только таким образом, что Сам Он реально присутствует в событии в целом, ибо Он может экстериоризоваться. Ученики видят Его, но они имеют Его перед собой не в физическом теле. Так как разница места при таком переживании не имеет никакого значения, то Он есть одновременно "с ними" на озере. И на том же основании, когда речь идет о дальнейшем развитии душевных способностей апостолов, говорится о "горе"; и поэтому же при избрании двенадцати, когда Он, так сказать, предназначает их души к принятию группового духа Илии, сказано о горе. И когда Христос хочет явиться во всем своем всемирно-историческом и космическом значении, опять говорится о горе. Преображение опять-таки имеет место на горе.

Теперь именно с этой точки зрения должны мы рассмотреть всю сцену Преображения. Трое из учеников оказываются пригодными к тому, чтобы быть введенными в более глубокие тайны Мистерии Голгофы: Петр, Иаков и Иоанн. И ясновидящим очам, которые открылись у этих троих, явились преобразенными - то есть в их спиритуальной сущности - Илия - с одной стороны, Моисей - с другой стороны; Сам Христос посреди них, но теперь - в образе (это передано в Евангелии имажинативно), в котором Он может быть узнан в Его спиритуальном Существо. На это достаточно указано в Евангелии от Марка:

"... И Он преобразился перед ними, и одеяние Его стало сияюще белым, таким светлым, как ни один белилицик на земле не может выбелить. И явились им Илия и Моисей, и они беседовали с Иисусом" (9, 2-4).

После великого монолога Бога - беседа, беседа втроем. Какое чудесное драматическое развитие! Евангелия везде полны такими художественными нарастаниями; величественно скомпонованы эти Евангелия. После того, как мы внимали монологу Бога, следует беседа троих. И какая беседа! Прежде всего мы видим по сторонам Христа Иисуса Илию и Моисея. Что означено нам Илией и Моисеем?

фигура Моисея вам достаточно знакома также и с той оккультной стороны, с которой мы часто ее освещали. Мы знаем, что всемирно-исторической мудростью был избран переход от древних времен ко времени Мистерии Голгофы окольным путем через Моисея. Мы знаем из рассматриваний Евангелия от Луки, что в том Иисусе, о котором особенно говорит Евангелие от Матфея, собственно в мальчике Иисусе надо видеть перевоплощенного Заратустру. Но мы знаем также, что этот Заратустра в отношении того, что было при нем и в нем, позаботился о том, чтобы это его позднейшее появление было подготовлено. Я часто упоминал о том, что эфирное тело Заратустры посредством особых оккультных процессов было им сложено с себя и потом перешло к Моисею, так что в Моисее действовали силы эфирного тела Заратустры. Так имеем мы - когда Илия и Моисей поставлены рядом с Христом

Иисусом - в Моисее те силы, которые переводят от древних форм культуры к тому, что во Христе Иисусе и в Мистерии Голгофы должно было быть дано человечеству.

Но также и в другой форме имеем мы в Моисее переходную фигуру. Мы знаем, что Моисей имел в себе не только эфирное тело Заратустры, благодаря которому он несет в себе мудрость Заратустры, которая может затем в нем проявиться. Но мы знаем, что Моисей был неким образом посвящен в тайны других народов. Особенную сцену посвящения усматриваем мы во встрече Моисея с мадиамским жрецом Иофо-ром; об этом сказано в Ветхом Завете (Исх. 2, 16-21). Мы уже говорили о том, что там ясно указано, как Моисей приходит к этому одинокому жрецу и узнает не только иудейские тайны посвящения, но также и тайны других народов, и вносит в свое существо, которое получило еще особенное подкрепление тем, что носило в себе эфирное тело Заратустры. Так через Моисея пришли в еврейский народ тайны посвящения всего окружающего мира; он на нижестоящей ступени подготовил то, что должно было произойти через Христа Иисуса. Это было одно течение, которое должно было привести к Мистерии Голгофы.

Вторым было то, которое происходило, как уже указывалось, из того, что более естественным, натуральным образом жило в самом еврейском народе. Моисей был тем, кто к потоку, текущему через поколения от Авраама, Исаака и Иакова, дал присоединиться другому, что было в мире, насколько это было возможно в его время. Но при этом всегда должно было сохраняться то, что так тесно было связано с природой древнееврейского народа. Для чего был избран этот народ? Для того чтобы создать подготовку к тому времени, представление о котором мы попытались сделать наглядным для наших душ, говоря вчера о Греции и, в особенности, об Эмпедокле. Мы тем самым указали на время, когда у людей исчезли древние способности ясновидения, когда они потеряли способность взирать в спиритуальный мир, и взамен появилась способность суждения, которая свойственна "Я", когда выступает само на себя указующее "Я".

Привить этому "Я" то, что может быть привито ему из природного существа человека через его кровную организацию, - для этого был избран древнееврейский народ. В этом народе должно было быть изжито все то, что может быть изжито через физическую организацию человеческого существа. С физической организацией человека связана интеллектуальность. Из физической организации древнееврейского народа должно было быть почерпнуто то, что могло питать те способности, которые связаны с интеллектуальностью. Другие народы давали, так сказать, просвечивать в земную организацию тому, что приходило из посвящения, - значит, извне. То, что могло возникнуть благодаря самой человеческой природе из кровных связей, - это должно было возникнуть из кровных связей внутри древнееврейского народа. Поэтому так строго держались того, чтобы кровная связь была непрерывна и чтобы каждый нес в себе способности, которые передаются через кровь со времен Авраама, Исаака и Иакова. "Я"

привязано к крови и должно быть через кровь древнееврейского народа привито его организации, а это может быть осуществлено только через наследственность.

Я уже указывал на то, что обозначено в Ветхом Завете принесением в жертву Исаака Авраамом и воспрепятствованием этому жертвоприношению: что именно этот народ был избран Божеством в дар человечеству и что этим человечеству дан внешний физический сосуд для начала "Я". Что этот физический сосуд дан Божеством человечеству в древнем еврейском народе, обозначено тем, что Авраам готов принести своего сына в жертву. Но с Исааком Авраам пожертвовал бы той организацией, которая должна была дать физическую основу для интеллектуальности и с этим для начала "Я". Он получает его назад и вместе с этим - всю организацию обратно в дар от Бога. В этом грандиозность этой отдачи Исаака обратно (Быт. 22, 1-19). Таким образом мы обозначили то, что как духовное течение выступает, с одной стороны, в сцене Преображения, в имагинации Моисея. - Все, что именно через еврейский народ, как орудие, должно течь к деянию Мистерии Голгофы. А что в имагинации в Илии? Тут надежно приведено в связь то, как целостность Божественного откровения, живущего в еврейском народе, соединяется с тем, что совершается через Мистерию Голгофы. В 4-й книге Моисея, в 25-й главе, представлено, как Израиль был соблазнен на идолослужение, но был спасен одним человеком. Благодаря решительности одного человека происходит то, что израильтяне, люди древнееврейского народа, не были полностью вовлечены в идолослужение. Кто этот человек? Это - тот, о котором в 4-й книге Моисея рассказывается, что он имел силу выступить перед древнееврейским народом, которому угрожала опасность подпасть влиянию окружающих народов и предаться идолослужению: он выступил за Бога, явленного через Моисея. Сильная душа! Это выступление за Бога обычно передается в немецком переводе словом "рвение", но это рвение мыслится не в дурном смысле, но означает просто - "с силой вмешаться". Там мы читаем у Моисея (Чис.,25,10-12):

"И Господь говорил с Моисеем и сказал:

Финеас, сын Елеазара, сына Аарона-священника, отвратил гнев мой от детей Израиля, возревновав обо Мне, и Я не истребил детей Израиля в ревности Моей. Посему скажи: "Вот, Я дал ему Мой Завет мира".

Так сказал Яхве Моисею. Мы имеем как раз в этом месте также и согласно древнееврейскому тайноучению нечто исключительно важное, и новое оккультное исследование подтверждает это. Мы знаем, что от Аарона исходит ряд тех, которые представляют высшее священство в древнем Израиле и в которых продолжает жить эссенция того, что было дано человечеству через еврейский народ. В том пункте мировой истории, на который там указывается, - указывается согласно древнееврейскому тайноучению и новейшему оккультному исследованию - ни на что меньшее, как на то, что Яхве сообщил Моисею, что Он в лице Финеаса, сына

Елеазара, был сыном Аарона, то есть, в лице внука Аарона, который за Него выступил и который с Ним связан, передает еврейскому народу особенного священнослужителя. И это тайноучение и новейшее оккультное исследование гласят о том, что в теле Финеаса жила та же душа, которая позднее выступила в Илии. Так мы имеем ведущую вперед линию, которую мы в некоторых пунктах уже наметили. Во внуке Аарона имеем мы душу, интересующую нас: там она действует в Финеасе. Потом мы имеем ее в Илии-Наботе, потом - в Иоанне Крестителе, и мы знаем, как она совершает свой дальнейший путь через эволюцию человечества. - Эта душа является нам в имажинации по одну сторону, а по другую сторону - душа самого Моисея.

Так видим мы при Преображении на горе воистину то, что там сливается вместе. Сливается вместе спиритуальность всего земного развития: то, что через еврейскую кровь возносится в своей эссенции в левитстве, ибо это душа Финеаса, сына Елеазара, внука Аарона стоит перед нами, и стоит перед нами Моисей, а посередине стоит перед нами Свершитель Мистерии Голгофы. Как сливаются эти силы, как сливаются эти спири-туальные духовные течения - вот что должно было выступить в имажинативном познании перед тремя посвящаемыми учениками: Петром, Иаковом и Иоанном. И если вчера я пытался представить вам зов, который из Греции звучит в Палестину, и отзвук, который оттуда звучит в ответ, то это было больше, чем выхолощенные иллюстрации фактов. Это должно было подготовить к великой всемирно-исторической беседе, которая действительно и произошла. Ученики Петр, Иаков и Иоанн должны были быть посвящены в то, что эти три души, явившиеся при Преображении, из которых одна принадлежит ветхозаветному народу, другая несет в себе то многое, что мы зным о душе Моисея, в то время как третья связывает себя как Космическое Божество с Землей, - совещались между собой. Это должны были узреть ученики.

Мы знаем, что это не могло сразу войти в их сердца, что они не сразу поняли то, чему внимают. Но так бывает со многим, что переживается на оккультном поприще: переживают имажинативно, но не понимают и, может быть, поймут только в следующей инкарнации. Но понимают тем лучше, чем больше наше собственное понимание приспособлено к тому, что сперва было ясновидчески воспринято. Однако мы можем чувствовать: вверху, на горе, три мировые Силы, а внизу - трое, которые должны быть посвящены в великие космические тайны. Из всех этих вещей может для нашей души проистечь ощущение: как Евангелие, если мы верно понимаем его, - если именно драматическому возрастанию, художественной композиции Евангелия, которая везде есть выражение оккультных фактов, даем верно воздействовать на себя, - указывает на великий поворот, который наступил ко времени Мистерии Голгофы.

Евангелие говорит, и это может быть разъяснено оккультным исследованием, очень, очень отчетливым языком. Дело в том, чтобы люди научились все больше понимать, что в отношении

отдельных моментов Евангелия действительно надо знать, о чем идет речь, - что особенно важно в том или в другом месте. Тогда только попадут в точку, которая для той или другой притчи, для того или другого эпизода особенно важна. И курьезно, что в отношении самых важных вещей в Евангелиях общепринятые теологические или философские объяснения всегда исходят, собственно, из той удивительной точки зрения, из которой исходили бы люди, которые ставили бы лошадь к телеге не так, как обычно их ставят, а задом наперед, - что в просторечии называют - "взнуздать лошадь с хвоста". Это имеет место у многих толкователей и комментаторов, но люди не замечают, в чем тут дело.

Так как для продолжения наших рассмотрений это очень важно, то мы сейчас же обратим внимание на одно место, которое вы находите в 14-й главе Евангелия от Марка.

"И когда Он был в Вифании в доме Симона прокаженного, пришла одна женщина, когда Он сидел за столом; у нее был алебастровый флакон настоящего драгоценного нарда; разбила она этот флакон и излила нардовое масло Ему на голову.

Но при этом присутствовали некоторые, которые между собой осуждали ее: к чему такая трата этого нарда?

Его можно было продать более чем за 300 динариев и раздать бедным. И они бранили ее.

Но Иисус сказал: "Оставьте ее; за что обвиняете вы ее? Она совершила доброе дело для Меня.

Ибо бедных вы всегда имеете около себя и можете благотворить их, когда захотите; Меня же не всегда имеете.

Она сделала, что смогла; она заблаговременно помазала Мое тело для погребения.

Истинно говорю вам: где во всем мире будет проповедано Евангелие, будет сказано также об ее деянии - в память о ней". (14,3-9).

Было бы только правильно, если бы сказали, что в таком месте есть нечто примечательное. И большинство людей должно было бы честно сознаться, что они могли бы симпатизировать тем, которые там бранятся, считая, что драгоценное благовонное масло тратится напрасно, что совершенно не нужно выливать его кому-то на голову. И большинство будет действительно думать, что было бы лучше продать нард за 300 динариев и раздать деньги бедным. И если они добросовестны, то они, пожалуй, найдут суровым со стороны Христа, что Он сказал: лучше дать ей сделать это, чем раздать 300 динариев бедным, продав нард. - Тогда нужно себе сказать: за этим что-то должно скрываться, если не хотят быть отпугнутыми всей этой историей. Евангелие делает даже несколько больше; оно весьма невежливо в этом месте. Ибо, если находится достаточно много людей, которые себе признаются, что было бы лучше продать нард, а 300 динариев, раздать бедным, то Евангелие тут хочет сказать, что те, которые так думают, думают так же, как

некто другой, потому что оно продолжает:

"Где во всем мире будет проповедано Евангелие, будет сказано также об ее деянии - в память ей.

И Иуда Искариот, один из двенадцати, пошел к первосвященникам, чтобы предать Его им.

Они же обрадовались, когда это услышали и обещали дать ему денег. И он искал удобного случая, чтобы предать Его" (14,9-11).

Потому что именно Иуда Искариот был особенно возмущен пролитием нарда! Те, которые задеты этим пролитием нарда, следуют примеру Иуды Искариота. Евангелие даже весьма невежливо, ибо очень прозрачно дает понять, что те люди, которые задеты этим пролитием нарда, суть такие же, как Иуда Искариот, который после этого пошел предать Господа за 30 сребренников; тем самым Евангелие хочет сказать: "Смотрите, каковы те люди, которые хотят продать нарда за 300 динариев; ибо Иуда привязан к деньгам". Евангелие не должно быть никоим образом приукрашено, потому что приукрашивание препятствует его объективному, верному разъяснению. Нужно найти ту точку зрения, из которой оно исходит! И мы найдем еще много примеров, которые нам покажут, что Евангелие придерживается даже того, чтобы во второстепенных моментах иногда дать что-нибудь шокирующим образом, если тем самым можно выдвинуть главный пункт в особенно ясном свете.

В чем суть дела в этом случае? В том, что Евангелие хочет сказать: "Человек должен смотреть не только на чувственное; значение имеет не только то, что имеет цену в чувственном бытии; но человек должен прежде всего принимать в себя сверхчувственный мир, и важно обращать внимание также на то, что в чувственном бытии больше никакого значения не имеет. Тело Христа Иисуса, помазанное благовонным нардом при погребении, которое было совершено этой женщиной заранее, не имеет никакого значения, когда душа уходит. Но ведь надо делать нечто такое, что имеет значение и ценность по ту сторону чувственного бытия. Это надо было особенно сильно подчеркнуть. Поэтому для этого подчеркивания было пущено в ход нечто такое, о чем даже естественное человеческое сознание думает, что этому можно положить самую высокую цену в чувственном бытии.

А что у чувственного бытия иногда надо что-то отнять, чтобы это дать духу, дать тому, куда пойдет "Я", когда освободится от тела, - для этого Евангелие выбирает особый пример. Оно выбирает пример, кажущийся прямо-таки неблагочестивым: что у бедных отнимается нечто, что дается духу, дается "Я", когда оно освободилось от тела. Евангелие не смотрит на то, чему придает цену земное бытие, но на то, что может войти в "Я" и опять излучаться из "Я". Это здесь показано особенно сильным образом. Поэтому оно и приведено в связь с Иудой Искариотом, который совершает предательство, потому что он чувствует свое сердце особенно тесно привязанным к чувственному бытию; поэтому он сравнивается с теми, которых Евангелие здесь в мало вежливой

форме выставляет как настоящих обывателей, - на что здесь указывается очень сильно. Иуде дело только до того, что имеет значение в чувственном бытии, как и тем, которые думают, что то, что можно получить за 300 динариев, имеет больше значения, чем то, что выходит за пределы чувственного бытия.

Везде должно быть указано не на второстепенное, а на главное. Евангелие будет признано повсюду, когда будет признано значение и ценность спиритуального. Там, где верно понимают спиритуальное, этот пример будет признан подходящим. Поэтому расточение нарда будет признаваться как нечто, не имеющее значения там, где будет признаваться ценность сверхчувственного для "Я".

Особенное место, где опять можно распознать то методически-художественное, под покровом которого Евангелие таит нечто из оккультных фактов эволюции человечества, - это следующее (оно опять-таки является своего рода крестом для толкователей):

<<А на следующий день, когда они вышли из Вифании, Он проголодался.

И Он увидел издалека фиговое дерево, которое имело листья, и подошел к нему, чтобы найти что-нибудь на нем, но не нашел ничего, кроме листьев, ибо это время было не для фиг.

И Он заговорил и сказал этому дереву: "Больше никто никогда не должен вкусить от тебя плода". И ученики Его слышали это" (11, 12-14).

Ну разве не должен всякий по чести спросить: "Не странно ли, что в Евангелии говорится о некоем Боге, что Он разгневался на фиговое дерево, ищет на нем фиг и не находит - причем, и причина указана, почему Он не нашел их, - ясно сказано: "Было не время для фиг". Выходит, что Он в то время, когда никаких фиг не бывает, идет к фиговому дереву, ищет его плодов, не находит, а потом говорит: "Больше никто никогда не должен вкусить от тебя плода". Возьмите объяснения, которые обычно даются этой истории, где нет ничего, кроме того, что там сухо и трезво сказано о том, как Иисус странным образом почувствовал голод, идет к смоковнице в такое время, когда плодов на ней не бывает, не находит их, и тогда проклинает дерево, чтобы на нем во веки веков не было плодов. Что же тогда такое фиговое дерево? И почему все это рассказано? Кто может читать оккультные письмена, узнает в этом "фиговом дереве" (или смоковнице) - в какой связи это поставлено в Евангелии, мы еще увидим, - то самое, о чем говорится у Будды, который сидел под "деревом Бодхи" и получил просветление для проповеди в Бенаресе. "Под деревом Бодхи" - значит то же, что "под фиговым деревом". С точки зрения всемирно-исторической, в отношении человеческого ясновидения, время Будды было еще "временем фиг", то есть получали, как это было с Буддой, под деревом Бодхи, - под фиговым деревом, - просветление. Теперь это уже было не так. Это должны были узнать ученики. Теперь факты всемирной истории принесли то, что под тем деревом, где Будда получил просветление, не было больше плодов.

И то, что происходило во всем человечестве, отражалось тогда в душе Христа. Мы видим одного из представителей человечества в Эмпедокле из Сицилии - видим его как представителя многих людей, которые голодали подобным же образом, потому что их души не находили больше откровения, которое они имели раньше, и должны были теперь удовлетворяться абстрактным "Я". Так можно говорить о "голодающем Эмпедокле", о "голоде по духу", который чувствовали все люди наступающего времени. И весь этот голод человечества ложился на душу Иисуса Христа, прежде чем наступила Мистерия Голгофы.

Ученики должны были стать причастными к этой тайне и знать о ней. Христос ведет их к фиговому дереву и говорит им о тайнах дерева Бодхи. Он стал говорить, ибо это теперь не имело значения, что Будда обрел плоды этого фигового дерева (или смоковницы). Но теперешнее время больше не было - "временем тех фиг", которые обрел Будда к моменту своей проповеди в Бенаресе от дерева Бодхи. Христос должен был констатировать, что на том дереве, от которого проистек свет Бенареса, никогда больше не созреют плоды познания, но теперь они придут от Мистерии Голгофы!

Какой же факт имеем мы перед собой? - Тот факт, что Христос Иисус со Своими учениками идет из Вифании в Иерусалим, и при этих обстоятельствах в учениках вызвано особенно сильное ощущение, вызвана особенно большая сила, которая в их душах извлекает ясновидческие способности, и они становятся особенно склонны к имажинации. В учениках пробуждены ясновидческие, имажинативные способности. Они ли-цезреют в ясновидении дерево Бодхи, фиговое дерево, и Христос дает им познать, что от дерева Бодхи больше не могут прийти плоды познания, потому что уже не время фиг, то есть древнего познания. Навечно усохло это дерево, и должно вырасти новое - дерево, которое состоит из мертвой древесины Креста и на котором зреют не плоды старого познания, а но вые плоды, которые могут вырасти для человечества из Мистерии Голгофы, которая связана с Крестом Голгофы как с символом. В ходе мировой истории вместо образа Будды, сидящего под деревом Бодхи, явлен образ Голгофы, где воздвигнуто другое дерево, дерево Креста, на котором висел живой плод открывающегося Человеко-Бога, чтобы от Него излучалось новое познание, проистекающее из этого отныне далее развивающегося дерева, которое должно приносить плоды во все грядущие века.

ЛЕКЦИЯ ДЕВЯТАЯ Базель, 23 сентября 1912 г.

В этих лекциях снова было указано на то, что в будущем произойдет некоторый переворот в отношении людей к Евангелиям. Он произойдет потому, что научатся видеть в Евангелиях глубоко художественное, художественно-композиционное произведение, научатся в верном свете видеть оккультные основы изображенных в Евангелиях мировых

исторических импульсов только если будут исходить из художественно-композиционного в Евангелиях. По существу, и в этом отношении Евангельская литература и Евангельское искусство входят во весь исторический ход развития человечества, на что мы в отношении некоторых пунктов и указали в эти дни.

Мы указывали на те одинокие личности в Греции, которые по-настоящему чувствовали в своей душе угасание, постепенное исчезновение древнего ясновидения и взамен этого получали то, из чего должно было выработаться "Я" человека, нынешнее сознание: абстрактная понятийность, абстрактные представления. Мы можем указать еще на нечто другое, а именно, что неким образом как раз в греческой культуре явлено нечто вроде завершения культуры человечества - словно пункт, до которого эта культура человечества дошла, чтобы с другого пункта возгореться дальше. Это есть греческое искусство. Отчего это происходит, что не только во время Возрождения в Европе люди всей душой искали "страну греков", то есть страну красоты, и видели в чудесной выработке человеческой формы идеал человеческого развития, но также и в современное классическое время умы, подобные Гете, всей душой искали эту "страну греков", то есть страну прекрасной формы? Это происходит оттого, что в Греции действительно красота, которая в непосредственном виде гласит во внешней форме, нашла известное завершение, завершение в некоторой высшей точке.

Внутренняя завершенность в форме - это есть то, что встречает нас в греческой красоте, в греческом искусстве. В композиционном решении произведений греческого искусства сразу же безусловно видно то, что должно быть дано посредством этой композиции. Это выступает перед глазами; это полностью находится в чувственном бытии. В том и величие греческого искусства, что оно полностью выступило во внешнем явлении. Можно сказать: искусство Евангелия показывает некое новое начало - начало, которое до сих пор не понято в достаточной мере. Это есть внутренняя композиция, внутреннее переплетение художественных нитей, которые в то же время являются оккультными нитями, - особенно в Евангелиях. Поэтому речь идет о том, о чем мы сказали и что акцентировали вчера: усмотреть везде тот основной момент, который при изложении, в каком-либо эпизоде, принят во внимание.

Именно в Евангелии от Марка выступает не столько в его дословном тексте, сколько во всем тоне изложения то, что можно определить как главное: здесь Христос представлен как космическое, как одновременно земное и сверхземное явление, а Мистерия Голгофы - одновременно как земное и сверх'земное событие. Но акцентируется еще и нечто другое, и здесь выступает нечто тонко художественное - в особенности к концу Евангелия от Марка. Подчеркнуто: здесь космический Импульс внес Свет в земные обстоятельства. Земным существам, земным людям надо было принести свое понимание навстречу этому Импульсу. Пожалуй, нигде так сильно, как в Евангелии от Марка, не обозначено, что для понимания того Света, который тогда проник

из космоса в земное бытие, нужен, в сущности, весь остаток земной эволюции, - что это понимание никак не было возможно в то время, когда непосредственно совершалась Мистерия Голгофы. И факт отсутствия тогда надлежащего понимания, тот факт, что понимание тогда впервые получило первое побуждение, и что оно только мало-помалу сможет взойти в ходе дальнейшего развития человечества, - это как раз в художественно-композиционном строе Евангелия от Марка показано совершенно чудесным образом. Мы проследим это тонкое художественно-композиционное, если спросим, каким могло быть понимание, какого рода понимание могло быть принесено навстречу Мистерии Голгофы в тогдашнее время.

В сущности, тогда было возможно тройкое понимание. Оно могло исходить из трех факторов. Во-первых, - от тех, кто были ближайшими избранными учениками Христа Иисуса. Они ведь выступают перед нами везде в Евангелии как те, кого Господь Сам избрал и которым Он многое доверил для высшего понимания бытия. От них мы можем ожидать наивысшего понимания Мистерии Голгофы. Какого же понимания можем мы от них ожидать? Это тонко вкомпоновано в Евангелии от Марка - чем ближе приходим мы к его концу. Что эти избранные ученики могли иметь более высокое понимание, чем руководители ветхозаветного народа, - на это нам очень ясно .указано, если мы везде будем искать тот пункт, в котором все дело.

Так вы находите разговор, который Христос Иисус вел с саддукеями (12, 18-27). Этот разговор касается прежде всего бессмертия души. Если принимать Евангелие поверхностно, не легко придти к пониманию того, почему там есть разговор с саддукеями, этот разговор о бессмертии, а затем странная речь саддукеев, которые говорят: могло бы случиться, что из семи братьев один женился; он умирает, и вдова его переходит в качестве жены ко второму брату, и т.д. - к одному за другим; она была женой всех семи братьев, и после всех умерла и эта женщина. И вот, - не понимали саддукеи, - если есть бессмертие, как должны будут эти семь братьев относиться к этой их жене в духовной жизни. Это есть известное возражение саддукеев, которое приводилось не только во времена Мистерии Голгофы, но и во многих современных книгах как возражение против бессмертия. Это доказывает, что также и ныне в кругах тех, кто пишет такие книги, еще нет полного понимания этой вещи. Зачем же этот разговор? Если мы углубимся в него, то обнаруживается из ответа, который дает Христос Иисус, что все души после смерти становятся небесными существами и что между существами надземного мира не заключаются браки, и не имеет никакого значения, если бы и случилось такое, о чем говорят саддукеи. Такие отношения суть чисто земные и не имеют значения для внеземного. Другими словами: Христос Иисус говорит о внеземных условиях, которые привлекаются, когда это нужно для понимания внеземной жизни. значения для внеземного. Другими словами: Христос Иисус говорит о внеземных условиях, которые

привлекаются, когда это нужно для понимания внеземной жизни.

Но еще другой разговор находим мы, когда все более подходим к концу Евангелия от Марка. Там спрашивают Христа Иисуса о браке (10, 1-12). Происходит разговор между Христом Иисусом и еврейскими книжниками о том, как это по закону Моисея возможно отпустить жену по разводному письму. Когда Христос отвечает: "Да, этот закон дал вам Моисей, потому что ваши сердца жестки и вам такое установление нужно", - то в чем здесь дело? - Дело в том, что теперь Он обо всем говорит совсем иначе: теперь Он говорит о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной так, как они были до того, как в человеческую эволюцию вошел соблазн через лю-циферические силы. Это значит, что Он говорит о чем-то космическом, о чем-то сверхземном; Он поворачивает вопрос к сверхземному. Все дело в том, что Христос Иисус разговоры о том, что относится к чувственному бытию, выводит за пределы обыкновенной земной эволюции. Главное в том, что Он уже в этом показывает: Он приносит сверхземные, космические отношения вместе со Своим появлением на Земле и говорит с земными существами об этих космических отношениях.

На кого мы можем надеяться, от кого можем, так сказать, требовать, чтобы речи Христа Иисуса о космических отношениях были лучше всего поняты? - От тех, которых Он избрал как Своих учеников. Итак, мы можем сказать, что первый род понимания мы можем охарактеризовать следующим образом: избранные ученики Христа Иисуса могли бы так понять Мистерию Голгофы, чтобы постичь сверхземное, космическое значение этого всемирно-исторического факта. Этого мы могли ожидать от учеников, которых Он избрал.

Понимание второго рода, которое можно было ожидать, какое могло прийти от руководителей древнееврейского народа, от первосвященников, от верховных судей, от знатоков Писания - словом, от тех, кто знает историческую эволюцию ветхозаветного народа. Что можно было бы от них требовать? Евангелие ясно показывает: с них не спрашивают понимания космических взаимоотношений Христа Иисуса, но от них ожидается понимание того, что Христос Иисус пришел к древнееврейскому народу и вошел Своей индивидуальностью в кровь этого народа, родился в этом народе - что Он есть сын дома Давидова, что Он внутренне связан с сущностью того, что вместе с Давидом вошло в еврейский народ. Этим нам указано на второй род понимания - на это меньшее понимание. Что Христос Иисус имел посланничество, которое означает высшую точку посланничества всего еврейского народа, - это чудесным образом показано ближе к концу Евангелия от Марка, когда все больше и больше указывается на то, что мы имеем дело с Сыном Давида (заметьте, как тонко художественно-композиционно это выступает). В то время как от учеников требуется понимание посланничества космического Героя, - от тех, которые причисляют себя к еврейскому народу, требуется понимание того, что пришло завершение посланничества Давида. Это второе. Еврейский народ должен был понять, что могло прийти

и завершение, и новое обретение его собственной миссии. А откуда должен был прийти третий род понимания? И притом еще меньшего? Замечательно, как тонко художественно-композиционно это выступает в Евангелии от Марка. Здесь требуется еще меньшее, и это меньшее требуется от римлян. Прочтите в конце Евангелия от Марка, когда Христос Иисус выдан первосвященникам, что тогда произошло? - Я говорю сейчас только о Евангелии от Марка! Еще первосвященники спрашивают Христа Иисуса - хочет ли Он говорить о "Христе", хочет ли Он признать себя Христом, к чему они смогут придраться, ибо Он будет говорить о Своем космическом посланничестве; или о том, что Он потомок рода Давидова. Что же предосудительно для Пилата? Только то, что Христос Иисус должен фигурировать как "царь иудеев" (15, 1-15). Евреи должны были понять, что Он представляет Собой вершину их собственного развития. Римляне должны были понять, что Он что-то означает Собой внутри развития еврейского народа - не высшую точку, но нечто, что может быть ролью руководителя. Если бы римляне это поняли, что бы тогда произошло? Ничего другого, кроме того, что и так уже произошло; но они этого не поняли. Мы знаем, что еврейство распространилось, - что оно обходным путем через Александрию распространилось по западному миру. Что теперь пришел всемирноисторический момент для распространения еврейской образованности - понимание этого могли бы проявить римляне. Это все же меньше, чем то, что должны были понять ученые книжники. Римляне должны были понять значение еврейства как части всего мира. То, что они этого не поняли, - а это было задачей того времени, - обозначено тем, что Пилат ничего не понимает в том, что Христос Иисус истолкован как царь иудеев, и он в корне отменяет, как безобидную вещь, что Он представлен как царь иудеев.

Так можно было ожидать тройкого понимания посланничества Христа Иисуса: 1) Понимание избранными учениками, которое они могли иметь о космическом элементе Христа. 2) Понимание, которое должны были иметь евреи о том, что распространяется в самом еврейском народе. 3) Понимание, которое должны были иметь римляне о том, что евреи перестали распространяться в одной только Палестине и что они стали распространяться по большей части Земли.

Это таинственно включено в художественную композицию в особенности Евангелия от Марка. И ответы нам даны по всем трем пунктам совершенно ясные.

Первый вопрос должен быть следующий: "Достигли ли апостолы, избранные ученики, той меры понимания, которая требовалась от них? Распознали ли они Христа Иисуса как космического Духа? Распознали ли они, что среди них был Некто, Кто был не только то, что Он значил как человек между ними, но был окружен аурой, через которую притекали на Землю космические силы и космические законы? Поняли ли они это?"

Что Христос требовал от них этого понимания, ясно указано в

Евангелии. Ибо когда два Его ученика, сыны Зеведеевы, пришли и добивались, что Он должен посадить их справа и слева возле Себя, то Он сказал им:

"Вы не знаете, чего домогаетесь. Можете ли вы пить чашу, которую Я пью, или креститься тем Крещением, которым Я крещусь?" (10, 38).

Ученики тогда похвалились, что смогут. То, что Христос Иисус этого от них требует, - ясно обозначено. Что могло тогда произойти? - Двойное. Первое - эти избранные ученики прошли бы вместе с Ним все то, что совершилось как Мистерия Голгофы, что связь между этими учениками и Христом сохранилась бы вплоть до Мистерии Голгофы. Это одно, что могло бы случиться. А что произошло не это, а совсем другое, мы видим со всей отчетливостью, в особенности в Евангелии от Марка. Когда Христос был взят под стражу, разбежались все; и Петр, который хвалился, что его ничто не поколеблет, трижды отрекся от Него прежде, чем дважды прокукарекал петух. Это изображено со стороны апостолов. А как представляется это со стороны Самого Христа?

Перенесемся со всем благоговением - ибо это должно быть так! - в Душу Христа Иисуса, которая до конца пытается сохранить образовавшуюся связь с душами апостолов; перенесемся, насколько это возможно, в Душу Христа для дальнейшего прослеживания хода событий. Тогда эта Душа могла поставить всемирно-исторический вопрос: "Могу ли Я сделать так, чтобы души хотя бы самых избранных учеников поднялись до такой высоты, чтобы они вместе со Мной пережили все то, что должно тут произойти вплоть до Мистерии Голгофы?" Перед этим вопросом стоит Душа Самого Христа. Это - грандиозный момент, когда Петр, Иаков и Иоанн выведены Им на Оливковую гору и Христос Иисус Сам хочет присмотреться - сможет ли Он удержать их, самых избранных? И на пути к Голгофе Он испытывает страх. Да, мои друзья, думает ли кто, или, вернее, смеет ли кто думать, что Христу стало страшно перед смертью, перед Мистерией Голгофы? Что на Оливковой горе у Него выступил кровавый пот из-за приближающегося свершения Мистерии Голгофы? Так думать - значило бы мало понимать Мистирию Голгофы! Может быть, это теологично, но - бессмысленно. Почему скорбит Христос? Он не дрожит перед крестом. Это само собой разумеется. Он содрогается, прежде всего, перед следующим: "Смогут ли те, кого Я взял сюда с Собою, устоять в тот момент, в который должно решиться, - захотят ли они своими душами идти со Мной, захотят ли пережить вместе со Мной все, вплоть до распятия на кресте?" - Останется ли состояние их сознания настолько бодрствующим, что они вместе с Ним переживут все, вплоть до распятия на кресте - вот это должно решиться. Это и есть та "чаша", которая к Нему приближается. И Он оставляет их одних, чтобы они могли остаться "бодрствующими", то есть быть в таком состоянии сознания, в котором они могли бы вместе с Ним пережить то, что Он должен. Тогда Он идет и молится: "Отец, да минует Меня чаша сия; но не

Моя воля, но Твоя воля, да свершится!" Это значит: не дай Мне еще испытать, что Я стою совсем один как Сын Человеческий, но что и другие идут со Мной. И Он возвращается обратно, а они спят. Они не смогли удержать то бодрствующее состояние сознания. И Он снова делает попытку, и они опять не выдерживают. И Он делает это еще раз, и они опять-таки не выдерживают. Тогда стало Ему ясно, что Он стоит один - что они не идут вместе с Ним вплоть до распятия на кресте. Эта чаша не миновала Его. Он был обречен в одиночестве, в душевном одиночестве свершить Свое деяние.

Мир возымел Мистерию Голгофы; но в то время, когда это происходило, люди еще не имели понимания для этого события. Даже самые выдающиеся из них и самые избранные не оказались на такой высоте. - Это о первом роде понимания. Как чудесно художественно это выражено, если за тем, что явлено в Евангелиях, суметь почувствовать реальные оккультные "кулисы"!

Теперь зададим вопрос о втором роде понимания. - Спросим, как руководители евреев поняли Того, Кто из рода Давидова должен был выступить как лучший цвет древнееврейской эволюции? Одно из первых мест, где нам указано, какое понимание приносил еврейский народ навстречу Тому, кто происходил из дома Давидова, находим мы в 10-й главе Евангелия от Марка. Это момент решающего значения, когда Христос приближается к Иерусалиму и должен был быть узан древнееврейским народом как Тот, Кто примыкает к дому Давида.

"И пришли они в Иерихон, и когда Он вышел из Иерихона с учениками и многими сопровождающими, сидел сын Тимея Вартимей, слепой, как нищий у дороги.

И когда он услышал, что это Иисус из Назарета, начал он восклицать: "Иисус, Ты - Сын Давидов, сжался надо мной!"

И многие бранили его, чтобы он замолчал. А он кричал еще громче: "Сын Давидов, сжался надо мной!" (10, 46-48).

Выразительно передан здесь этот крик слепого: ..."Ты, Сын Давидов", - значит только он пришел к пониманию "Сына Давидова".

"И Иисус остановился и сказал: "Позовите его сюда". И они позвали слепого и сказали ему: "Мужайся, встань. Он зовет тебя!" Тот же сбросил свой плащ, вскочил и подошел к Иисусу.

И Иисус сказал ему: "Чего ты хочешь от Меня?" Слепой же сказал Ему: "Раввунни, чтобы я прозрел!"

И Иисус сказал ему: "Иди, твоя вера помогла тебе". И он тотчас стал зрячим и последовал за ним по дороге". (10,49-52).

Это значит, что Он требовал только веры. Не стоит ли задуматься почему среди других рассказов есть это исцеление слепого? Почему оно стоит особняком? Из композиционного строя Евангелия люди должны были бы чему-то научиться. Дело вовсе не в этом исцелении, а в том, что из всех людей только один этот слепой из всех сил взывал: "Иисус, Ты - Сын Давидов!" Видящие не

распознали Его. Слепой, который физически не видит, узнает Его. Так что здесь показано, как слепы другие, и этот человек сперва должен был ослепнуть, чтобы Его узреть. В слепоте, а не в исцелении здесь дело. И этим одновременно показано, как мало понимали Христа.

В ходе дальнейшего вы можете везде найти, как Он говорит о том, что Космическое вживается в человечески индивидуальное; как Он фактически говорит о Космическом, когда Он (и это опять-таки важно, что это композиционно дано в связи с тем моментом, когда Христос должен явиться как "Сын Давидов") говорит о бессмертии: что Бог - есть Бог живых, а не мертвых; что Бог есть Бог Авраама, Исаака и Иакова (12,26-7), ибо Авраам, Исаак и Иаков, каждый из них живет в следую щем, продолжает жить в других формах, потому что Бог живет в их индивидуальности. Но еще сильнее это обозначено там, когда Он описывает человека - то, что в нем дремлет и должно быть пробуждено. Сказано, что речь идет не просто о физическом Сыне Давидовом, ибо сам Давид говорит о нем как о "Господе", а не как о физическом "сыне" (12,35-37). О "Господе" в индивидуальности человека, о том, Кто должен произойти из рода Давидова, говорится везде, когда влияние космического Христа идет на убыль.

На одно место надо особенно указать (ищите его в Евангелии от Марка ближе к концу) - на место, которое легко не заметить при чтении без понимания, но которое потрясающе действует на душу, если его понимать. Это там, где Христос предан светской власти, должен быть осужден, и подыскивают основания, чтобы Его осудить. Этому предшествовало описание того, что Он сделал в храме, где изгнал менял и опрокинул их столы, где Он, проповедуя, должен был сказать совсем особенные слова, берущие за душу. За это ничего Ему не было. И Он теперь выразительно обращает на это внимание: "Все это вы слышали, а теперь, когда Я стою перед вами, вы ищете ложных обвинений против Меня, взяли Меня под стражу по навету предателя, как человека, совершившего тяжкое преступление. А тогда вы ничего не сделали, когда Я стоял среди вас в храме". - Потрясающее место! Потому что нас приводят к пониманию того, что на самом деле Христос везде действует так, что ничего против него сделать нельзя. Почему же? Он действительно поступает так, что в недопускающем сомнений смысле указывает на то, какой великий поворотный момент наступил в ходе мировой эволюции, когда говорит: "Первые станут последними, а последние - первыми" (9, 35). Учения, которые Он бросает им, должны быть ужасны с точки зрения вероучения и понимания Ветхого Завета - и ничего не происходит тогда. После этого Его во мраке ночи берут под стражу при помощи предателя, и получается впечатление, что при этом аресте происходит какая-то потасовка. Это потрясающее место:

"Но предатель дал им знак и сказал: "Кого я поцелую, Тот и есть; схватите Его и ведите под надежной охраной".

И когда пришел, тотчас подошел к Нему и говорит: "Равви, Равви,"

и поцеловал Его.

Они же наложили руки на Него и взяли Его.

Но один из стоявших тут извлек меч и напал на служителя первосвященника и отсек ему ухо.

И Иисус сказал им: "Словно на разбойника вышли вы, с мечами и копьями, чтобы взять Меня под стражу. Каждый день бывал Я при вас в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания" (14,44-49).

Что же, собственно, тогда произошло, что они Его не брали под стражу, а потом искали оснований для того, чтобы схватить, словно разбойника? Можно понять то, что тогда произошло, только если рассмотреть эти вещи в их оккультной глубине. Я уже указывал на то, что в Евангелии от Марка оккультные факты, спиритуальные факты, и чисто физические факты перемешаны в изложении событий. И нам ясно указывается, что Христос в Своих действиях не был ограничен только личностью Иисуса из Назарета, но что Он воздействовал на учеников, экстериоризуясь, вне физического тела, как то было на озере, куда Он к ним пришел. Так Он мог, находясь вне Своего физического тела, в то время, когда оно находилось, может быть, там или здесь, все, что Он делал, все, что Он излучал как Импульс, как Дух, вкладывать в души учеников. И особенно вразумительно нам указано в Евангелии от Марка на то, как люди воспринимали то, что Он в состоянии экстериоризации, находясь вне Своего физического тела, проповедовал и учил. Это живет в душах. Души не понимают этого, но они в это вживаются: это есть земное и сверхземное в индивидуальности Христа и в людской массе.

Христос повсюду связан с широко распростертой действенной Аурой. Эта Аура действовала там благодаря тому, что Он был душевно связан с людьми, которых Он избрал, и она была с Ним до тех пор, пока Он был с ними связан. Чаша не миновала Его. Избранные люди не обнаружили никакого понимания. Тогда стала постепенно отходить эта Аура от человека "Иисуса из Назарета" и все более чуждыми становились друг другу Христос и Сын Человеческий, Иисус из Назарета. Все более одиноким был Иисус к концу жизни, и все слабее был связан с ним Христос. Все слабее.

Этот Космический Элемент до того момента, который изображен в Гефсиманской сцене как "кровавый пот", был как Христос полностью связан с Иисусом из Назарета, а теперь, вследствие непонимания людей, связь становится слабой. И в то время как раньше, когда Космический Христос действовал в Храме и изгонял торговцев, проповедовал самые сокрушительные учения, и ничего не случалось с Христом Иисусом, теперь гонители могли подступить к Иисусу из Назарета, поскольку Он оставался только в слабой связи с Христом. Мы видим, что Космическое еще присутствует, но Оно все меньше и меньше связано с Сыном Человеческим. Вот что делает этот момент таким потрясающим. А так как троякого рода понимание не было достигнуто - что возымели, в конце концов, люди? Что могли они взять под стражу?

Что судить? Что распять, пригвоздить к Кресту? - Сына Человеческого! И чем больше они это делали, тем больше отходил Космический Элемент, Который раньше как некий юный Импульс входил в земную жизнь. Он удалялся. И тем, кто произносил приговор и чинил судопроизводство, остался только Сын Человеческий, которого лишь осеяло то, что должно было прийти как юный Космический Элемент.

Ни одно Евангелие, кроме Евангелия от Марка, не говорит о том, что теперь оставался только Сын Человеческий, а Космический Элемент его лишь осеял. Поэтому мы ни в каком другом Евангелии в отношении Христова свершения как Космического факта не видим так четко выраженным то, что в тот самый момент, когда люди в своем непонимании по-людски хватают "Сына Человеческого", - что тогда Космический Элемент от них ускользает. Юный Космический Элемент, который с этого поворота времен был введен как Импульс в земную эволюцию, он ускользнул. Взяли Сына Человеческого. Это отчетливо показано в Евангелии от Марка. Прочтем еще раз это место в Евангелии от Марка и поищем, подчеркивает ли Марк, как именно тут показан Космический Элемент в его отношении к человеческому:

"И Иисус сказал им: "Словно на разбойника вышли вы с мечами и копьями, чтобы взять Меня под стражу.

Каждый день бывал Я при вас в храме и учил, и вы не брали Меня. Но да сбудутся Писания".

И они все оставили Его и обратились в бегство"(14, 48-50).

Он стоит один. А что же с тем юным Космическим Элементом? - Представьте себе это одиночество человека, который был пронизан космическим Христом, а теперь стоит перед гонителями, словно разыскиваемый разбойник. А те, которые должны были бы понять Его, бежали. "И они все оставили Его и обратились в бегство" - гласит 50-й стих. А затем, в 51-м и 52-м стихе Евангелия от Марка, сказано:

"И некий юноша, следовавший за Ним, был в тонком льняном одеянии по нагому телу; и они схватили Его.

Но он, оставив льняное одеяние, бежал нагой".

Кто этот юноша? Кто убежал? Кто это, кто появляется возле Иисуса Христа почти не одетый и затем совсем не одетый исчезает? Это - юный Космический Импульс, это Христос, который ускользнул и который теперь имеет только слабую связь с Сыном Человеческим. Очень много заключено в этих 51 и 52 стихах. В нем, в этом новом Импульсе, не было ничего, за что могла бы ухватиться старая эпоха. Он - совершенно нагой, этот новый Космический Импульс земной эволюции. Он пребывает при Иисусе из Назарета. И мы опять находим Его. Ибо 16-я глава Евангелия от Марка начинается так:

"По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария, дочь Иакова, и Соломея купили благовония, чтобы пойти туда и помазать Его.

И ранним утром в первый день недели пришли они к гробнице при восходе солнца.

И говорили они между собой: кто отвалит нам каменную плиту от входа в гробницу?

И взглянувши, увидели они, что каменная плита отвалена, а она была весьма велика.

И когда они вошли в гробницу, то увидели некоего юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую мантию, и они ужаснулись.

Он же сказал им: "Не ужасайтесь. Вы ищете Иисуса Назарянина, распятого, - Он воскрес!" (16, 1-6).

Это есть тот же самый юноша. Нигде больше в художественной композиции Евангелий не встречается этот юноша, который ускользнул от людей в тот момент, когда они влекут на суд Сына Человеческого, и который снова появляется, когда прошли три дня, и который с тех пор действует как Космический Принцип Земли. Нигде больше в Евангелиях (сравните их друг с другом) не показывается этот юноша, кроме этих двух мест в Евангелии от Марка, где он выступает перед нами таким грандиозным образом. Тут заключено все то, в чем нуждаемся, чтобы понять, в каком глубоком смысле именно Евангелие от Марка подразумевает, что мы имеем дело с космическим событием, с космическим Христом. Только теперь мы впервые понимаем, каковой должна быть и в остальном художественная композиция Евангелия от Марка.

Знаменательно, что после того, как столь многозначительное событие, это двукратное появление юноши выступило перед нами, Евангелие от Марка быстро заканчивается и содержит, только немногие примечательные формулировки. Также и это становится нам понятным, если мы скажем: едва ли можно помыслить, чтобы последовало еще возрастание, может быть, пожалуй, возрастание возвышенного и торжественного, но не потрясающего для земной эволюции - после того, как в эту композицию Евангелия от Марка были включены: монолог Бога, космическая надземная беседа "на горе", к которой были призваны три ученика, не понявшие ее; Гефсимания, сцена на Оливковой горе, где Христос должен признаться, что избранные им ученики не могут обрести понимания для предстоящего; и Ему доводится идти одному туда, где Сын Человеческий пострадает и будет распят; затем всемирно-историческое одиночество Сына Человеческого, который покинут теми, которых Он избрал, - покинут постепенно и Космическим Принципом. Мы после того, как поняли миссию и значение "юноши", который ускользает от взоров и рук людей, совсем особенно глубоким образом понимаем слова: "Бог Мой, Бог Мой, почему Ты Меня оставил?" (15, 34). Затем новое появление "юноши". Затем указано в Евангелии от Марка, что этот "юноша" есть Духовное, сверхчувственное Существо, и только по особым обстоятельствам тогдашнего времени был чувственно видим и впервые показался Марии Магдалине. А "потом являлся двоим из них, находившимся в пути, - явился в другом облике, когда они шли

по полю" (16, 12). Физическое существо не могло бы явиться в другом облике.

А затем изложение Евангелия от Марка быстро идет к концу, указывая на будущее в отношении того, что тогда не могло быть понято, ибо человечеству, которое тогда пришло к глубочайшему пункту своего нисхождения, должно было быть указано на будущее, - и это указание на будущее так подготовлено, что мы можем вполне оценить художественно-композиционное в нем. Что же можем мы представить себе, что как некое указание на будущее, исходит от Того, Кто узрел это творящего рода непонимание в то время, когда Он должен был осуществить Мистерию Голгофы? Мы можем себе представить, что Он указывает на то, что люди в ходе будущих времен все более и более должны будут приобретать понимание произошедшего тогда.

Мы приносим только верное понимание этого. Благодаря отчетливо говорящему Евангелию от Марка мы можем в своем познании происходивших событий сказать: каждая следующая эпоха может все больше приближаться в понимании к тому, что было Мистерией Голгофы. И поэтому мы верим, что нашим антропософским движением, мы действительно осуществляем нечто такое, на что прежде всего указано в Евангелии: принести новое понимание навстречу тому, что хотел совершить в мире Христос. Но что оно трудно - это новое понимание, - что всегда существует возможность неверно понять Существо Христа, - на это указал еще Он Сам:

"И если вам скажут затем: вот здесь - Христос, или - вот там, - не верьте этому.

Выступят лжехристы и лжепророки и будут давать знамения и чудеса, чтобы соблазнить, если удастся, то и избранных.

Вы же смотрите - вот Я наперед предсказал вам все это" (13,21-23).

Во все времена, в столетиях после события Голгофы, было достаточно случаев сделать эти слова для себя предупреждением. Кто имеет уши, чтобы слышать, тот и сегодня может услышать, как нам с Голгофы звучат слова: "Если потом когда-либо вам кто-нибудь скажет: вот здесь - Христос, или вот там, - не верьте этому. Ибо выступят лжехристы и лжепророки и будут давать знамения и чудеса, чтобы по возможности ввести в заблуждение также и избранных".

Как должны мы поставить себя по отношению к Мистерии Голгофы? Среди немногочисленных выразительных стихов, которые содержатся еще в Евангелии от Марка, после того, как оно столь потрясающим образом гласило нам, имеется еще один, самый последний стих, где сказано об учениках после того, как они через "юношу", через космического Христа, получили новый импульс - в то время как раньше обнаружили так мало понимания: "Они же отправились в путь и проповедовали везде, причем, Господь содействовал им и подкреплял их слова сопутствующими знамениями" (16,20).

Господь содействовал! Так исповедуют в смысле Мистерии

Голгофы. Не то, чтобы Господь мог быть воплощен где-нибудь в физическом теле; но там, где Его понимали, там действовал Он из сверхчувственного мира, когда действовали во имя Его, - не надмеваясь представлять Его физически, - и Он тогда духовно был между теми, кто Его имя понимал истинно. Верно понятое Евангелие от Марка говорит о самой Мистерии Голгофы таким образом, что мы при его верном понимании находим возможность обрести настоящее исполнение Мистерии Голгофы. Как раз в том, что содержит только Евангелие от Марка, в том знаменательном рассказе об этом "юноше", который в решающий момент отделяется от Христа Иисуса, мы видим также указание на то, как должно пониматься Евангелие. Когда они, избранные, бежали, то они не соперничали все го, что затем произошло и о чем рассказано также и в Евангелии от Марка. В середину его композиции вставлен опять-таки чисто художественно один отрывок с описанием - таким ясным, как едва что-либо другое - того, при чем ученики не присутствовали и чего ни один из них не был очевидцем. И, тем не менее, все рассказано! Перед нами встает этот вопрос, и мы попытаемся при ответе на этот вопрос проникнуть дальше и тогда пролить свет также и на другое.

Откуда происходит то другое, чего ученики сами не видели? Еврейские предания рассказывают об этом совсем иначе, чем это рассказано в Евангелиях. Откуда происходят сведения - когда говорят и в отношении правды о Мистерии Голгофы те, которые при этом не были, - откуда происходят сведения о том, чего никто не видел и не мог видеть из тех, кто стоял на стороне распространения христианства?

Этот вопрос введет нас еще глубже в предмет наших рассматриваний.

ЛЕКЦИЯ ДЕСЯТАЯ Базель, 24 сентября 1912 г.

Мы вчера видели, что из совместной общей жизни избранных учеников Христа Иисуса с Ним Самим выпадает - согласно Евангелию от Марка - некая часть Его жизни. И соответственно в других Евангелиях на это также ясно указано. Итак, те события, которые происходили после предательства, (то есть суд, осуждение и распятие Христа Иисуса), как раз ближайшие Его не соперничали вместе с Ним. Это опять та характерная черта в изложении Евангелия, которая выражена с большой преднамеренностью. Надо было до известной степени выразить следующее: как должен быть проложен путь людям для понимания Мистерии Голгофы и как в последующее время, то есть после того, как Мистерия Голгофы совершилась, люди могут прийти к ее пониманию. Это понимание должно быть достигнуто совершенно иным способом, чем всякое другое понимание исторических фактов развития человечества. "Как с этим обстоит дело, мы лучше всего сможем увидеть из того, что самым явственным образом разыгралось именно в наше время.

Начиная с XVIII столетия, с самых различных точек зрения для

современного сознания отыскивались своего рода опоры для веры в Мистерию Голгофы. Это искание прошло многообразные фазы. До XVIII столетия, в сущности, мало спрашивали о том, какие исторические документы - "исторические документы" в том смысле, как о таких документах говорят, - наличествуют для подтверждения существования Христа Иисуса. В человеческих душах, которые этим занимались, было еще очень живо то, что как воздействие изшло от Мистерии Голгофы. Люди, можно сказать, слишком явственно видели то, что это воздействие связывалось в течение столетий с именем Христа Иисуса, чтобы они задавались вопросом: свидетельствуют ли какие-нибудь документы о том, что Христос Иисус вообще существовал. Для тех, которые исповедовали Христа Иисуса, Его существование было совершенно само собой разумеющимся, и также была само собой разумеющейся - в гораздо большей мере, чем теперь думают, - уверенность в человеческой и одновременно сверхчеловеческой духовно-божественной Сущности Христа Иисуса.

Но все больше и больше подступали материалистические времена. И вместе с этим вступило в развитие человечества то, что с необходимостью связано с материалистическим воззрением. Это воззрение не переносит того взгляда, что в человеке живет нечто от высшей индивидуальности - вообще не выносит, чтобы через внешнюю личность восходили к духовному в человеке. Если на людей смотрят материалистически (это всего радикальнее происходит в наше время), то люди с точки зрения материализма весьма схожи: все ходят на двух ногах, все имеют по одной голове и по одному носу на определенном месте лица, по два глаза и т. д. И материалистическое время усматривает, что все люди таким образом одинаково выглядят. Почему же нужно еще взирать на что-то такое, что скрыто за этим внешним человеком? Это даже обидно для того, кто не может сказать себе, что в настоящем воплощении за его личностью не скрыто что-то значительное, как в другом человеке. Материализм этого не допускает. Так утратили возможность понимания того, что в человеке "Иисусе из Назарета" мог быть Христос; и в течение XIX столетия люди вообще утратили идею "Христа". Все больше и больше направляли они взор просто на "Иисуса из Назарета", который должен был родиться в Назарете или где-нибудь еще, жил как человек, распространял лишь прекрасные поучения, а потом мог каким-либо образом принять мученическую смерть. Человек Иисус все больше и больше занимал место Христа предшествующих столетий. Это было само собой разумеющимся для материалистического воззрения.

И тогда, что опять-таки само собой разумеется, в XIX столетии развилось то, что называют "исследованием жизни Иисуса". И просвещенная теология не ищет ничего другого, кроме этого "исследования жизни Иисуса". Как устанавливают данные о Карле Великом или о ком-нибудь еще, так пытались отыскать данные о жизни Иисуса из Назарета. Но это очень трудно - установить данные относительно Иисуса из Назарета. Ибо здесь как главные документы предстают Евангелия и послания Павла. Но в смысле

"исторических документов", Евангелия, конечно, не могут считаться таковыми. Их - четыре, и для внешнего материалистического способа рассмотрения они противоречат друг другу. В ходе исследования жизни Иисуса искали всяческие выходы из этого затруднения. В наши дни можно поначалу не принимать во внимание ту фазу исследования жизни Иисуса, которая связана с тем, что в материалистическое время люди не хотели больше верить в "чудеса", а потому чудеса, о которых рассказывается в Евангелиях, истолковывали самым удивительным образом. Эти истолкования были примерно того калибра, что явление Христа Иисуса на озере объясняли так, что Он, мол, не ходил по озеру своими ногами физически; - мы уже видели, что с этим связано, - а ученики не знали физических законов ... И вот в одном из уродливых проявлений исследования жизни Иисуса эти вещи представлены так, что апостолы плыли на лодке, а по берегу шел Христос Иисус, тогда людям же, стоявшим на противоположном берегу, было легко обмануться и поверить, что Христос Иисус шел по воде. Не лучше обстоит дело и с другой, рационалистически уродливой попыткой объяснения превращения воды в вино, когда утверждают, что при этом в воду добавляли что-то вроде винной эссенции! Кто-то пытался далее Иоанново крещение в Иордане объяснить таким образом, что просто в этот момент мимо пролетел голубь. Все это есть! Чего только не бывает на земле - на почве, которую называют почвой строгой, объективной науки! Впрочем, на эти уродливые "объяснения" можно совсем не обращать внимания.

Можно бросить взгляд на то исследование, которое пытались рассматривать сверхчувственное как своего рода "приправу" в материалистическом смысле, и тогда сказать себе: если во Христа Иисуса верить невозможно, то невозможно не верить, что кто-то как сын плотника родился в Назарете, двенадцати лет был во Храме и т.д., если все сверхчувственное изъять, а затем скомбинировать, что есть в различных Евангелиях, что согласуется или не согласуется между собой, тогда можно получить нечто вроде биографии Иисуса из Назарета. Это пытались сделать самым различным образом. При этом не могло не случиться (ибо такую биографию пытались написать многие), что все подобные биографии оказывались различными. Была также и такая пора в исследовании жизни Иисуса, когда Его представляли как некоего высшего человека, как некоего горнего Сократа - подобно тому, как и самого Сократа, представляют на материалистический манер.

Таково исследование жизни Иисуса, которое главным образом билось над биографией Иисуса из Назарета. Но, в сущности, опять-таки должны были вызвать возмущение две вещи: во-первых, по части самих документов, ибо Евангелия никак не являются документами в том смысле, как теперь говорят историки и что они признают "историческими документами". Это связано с наличием в текстах Евангелий многих внешних противоречий, а также со всем тем, как и в какой степени они сохранились. В последние годы присоединилось еще нечто другое к этому исследованию жизни

Иисуса. Нашлись люди, которые все же обратили внимание на те места в Евангелиях, о которых мы знаем, что там идет речь о сверхчувственных фактах. Эти люди, хотя и захваченные верой в материализм, - нашли в Евангелиях эти вещи, а поэтому не могли их просто выкинуть из исследования, как выкинули первые исследователи жизни Иисуса. Тогда пришли к другому, к "исследованию Христа", которое развилось в последние годы, - в то время как исследование жизни Иисуса долго кульминировало в крылатом выражении одного нынешнего профессора "о простолюдине из Назарета"; ибо людям приятно было, им было лестно, что не надо признавать что-то высшее в Евангелиях; им больше нравилось говорить о "простолюдине из Назарета", чем подниматься к Богочеловеку.

Но, тем не менее, открыли Богочеловека, и тогда появилось "исследование Христа". Оно весьма своеобразно. Оно выступает в особенно гротескной форме в сочинении "Вот - Бог" ("Ecce Deus") Бенджамина Смита (Бенджамин Смит (1850-1934). "Ecce Deus. Первохристианское учение о чисто божественном Иисусе", Йена, 1911 г. и "Дохристианский Иисус. Предварительные изыскания по истории возникновения иерво-христианства", Йена, 1911 г.) и во всем другом, что он написал. Там говорится, что "Иисуса из Назарета" вообще не было, что это всего лишь сказание. Но так как Евангелия все же гласят о Христе Иисусе, то что Он такое? Это - измышленный Бог, идеальный образ. И люди теперь уже получают хорошие основания отрицать реальность "Иисуса из Назарета", потому что Евангелия, говоря о Христе, приписывают Ему свойства, которых вообще не бывает, согласно материалистическому воззрению. Из этого ясно следует, что Он не мог исторически существовать, что Он должен был быть выдуман. Он, мол, возник как поэтический образ в ту эпоху, к которой отнесена Мистерия Голгофы. Так в последние годы от "Иисуса" некоторым образом вернулись ко "Христу"; но этот "Христос" - вообще не реальность, он живет только в человеческих мыслях! В этой области все, так сказать, утратило почву в настоящее время.

Конечно, широкая публика мало знает обо всех этих вещах, но по существу все стало расплывчатым на почве науки в отношении Мистерии Голгофы, и нигде нет твердой почвы. "Исследование жизни Иисуса" прекратилось, потому что оно ничего не может доказать, а об "исследовании Христа" вообще нельзя говорить серьезно. Ибо дело, ведь, в том колоссальном воздействии, какое изошло от этого Существа, связанного с Мистерией Голгофы. Если все это только поэтическое измышление, тогда именно материалистическая эпоха должна была бы возможно скорее отучиться смотреть на Евангелие, как на "поэму"; ибо материалистическая эпоха не может верить, чтобы какая-либо "поэма" могла совершить наиважнейшую миссию всех времен. Да наше "просвещенное" время далеко зашло тут в нагромождении противоречий и не подозревает, что как раз к этой области науки относится изречение: "Господи! прости им, ибо они не ведают, что творят!" Это относится ко всем современным исследованиям об

Иисусе и Христе, которые не хотят серьезно и достойно встать на спиритуальную почву.

Однако само Евангелие уже ясно предсказало то, что описанным образом выступило в наше время. Люди, которые хотят быть материалистами, которые хотят верить только тому, что является материалистическому сознанию в мире внешних чувств, не могут найти никакого пути ко Христу Иисусу. Этот путь им отрезан вследствие того, что те, кто стояли ближе всего ко Христу, покинули Его как раз в то время, когда совершалась Мистерия Голгофы, и только позднее опять встретились с Ним, так что они не участвовали в произошедшем в Палестине на физическом плане. Не существует никаких достоверных документов об этом и с другой стороны - это общеизвестно. Однако мы имеем в Евангелии от Марка и других Евангелиях описание как раз этой Мистерии Голгофы.

Откуда взялись эти описания? Рассмотрим этот вопрос необычайно важно, и мы возьмем такое описание в одном единственном случае - в случае Евангелия от Марка. В Евангелии от Марка кратко, но достаточно четко указано на то, что после сцены Воскресения, "юноша" в белой мантии, то есть космический Христос после свершения этой Мистерии снова явился ученикам, импульсировал их. И потому могли такие ученики, такие апостолы, как, например, Петр, после того, как они были проникнуты импульсом, излитым на них Христом, получить вспыхнувшее в них ясновидение. То, что они не смогли увидеть своими физическими глазами, так как убежали, узрели потом ясновидчески. У Петра и тех других, которые смогли стать тоже учениками после Воскресения Христа Иисуса, отверзлись глаза для ясновидения, так что они смогли ясновидчески узреть Мистерию Голгофы.

Есть только один-единственный - ясновидческий - путь к Мистерии Голгофы, хотя она и совершилась на физическом плане! Это мы должны твердо усвоить, на это ясно указывает Евангелие, описывая, что самые избранные ученики в решающий момент бежали; так что в такой душе, как душа Петра, после того, как она восприняла импульс от Воскресшего, воссияло воспоминание о том, что произошло после их бегства. Обычно человеку вспоминается только то, при чем он присутствовал в мире внешних чувств. Но при таком ясновидении, которое тогда появилось у учеников, бывает - по сравнению с обычным воспоминанием - так, что имеют как бы в памяти и такие физически-чувственные события, при которых не присутствовали. Подумайте о вспыхивании воспоминаний у такой души, какой была душа Петра, о событиях, при которых он не присутствовал непосредственно. Вот так, из своей памяти, учил, например, Петр тех, которые хотели его слушать - учил о Мистерии Голгофы, учил их тому, что он помнил об этой Мистерии, хотя и не присутствовал при этом.

На таких путях пришло учение, откровение Мистерия Голгофы. Но импульс, который исходил от Христа на таких учеников, как Петр, мог передаваться и тем, которые, в свою очередь, становились

учениками этих учеников. Таким учеником Петра был тот, который составил - правда, только устно - так называемое Евангелие от Марка. Так перешел импульс, который проявился в душе Петра, на душу Марка, что Марк сам в собственной душе узрел как вспыхнувшее воспоминание то, что совершилось в Иерусалиме как Мистерия Голгофы. Довольно долгое время Марк был учеником Петра. Потом пришел он, Марк, в одну местность, где действительно получил ту внешнюю среду, внешнее окружение, из которого мог почерпнуть для своего Евангелия ту окраску, которую нужно было придать именно этому Евангелию.

Во всех наших изложениях - возможно, позднее удастся добавить к этому что-то еще - можно усмотреть всегда одно, а именно, что Евангелие от Марка всего яснее дает почувствовать все космическое величие и значение Христа. К этому изображению космического величия Христа первоначальный автор Евангелия от Марка мог быть побужден как раз тем местом, в которое он попал после того, как побыл учеником Петра. Он оказался в Александрии, в Египте, и жил там в то время, когда еврейская теософско-философская ученость достигла в Александрии определенной высоты. Там он мог воспринять то, что было тогда лучшими сторонами языческого гнозиса. Там он мог почерпнуть воззрения, которые были уже и тогда, о выходе человеческого существа из духовного состояния, о соприкосновении этого человеческого существа с Люцифером и Ариманом, о принятии люциферических и ариманических сил в душу человека. Он мог узнать из языческого гнозиса все то, что давало понимание происхождения человека из космоса при становлении нашей планеты. Но Марк мог также видеть (как раз в одном месте внутри Египта), как силен контраст между тем, к чему был первоначально предназначен человек, и тем, чем он сделался потом.

Это лучше всего обнаруживается в египетской культуре, которая ведет свое происхождение от высших откровений, - от откровений, какие потом можно было видеть отображенными в египетской архитектуре, в пирамидах и дворцах, в культуре Сфинкса; но эта культура в Египте все больше приходила в упадок, в испорченность, в развращенность, так что величайшие достижения египетской культуры претерпевали все большее (как раз во время третьей культурной эпохи) падение, превращаясь в самые пагубные порождения черной магии, в самые пагубные извращения спиритуального. Если имели для этого духовные очи, то можно было узреть еще глубочайшие тайны в том, что происходило в Египте, ибо это исходило из древней чистой мудрости Гермеса. Но для этого все больше требовалась такая душа, которая смотрела бы в основу вещей, а не на то, что было в наличии как развращенность. Уже во времена Моисея испорченность, развращенность была сильна, и уже он должен был то, что было в Египте как благое, но едва заметное (и для такой высокой души, как душа Моисея), извлекать из этого египетского мира для того, чтобы окольным путем через его душу оно могло перейти к грядущим поколениям. - А потом развращенность в спиритуальном

отношении пошла еще дальше.

Как человечество может пасть, как оно может совершенно обратиться к материализму именно в отношении воззрений - это живо стояло перед душой Марка. И Марк пережил нечто такое, что - хотя и в другой форме, но все же как нечто подобное - может пережить человек опять теперь, если только он имеет к тому чувство и ощущение. Ибо мы переживаем ныне, собственно, повторение египетской культуры. Я часто подчеркивал, как своеобразны сопряжения культур человечества. Из семи следующих друг за другом культурных эпох, четвертая культура, с Грецией и Мистерией Голгофы, стоит сама по себе; но третья эпоха, с египетско-халдейской культурой, снова выступает - только неким неспиритуальным образом - в нынешней культуре, в нынешней науке. В нашей материалистической культуре, даже во внешних проявлениях культуры, мы имеем известное воскресение третьей культурной эпохи в пятой эпохе. Также вторая эпоха повторится в известном отношении в шестой, а первая - в седьмой. Так объединяются, сопрягаются эти эпохи. Это уже часто подчеркивалось. Теперь переживают то, что такой дух, как Марк, мог тогда пережить самым интенсивным образом.

Если мы направим взор на современную культуру и не будем смотреть на явления развращенности (посторонним такое описывать нельзя из тактических соображений), то обнаруживается, что все механизировано, и поистине внутри нашей материалистической культуры поклоняются теперь, только механизму; хотя люди и не называют это молитвами и не называют это набожностью, но те душевные силы, которые некогда направлялись к духовным Существом, теперь направлены к машинам, к механизмам; им посвящают свое внимание, как прежде - действительно можно сказать - посвящали Богам! Так именно обстоит дело в отношении науки, которая совсем не знает, насколько мало она имеет дело с одной стороны с истиной, с действительной истиной, а с другой стороны - с действительной логикой.

С некоторой высшей точки зрения мы, правда, можем заметить теперь некое серьезное, глубоко интенсивное стремление, глубоко интенсивную тоску. В Мюнхене в одной лекции ("Теософия и духовная жизнь современности" - отдельная лекция, прочитанная 31 августа 1912 г.) мною было сказано о той страстной тоске нашего времени, как она выступает в некоторых душах; но в *официальной* науке этой тоски нет; наоборот, там есть, можно сказать, некое сытое довольство, но довольство чем-то странным - нереальным, нелогичным. Нигде эта наука не может узнать, хотя бы только то, как глубоко она увязла в противоположности всякой логике. Это все воспринимают, это все переживают люди, и это действительно так, что от одной крайности должна возгореться другая в эволюции человечества. Как раз эта неудовлетворенность внешней наукой, это нереальное, нелогичное внешней науки, это надмевание и даже неподозревание того, как, собственно, обстоит дело с внешней наукой, - это непременно вызовет мало-помалу

благороднейшую реакцию и должно вызвать в наше время жажду спиритуального в душе человека.

Это будет длиться еще долго, и люди, глубоко увязшие в нашей неестественности и нелогичности, будут потешаться над духовной наукой, высмеивать ее или же считать опасной. Но внутренней силой фактов само собой возгорится противоположное. И если только те, кто в этом нечто понимает, не впадали бы в болезнь компромиссов и видели ясно, то это пошло бы гораздо скорее, чем идет теперь. Потому что мы постоянно переживаем следующее: если выступает какой-то ученый и говорит что-то, о чем другой человек думает, что "это совсем теософично", то этому сейчас же придается значение; а если кто-нибудь проповедует что-то с кафедры, о чем другой думает, что "это вполне по-антропософски", то этому сейчас же придается еще большее значение. Дело не в том, чтобы идти на такие компромиссы, но в том, чтобы мы со всей честностью и истинностью вводили себя в спиритуальную жизнь и давали воздействовать на себя ее импульсам. Чем больше мы уясним себе, что должна быть возжена внутренняя жизненность спиритуальной жизни, и чем больше мы убедимся в том, что нет никаких оснований признавать оправданной надежду извлечь что-нибудь толковое из материалистического мышления нашего времени - тем будет лучше. Это есть нечто другое, чем стремление доказывать, что действительно передовая наука находится в гармонии со спиритуальными исследованиями. Это можно доказать, можно действительно доказать на каждом шагу.

Ибо эта наука почти на каждой странице своих трудов впадает в такого рода логические ошибки, на которые снова обратил внимание один из наших друзей, юмористическим образом показав логическую ошибку профессора Шляухерля (из "Fliegende Blatter"), который хочет доказать - посредством чего лягушка слышит. Он дает лягушке прыгать по столу, и, когда он ударяет по столу, лягушка сильно подпрыгивает. Значит, она слышит стук. Когда же он отрезал лапки, стукнул, лягушка не прыгнула, то профессор делает логический вывод - лягушка слышит лапками. В точности такой же логический вывод делается, например, при прославленном исследовании мозга. Замечают, что если у человека имеется та или иная часть мозга, то можно иметь, например, память на слова или питать мысли; если же потом этой части мозга нет, то уже нельзя иметь мысли или же теряется память на слова, - все это совершенно по примеру умозаключения относительно лягушки, которая слышит лапками. Нет в этих вещах никакой логики - только люди этого не замечают. Ибо для факта, что человек с определенной частью мозга может думать или не может думать, когда этой части недостает, не находят другого объяснения, как для лягушки, которая, мол, не слышит, если ей обрезать лапки. Ведь это то же самое, только не замечают, что все это умозаключение основывается ни на чем другом, как на ошибках мышления. Можно доказать такие ошибки во всем том, что считается теперь твердо установленным научным результатом. Но чем больше делают ошибок, тем больше гордятся своей наукой

- и хулят спиритуальную науку.

Самая благородная реакция на это - вызывать все большее стремление к спиритуальной науке. Эта, только на современный лад оформленная реакция должна была быть пережита в душе Марка, когда он в свое время обнаружил - насколько человечество опустилось со своей былой спиритуальной высоты и дошло до голой привязанности к материальному. Этим для него создано глубокое понимание того, что величайший Импульс живет в сверхчувственном, и это понимание еще укрепил его учитель. То, что дал ему Петр, было совсем иным, чем могло прийти от сообщения о Мистерии Голгофы, исходя из восприятий внешних чувств, если бы кто-нибудь видел своими глазами, что происходило в Иерусалиме; но все это было потом познано ясновидчески. Так возникли все сообщения о Христе Иисусе и о Мистерии Голгофы.

Мистерия Голгофы есть событие, которое произошло на физическом плане, но которое можно было узреть потом только ясновидчески. Я прошу вас принять во внимание особенно следующее: Мистерия Голгофы есть физически-чувственное событие; однако путь к его пониманию надо искать на сверхфизическом, на сверхчувственном пути - и даже несмотря на документы, которые остались; именно так должно быть отыскиваемо это понимание. Кто этого не понимает, тот может спорить - в какой мере имеет ценность то или другое Евангелие. Для того же, кто знает истинное положение вещей, эти вопросы не существуют. Он знает, что нам необходимо взирать через недостаточные предания, которые многообразно представлены в Евангелиях, на то, что нам еще и теперь может показать ясновидческое исследование. И тогда, если мы ищем истину того, что совершилось, мы можем узреть в реконструкции по данным Акаша-хроники, как нам следует трактовать Евангелия и что в отдельных местах предлагается прочесть, - прочесть о том, что было явлено человечеству как истинное достоинство, истинное Существо человека - в то время когда оно глубоко пало со своей былой высоты.

Божественно-духовные власти дали человеку его внешний образ, внешнюю форму. Но то, что жило в этой форме с древнелемурийского времени, это стояло всегда под влиянием люциферических, а в дальнейшем ходе развития - и ариманических сил. Под этим влиянием развилось потом то, что люди стали называть наукой, познанием, пониманием. Неудивительно, что когда человечеству могло быть явлено как раз в то время истинное, сверхчувственное существо человека, люди меньше всего его узнали, меньше всего осознавали - чем стал человек. Человеческое знание, человеческое познание все больше и больше запутывалось в бытии внешних чувств. Человеческое познание могло все меньше и меньше проникать к истинному существу человека.

Именно это должны принимать в соображение, когда мы еще раз обращаемся к покинутому Сыну Человеческому, к образу человека, который стоит перед нами в тот момент, когда, согласно Евангелию

от Марка, космический Христос все больше терял связь с Сыном Человеческим. Тогда стоял перед человечеством, которому все это было явлено, Человек в том своем образе, какой дали человечеству Божественно-духовные Власти. Так стоял Он тогда, но возвышенный, одухотворенный трехлетним пребыванием Христа в Иисусе из Назарета. Таким стоял Он перед своими ближними. Люди завоевали себе в смысле понимания только то, что сделали из понимания и познания тысячелетние влияния Люцифера и Аримана. А тогда стоял там Человек, который за эти три года изгнал из себя люциферические и ариманические влияния. Тогда было явлено другим людям то, каким был человек прежде, чем пришли Люцифер и Ариман. Только через импульс космического Христа был этот человек снова таким, каким он был введен в физический мир, низойдя из духовного мира. Тогда стоял там Дух человечества - Сын Человеческий - перед теми, кто тогда был судьями, палачами в Иерусалиме. И Он стоял таким, каким Он мог стать, когда все, что Его прежде уничижило, было изгнано из человеческой природы. Тогда, когда совершалась Мистерия Голгофы, стоял Человек перед другими людьми, его собратьями, в таком образе, перед которым эти другие должны бы встать и молиться: "Вот я тут, в моем самом высшем идеале, в том образе, какого я должен достигнуть, преобразовав себя самым горячим стремлением, которое только может исходить из моей души. Вот я стою перед Тем, что единственно достойно почитания и молитвы во мне самом - перед Божественным во мне", о чем апостолы, если бы они могли обрести самопознание, должны были бы сказать себе: "Во всем обширном окружающем мире нет ничего такого в отношении его состояния и величия, что могло бы сравниться с тем, что есть перед нами в Сыне Человеческом!"

Такое самопознание должно бы иметь человечество в тот исторический момент. А что сделало это человечество? Оно плевало на Сына Человеческого, бичевало Его, повело Его на распятие! Это драматический поворотный пункт от того, что должно было бы быть - от признания, что тогда стояло перед людьми то, с чем ничто во всем мире не может сравниться - к тому, что нам здесь показано в сцене унижения. Показан человек, который вместо того, чтобы познать себя, сам себя втаптывает в прах, сам убивает себя, потому что не познает себя, и только через этот урок, через этот космический урок может получить Импульс, благодаря которому открывается возможность мало-помалу в борьбе добиться своей сущности - в дальнейшей перспективе земного развития.

Таков был этот всемирно-исторический момент, и так должны мы его характеризовать, если хотим характеризовать верным образом, как это обозначено в чеканных, могучих формулировках Евангелия от Марка. Ибо это хочет быть не только понято - это хочет быть прочувствовано! Из этого втаптывания в прах собственного существа изошло то, что в цикле лекций "От Иисуса к Христу" в Карлсруэ мною было описано как фантом (См. рассмотрения в шестой лекции названного цикла). Ибо, в силу того, что человек

втаптывает в прах свое собственное существо, то, что было внешним подобием Божества, превратилось в "фантом", который умножается и, в ходе дальнейшего развития человечества, умножившись, сможет проникать в души, как это было представлено в цикле в Карлсруэ.

Если так рассматривать эти вещи, то обнаруживается действительно великая разница между тем, что, хочет передать Евангелие от Марка, и тем, что теперь во многих случаях из этого хотят сделать. Кто Евангелие, и в особенности Евангелие от Марка, понимает, - так понимает, что то, что там изображено, ощущает, чувствует в его художественном построении и сообразно его глубокому содержанию, - у такого человека это чувство становится реальным внутренним фактом, тем реальным внутренним фактом, который во всяком случае должен быть, если хотят обрести отношение ко Христу Иисусу. Душа уже должна хотя бы немного отдаться проникнутому чувствованием и ощущением переживанию: как мои ближние, люди, которые тогда окружали Сына Человеческого и должны были бы узреть в Нем себя, в своем высшем идеале - как они были охвачены заблуждением!

Если кто-либо является вполне человеком нашего материалистического времени, а особенно, если он является "просвещенным" монистом (хочется сказать - разделяющим монистическое суеверие), тогда у него вырывается такое замечание, которое теперь можно часто читать или слышать: "Еще ни один человек не мог ответить на то, почему существование таково, как оно есть? Почему испытываем мы страдания? Ни Будда, ни Христос, ни Сократ, ни Джордано Бруно не могли поднять ни краешка этой завесы!" Мы слышим это повторяющимся в бесчисленных вариациях. Такие люди, которые это пишут, не замечают, что они считают себя гораздо выше Будды, Христа, Сократа и т.д., и что они все понимают в этом смысле. И как бы это могло быть иначе в такое время, когда каждый приват-доцент лучше всех понимает вещи, совершившиеся в ходе истории, и о которых каждый приват-доцент пишет свои книги, какие он должен написать в профессиональном порядке!

Могло бы показаться, что эти вещи высказываются только из желания подвергнуть критике наше время. Нет! Это не так. Но эти вещи должны выступить перед нашей душой, ибо только благодаря тому, что мы даем им выступить перед нашей душой, мы как-то постигаем ту дистанцию, которая лежит между ними и такими грандиозными величинами, как Евангелия, как, например, Евангелие от Марка. Ни по какой другой причине, кроме как по причине того, что люди так медленно поднимаются до их высоты, их все снова и снова ложно истолковывают и представляют людям в крайне искаженных образах. А Евангелия велики во всех своих частностях, и каждая их частность учит чему-то особенному.

Так мы можем еще многому научиться из последней главы Евангелия от Марка. Конечно, мне долго пришлось бы еще говорить, чтобы исчерпать все великие идеи Маркова Евангелия.

Но одна подробность, стоящая прямо в начале шестнадцатой главы, показывает нам, сколь глубоко автор этого Евангелия проник в тайны бытия. Он знал, как человечество спустилось своей былой духовной высоты и впало в материализм; он знал, как мало доросла человеческая способность понимания до постижения существа человека, и как мало люди во время Мистерии Голгофы были склонны понять то, что тогда произошло.

Вспомните о том, что я часто излагал в отношении "женского" и "мужского"; что женский элемент - не как индивидуальность, не как отдельная женщина, а как "женское" начало - не совсем спустился на физический план, в то время как "мужское" начало - опять-таки не как отдельная индивидуальность, не как существо в данной инкарнации, а как "мужское" начало - переступило через эту черту; так что в действительности истинная человечность лежит между мужчиной и женщиной. Поэтому человек как таковой в своих отдельных воплощениях меняет пол. И вот дело обстоит так, что женщина как таковая благодаря иному строению своего мозга, благодаря тому, что она может иначе пользоваться своим мозгом, оказывается в состоянии легче схватывать спиритуальные идеи.

Наоборот, мужчина больше приспособлен к тому (как раз благодаря организации его внешней физической телесности), чтобы больше вдумываться в материализм, ибо, если выразиться грубо, его мозг тверже. Женский мозг - мягче, не так упрям, не так отвердел в себе (говорится это не об отдельных личностях, потому что часто на женском теле сидит очень упрямая голова, не говоря уже о противоположном случае). Но, в общем, это так, что женским мозгом легче пользоваться, если дело идет о понимании чего-то особенного и если к тому имеется добрая воля. Поэтому автор Евангелия от Марка предоставляет женщинам первым приблизиться, когда свершилась Мистерия Голгофы.

"И когда прошла суббота, Мария Магдалина, и Мария - дочь Иакова, и Соломея купили благовония, чтобы идти помазать Его" (16,1).

И сперва им является "юноша", то есть космический Христос, и только потом ученикам-мужчинам. До таких частных композиций и содержания доходит истинный оккультизм, истинная духовная наука, как это имеет место в Евангелиях - в особенности в могучем Евангелии от Марка.

Если мы так чувствуем то, что гласит нам из Евангелий, и даем себя побуждать тому, что нами так чувствуется и ощущается, то лишь благодаря этому находим мы путь к Мистерии Голгофы. И тогда больше не существует вопроса: подлинны ли эти Евангелия во внешне-историческом смысле или же нет? Это можно предоставить исследовать тем, кто ничего в этих вещах не понимает. Тем же, кто через духовную науку поднимаются к ощущению и пониманию Евангелий, будет постепенно становиться ясно, что Евангелия вовсе и не хотят быть прежде всего "историческими" документами, но что они суть такие провозвестия,

которые вливаются в наши души. И если они проливают в наши души свои импульсы, тогда души захватываются (не нуждаясь в документах) тем, что они чувствуют и переживают, когда направляют взор на Мистерию Голгофы, причем, они тогда видят, как человеческое понимание, человеческое знание и человеческое познание оказались гораздо ниже Существа человека - как они оплевали и распяли это Существо, Которое они должны были бы почитать, при мудром само познании, как свой самый высший идеал. И тогда из этого ощущения изойдет высокая сила, чтобы подняться к тому, что благодаря этому идеалу Голгофы сияет и светит всем тем, кто хочет ощутить, хочет это воспринять. Ибо то, что Земля связана с духовными мирами, люди в реальности постигнут только если поймут то, что Христос как духовная Реальность, как космическая Сущность жил в теле Иисуса из Назарета; если они поймут, что все те, кто были в мире руководителями человечества, были только предпосланы Христом как Его предтечи, как те, которые должны были подготовить Ему пути для того, чтобы Он мог быть узнан, понят людьми; однако в момент, когда совершалась Мистерия Голгофы, вся эта подготовка принесла мало пользы, потому что в решающий момент отказало ведь все! Но все больше и больше будет наступать время, когда люди станут понимать не только Мистерию Голгофы, но и другие события, которые группируются вокруг нее и при помощи которых также и Мистерия Голгофы может быть все больше и больше понята.

Покамест на европейские народы могут, пожалуй, смотреть косо, - потому что они делают не так, как многие другие народы, которые признают истинным только "свое" вероисповедание, которое исходит от "их" нации или расы, как мы это видим, например, в Индии, где признается только то, что исходит от собственной крови. В теософских кругах часто говорят о признании всех религий, о равенстве их, тогда как в действительности хотят проталкивать только свою собственную и смотрят на нее, как на единственную религию мудрости. Европейцы не могут этого делать, потому что ни один европейский народ не имеет теперь своего национального Божества, как-либо выросшего на его собственной почве, как имеют их азиатские народы. Христос Иисус принадлежит Азии, и европейские народы приняли Его, дали Ему на себя воздействовать. В принятии Христа Иисуса нет никакого эгоизма, и было бы полным искажением фактов, если бы хотели сравнить то, каким образом говорят европейцы о Христе Иисусе с тем, как говорят другие народы о своих национальных Божествах, например, китайцы - о своем Конфуции или индусы - о Кришне и Будде.

О Христе Иисусе можно вполне говорить с точки зрения объективной истории. Эта история не имеет тут дела ни с чем другим, как только с великим призывом к самопознанию человека, которое так основательно было искажено, превращено в свою полную противоположность, когда происходила Мистерия Голгофы. Но через эту Мистерию Голгофы человечеству была дана

возможность получить Импульс, чтобы прийти к самому себе, тогда как в те времена все отказало человечеству, как мы это видели в отношении Мистерии Голгофы - все познание, все внешнее познание. Итак, в будущем, верно понимая друг друга, все религии мира станут постепенно взаимодействовать, чтобы то, что заложено в Мистерии Голгофы, понять и сделать человечеству доступным.

Когда однажды в будущем увидят, что, говоря о Христе Иисусе, имеют дело не с эгоистическим вероисповеданием, но с тем, что как исторический факт эволюции человечества равным образом может понять и принять каждое вероисповедание, только тогда все религии придут к постижению того зерна мудрости и истины, что есть во всех религиях. И та мера, в какой духовную науку еще не приемлют в истинном смысле, - это та же самая мера, в какой еще отклоняют истинное понимание Мистерии Голгофы. Ибо мера понимания духовной науки дана в той мере понимания, какую человек имеет в отношении Мистерии Голгофы. Так, христианин, который обратился к духовной науке, может, собственно, добиться взаимного понимания со всеми людьми мира. И если в безграничном высокомерии (какое, впрочем, можно назвать вполне понятным и оправданным) представители других религиозных систем говорят: "У вас, христиан, есть только одно-единственное воплощение Бога; мы же можем засвидетельствовать многие, так что мы имеем то же, что и вы, только в гораздо большей мере!", то христианин не должен бы отвечать прозелитизмом за Христа Иисуса, ибо тем самым он показал бы, что не понимает Мистерии Голгофы. Христианин с правом может фактически сказать (в том числе тем, кто указывает на многочисленные инкаркации основателя своей религии): "Конечно. Но все те, кто имели много инкарнаций, не могли все же совершить Мистерию Голгофы. И пусть поищут это, как оно представлено в христианстве, в какой-либо другой религии!"

Я прежде показал уже, что если мы проследим жизнь Будды, то приходим к тому моменту, который в Евангелии от Марка дан для Христа как Просветление, Преображение - когда Будда, дойдя до последнего конца человеческой жизни, растворяется в Свете, как об этом рассказывается и что соответствует оккультной истине. Тогда наступает для Христа (как вы мол-сете найти это описанным в моей книге "Христианство, как мистический факт" то, что выступает в сцене Преображения; но не только так, что Он единственный имеет Просветление, но что Он тогда беседует на горе - на месте, где должны разыгрываться космические события с Илией и Моисеем. *Лишь после этой сцены Преображения начинается Мистерия Голгофы.* Это содержится так очевидно в самих документах, что отрицание этого факта оказывается по существу невозможным, если о нем однажды узнали при сравнении жизни Будды с жизнью Христа. И по существу также то, что я мог теперь сказать вам о том чувствовании, какое вздымается в нас в отношении многозначительного непризнания Сына Человеческого людьми, - это есть только само собой разумеющийся вывод из того,

что уже находится обозначенным в моей книге "Христианство, как мистический факт".

Заканчивая эти лекции о Евангелии от Марка, я смею сказать следующее. Та программа в отношении христианства, которая была в начале нашего средневропейского движения, эта программа была осуществлена конкретно. Когда мы начали, было дано основное направление, поскольку религии показывают дальнейшее развитие и могут достигнуть вершины в проблеме Христа. Мы рассмотрели отдельные Евангелия и многие мировые свершения; мы стремились проникать все глубже и глубже в колодезь оккультной жизни, разъясняя то, что было дано прежде. Мы старались последовательно двигать вперед нашу работу. По существу, мы не сделали ничего иного, как только конкретно разработали то, что было ясно и отчетливо сказано нами тогда в нашем исходном пункте. Разве это не было самым естественным продолжением в отношении проблемы Христа внутри теософского движения в Средней Европе? И когда тут было совершено такое, то другие люди, которые три года тому назад обратились к мысли о Христе, невозможной в смысле христианства, они поистине не смели бы требовать от нас, обладающих плодами нашей последовательной работы, чтобы мы обратились бы к этой надуманной три года тому назад идее о Христе и стали бы ее проповедовать. В последнее время стали часто усиленно повторять, что Теософское общество, мол, должно быть местом для всех "мнений". Конечно, так должно было бы быть. Однако за исключением того случая, когда оно должно было стать также ареной действия сменяющих друг друга различных мнений одной и той же личности, - когда одна и та же личность утверждает теперь нечто другое по сравнению с тем, что она утверждала четыре года тому назад, и требует, чтобы Теософское общество сделалось ареной этого ее теперешнего мнения. Это, может быть, и могло бы иметь место, если бы не требовали соучастия в этом и не объявляли еретиком того, кто отказывается принимать участие в этих вещах. В Средней Европе пошли еще дальше; зашли настолько далеко, что стали называть белое - черным, а черное - белым.

Это есть как раз торжественный момент, когда мы осуществляем последний заключительный пункт программы нашей работы, намеченной 10 лет тому назад. Мы хотим быть верными нашей работе и хотим также не оказаться недостаточно мужественными и недостаточно проницательными в отношении чего-то другого. Мы хотим ясно прозревать, что нам надлежит делать; мы хотим твердо стоять на нашей почве и не дать ввести нас в заблуждение ни тогда, когда белое называют черным, а черное - белым; ни тогда, когда в отношении того, что совершено в нашем средневропейском теософском движении, где каждый стремится из своих лучших сил дать то, что он призван дать как свое самое лучшее, без оглядки на какой-либо авторитет, - когда в отношении всего этого утверждают, что это средневропейское теософское движение, мол, содержит в своих рядах фанатиков и догматиков, и

когда те, кто сами высказали некую догму, которой сейчас исполняется едва три года, хотят вызвать враждебность по отношению к так называемой "ужасной догме" Средней Европы. Больно видеть, какое бесчинство творится теперь именем Христа. Однако для нас самих является оправданным даже употребление этого слова не иначе, как усматривая в нем некий объективный "технический термин". Мы всего лишь обозначаем таким образом соответствующие объективные факты, обозначаем без эмоций, без критики; это вина уж самих этих объективных фактов, что мы должны обозначать их посредством такого слова.

Нас же эти факты по отношению к тому, что может проистечь из действительного понимания такого памятника, как Евангелие от Марка, не поведут ни к чему иному, как к дальнейшей работе в том смысле, какой мы считаем верным и какой оправдал себя не только при осуществлении нашей общей программы, но какой также почерпнут из положительных фактов и он заново выдерживает испытание каждый день, когда мы в этом смысле обращаемся к той или иной конкретной проблеме, к конкретным фактам. И ничего другого, кроме подтверждения того, что было сказано в нашем исходном пункте, не обнаружилось там, когда мы шли шаг за шагом нашим путем дальше, через подробности тех вещей, которые нами исследовались.

Даже тогда, когда мы рассматриваем величайшее, у нас не возникает никакого другого чувства, кроме настоящего и истинного стремления к истине. Такие вещи, какие открывает взгляд, направленный на Мистерию Голгофы, уже сами имеют необходимую целительную силу, чтобы изгонять заблуждения, когда к этим вещам действительно приближаются в духе, и тогда можно заметить, что, в сущности, только недостаток воли к истине не дает человеку следовать по пути, который открывается в земном мире к космическому, когда исследуется в Иисусе из Назарета космический Христос. Он же предстает нам так ясно, когда мы действительно понимаем такое Писание, как Евангелие от Марка!

По мере того, как такие Писания открываются пониманию людей благодаря духовно-научным спиритуальным наблюдениям, они будут постепенно проникать также и в остальное человечество и все больше и больше пониматься людьми. И все больше и больше станут в Евангелиях видеть слова, которые должны были быть найдены, даже пренебрегая внешней видимостью, посредством последующего созерцания Мистерии Голгофы. Те, кто написали Евангелия, они написали их, исходя из ясновидческого наблюдения, уже после событий, происшедших на физическом плане. Это надо понять и надо также усмотреть необходимость этого: ибо люди - современники событий в Палестине - не могли понять, что тогда произошло; только само это Событие могло дать Импульс к его пониманию. Прежде чем это событие совершилось, никого не могло быть, кто бы мог его понять. Оно должно было сперва оказать свое действие. Поэтому могло быть понято только после его свершения, позже. Ибо ключ к пониманию Мистерии Голгофы - это сама Мистерия Голгофы! Христос должен был сперва

совершить все те действия, которые Он должен был совершить, - вплоть до Мистерии Голгофы. Затем только благодаря тому, что Он совершил, могло прийти понимание Его Самого. Тогда благодаря тому, чем Он был, появилась возможность возжечь то Слово, которое одновременно является выражением Его истинной Сущности.

Так возжигается благодаря тому, чем был Христос, изначальное Слово - Слово, которое нам передано в Евангелии и которое может быть снова узнано посредством ясновидческого наблюдения, - Слово, которое возвещает об истинной сущности Мистерии Голгофы. И также об этом Слове должны мы думать, когда говорим о собственных словах Христа, о тех словах, которые Он сам не только произнес, но которые Он возжег в душах тех, которые могли Его понять, так что они могли обозначить и описать Его Сущность, исходя из своих человеческих душ.

Люди будут воспринимать импульсы Мистерии Голгофы, пока будет существовать Земля. Затем придет промежуточное время между "Землей" и "Юпитером". Такое промежуточное время всегда связано с тем, что не только отдельная планета, но и все, что находится вокруг нее, изменяется, обращается в хаос, проходит через Пралайю. Не только сама Земля станет другой в Пралайе, но и принадлежащее к Земле Небо. Но то, что было дано Земле благодаря Слову, которое произнес Христос, которое Он возжег в тех, кто Его узнали и признали, и будет продолжать жить в тех, кто Его узнали и признали, - это Слово есть истинная эссенция земного бытия. И верное понимание приносит нам истина того изречения, которое указывает на космический ход событий: как Земля и земной аспект, а равно и небесный аспект, созерцаемый с Земли, станут другими после того, как Земля достигнет своей цели, и Небо и Земля прейдут; но такое Слово Христа, которое было сказано о Небе и о Земле, оно пребудет. Если правильно понимают Евангелия, тогда чувствуют самые внутренние импульсы Евангелий, чувствуют не только истину, но и силу того Слова, которое само дается нам как сила и позволяет уверенно стоять на земной почве, а также заглянуть за пределы земного кругооборота, когда мы с полным пониманием принимаем изречение о том, что "Небо и Земля прейдут, но Слова Мои не прейдут!" (Мф., 24,35).

Слова Христа никогда не прейдут - не прейдут и тогда, когда прейдут и Небо и Земля. Так смеем мы сказать на основании оккультного познания: пребудут те истины, которые были сказаны о Мистерии Голгофы. Евангелие от Марка возжигает в наших душах понимание того, что Земля и Небо прейдут, но то, что мы можем узнать о Мистерии Голгофы, перейдет с нами в грядущие времена - также и тогда, когда Небо и Земля прейдут.